

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Грищенко Ж. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Кобяк О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г. Редакция издания «Журнал Белорусского государственного университета. Социология», Минск, Беларусь.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н. Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С. Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
- Beznyuk D. K.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Burova S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Vyatr J.** European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
- Galliyev G. T.** Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
- Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Golovakha E. I.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Grishchenko Z. M.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Inglehart R. F.** University of Michigan, Ann Arbor, USA.
- Kechina E. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kizima S. A.** Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Klingemann H.-D.** Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
- Kobyak O. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Korosteleva E. A.** University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
- Kurilovich N. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kuchko E. E.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Lapina S. V.** Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Likhachyov N. E.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Matulionis A.** Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
- Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rubanau A. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rud V. G.** Edition «Journal of the Belarusian State University. Sociology», Minsk, Belarus.
- Simkhovich V. A.** Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
- Sokolova G. N.** Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Stepin V. S.** Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Filinskaya L. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Herpfer K.** University of Vienna, Vienna, Austria.
- Chernyak Y. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Churilov N. N.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Shavel S. A.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Shchyolkova T. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.61

ВОЗРАСТАЮЩАЯ РОЛЬ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

*Е. М. БАБОСОВ*¹⁾

¹⁾*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь*

Показана роль креативной личности в развитии сетевого общества. Дана характеристика ее ключевым качествам. Рассмотрено функционирование и развитие сетевого общества и его основных элементов. Представлена модель сетцентрической системы применительно к военным действиям. Обосновывается мысль о том, что креативная личность в своих взаимодействиях с окружающей реальностью выступает главным субъектом всех социально-структурных трансформаций.

Ключевые слова: креативная личность; сетевое общество; социальные механизмы; творческое мышление; инновационная деятельность.

INCREASING ROLE OF CREATIVE PERSONALITY IN DEVELOPMENT OF NETWORK SOCIETY

E. M. BABOSOV^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova street, 1, building 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus*

The role of the creative personality is highlighted; its key qualities are characterized. The functioning and development of the network society and its basic elements are considered. The model of the network-centered system applied to military actions is suggested. The idea that the creative personality in his interactions with the environment serves the main subject of all socio-structural transformations is given grounds for.

Key words: creative personality; network society; social mechanisms; creative thinking; innovative activity.

Образец цитирования:

Бабосов Е. М. Возрастающая роль креативной личности в развитии сетевого общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 4–10.

For citation:

Babosov E. M. Increasing role of creative personality in development of network society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 4–10 (in Russ.).

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук; главный научный сотрудник.

Author:

Evgenii Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy); principal researcher.
babosov@yandex.ru

Креативность личности представляет собой интегративное качество творческой деятельности человека, которое обеспечивает продуктивное преобразование им различных сфер окружающей социальной и природной действительности, позволяет создавать что-либо новое и тем самым удовлетворять потребность в исследовательско-инновационной активности. Проблемами становления творческой (креативной) личности и роли творчества в жизни человека занимались многие философы, социологи, психологи, среди которых наиболее общепризнанными авторитетами являются И. Кант, И. Г. Гердер, И. В. фон Гёте, Г. В. Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, А. Эйнштейн, А. Камю, П. А. Флоренский, С. М. Булгаков, З. Фрейд, К. Г. Юнг, С. Л. Рубинштейн, А. Маслоу, А. А. Леонтьев.

Наиболее всеобъемлющую и влиятельную концепцию творческой креативной личности разработал и теоретически эксплицировал выдающийся русский религиозный философ Н. А. Бердяев. Его постулатом было утверждение, согласно которому Бог «передал свое творение сотворенному человеку» [1, с. 355]. Именно в творчестве человек может отчасти уподобиться Богу. Человек создан, чтобы построить заново весь мир и сформировать самого себя по закону свободы. Философ был убежден, что творчество – это «переход небытия в бытие через акт свободы, творчество есть созидание новой мощи из не бывшей, до того не сущей» [1, с. 355]. В его понимании творческий акт предполагает моноплюрализм, т. е. допущение множества свободных и самостоятельных существ наряду с существом Божьим. Отличительная особенность творческого акта состоит в том, что он «имманентно присущ лишь лицу, личности как свободной и самостоятельной мощи» [1, с. 359–360]. «Именно поэтому творчество неотрывно от свободы», «творчество рождается из свободы» [1, с. 368]. Высшими проявлениями свободного творчества Н. А. Бердяев считал гениальность и талантливость. Он обстоятельно проанализировал их сущность, особенности сферы реализации. На основе глубокого постижения творческой и человекоформирующей сущности художественной деятельности А. С. Пушкина, Л. фон Бетховена, С. Боттичелли, Л. да Винчи, Б. Микеланджело, С. Рафаэля, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, исследовательской работы Дж. Бруно, Н. Коперника, философствования И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, В. С. Соловьёва и других властителей дум человечества Н. А. Бердяев всесторонне раскрыл и философски эксплицировал сущность и специфику креативной личности в общем многообразии ее деятельности.

Коленопреклоненно вознося творческую сущность Бога, особенно рельефно раскрывшуюся в семи днях творения, Н. А. Бердяев вдохновенно воспел многогранную творческую активность креативной личности, которая, будучи богосотво-

ренной и почитающей Творца всего сущего, своим дерзновенным миропознанием и миропреобразованием создает «восьмой день творения».

Опираясь на разработанную Н. А. Бердяевым концепцию творческой сущности человека, а также представления других выдающихся мыслителей, рассмотрим основные особенности креативной личности.

Прежде всего следует отметить, что творческий человек стремится к инновационной деятельности в любой сфере социальной действительности. Данная черта личности предполагает готовность к риску. Это подразумевает, что человек, формулирующий новую идею, предлагающий новаторский принцип работы, должен иметь смелость высказать, а если потребуется, то и убежденно отстаивать свою правоту. А для этого необходимо думать так, как до сих пор не думал никто, доверять своей интуиции, если нет еще точных логических или практических доказательств предлагаемого новшества. Кроме того, в мыслительной и прикладной, в том числе изобретательской, деятельности творческого человека обнаруживаются смелые, неожиданные для многих фантазии, требующие умения выходить за рамки привычного.

Также креативной личности свойственны такие качества, как независимость и оригинальность суждений, упорство в достижении целей, самодисциплина и самокритичность. Творческие люди часто выделяются скромностью, высоким чувством ответственности и преданностью своей работе. Понимание собственного достоинства у них чаще всего сочетается с широтой интересов, умением сосредоточить внимание на одной, наиболее важной, проблеме. За оригинальностью суждений и действий креативно действующего человека обычно не стоит стремление подчеркнуть свою необычность и превосходство над другими людьми.

Креативная личность – это личность самоцельная, не слишком интересующаяся материальными благами, развлечениями, комфортом, властью и славой. Удовлетворение она находит в самом процессе творчества. Поэтому гораздо меньше других зависит от внешнего вознаграждения, посулов и угроз. Ведь самое важное для человека с творческим стержнем – это нестандартное решение проблемы.

Креативные личности задействованы во всех областях миропреобразующей человеческой деятельности. Особенно рельефно и впечатляюще они проявляют себя в чрезвычайно многообразной сфере науки, поскольку основная ее особенность заключается в творческом, инновационном характере. Данная тенденция присутствует в истории развития каждой научной дисциплины, но, пожалуй, наиболее ярко ее демонстрирует физика, прежде всего кардинальные изменения ее теоретико-методологических оснований. Ведь если в какой-либо

отрасли знания нет развитой и хорошо обоснованной теории, то и науки в подлинном смысле этого слова тоже не существует. Широко известный специалист в области изучения научного творчества Т. Кун подчеркивает, что «наука должна быть точной», а развиваемая ею теория – «плодотворной, открывающей новые горизонты исследования; она должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее оставшиеся незамеченными среди уже известных» [2, с. 62].

В научной и творческой деятельности происходит взаимопроникновение индивидуальных и коллективных факторов развития науки, новаторских подходов, традиций и познавательной деятельности, что обусловлено взаимосвязью эволюционных и революционных форм развития науки. В этих процессах велика конструктивная роль креативной личности. Особенно плодотворна она в конструировании новой, революционизирующей обширное социальное пространство наук, теоретической парадигмы.

Таким крупномасштабным научным событием можно назвать гелиоцентрическую теорию мироздания Н. Коперника, революционизировавшего космологию и физику и обозначившего новые задачи науки. Впоследствии изучением данной тематики занимались И. Кеплер, Г. Галилей, Р. Декарт, И. Ньютон. Несомненно, все они были выдающимися креативными личностями, определившими основные направления дальнейшего развития математики, механики, физики. Сходным образом происходило революционизирующее преобразование теоретического каркаса науки, которое было вызвано открытием закона всемирного тяготения (И. Ньютон), в результате чего все явления окружающего мира стали трактоваться сквозь призму основополагающих принципов механики.

Принципиально иное, с точки зрения социальных механизмов креативности, революционизирующее воздействие на логико-теоретическую матрицу современной физики оказала теория относительности А. Эйнштейна. Он сконструировал четырехмерную пространственно-временную картину мира и доказал, что два одновременных в определенной системе отсчета события не являются одновременными в другой системе, движущейся относительно первой, а из относительности одновременности следует и относительность пространственной протяженности. Кроме того, в общей теории относительности обосновывается мысль о том, что структура пространственно-временных отношений во Вселенной определяется движением масс материи и гравитационным взаимодействием [3, с. 187–190].

Одним из многообещающих креативных инструментов научного раскрытия тайны происхождения и развития Вселенной является созданная Б. Грином теория струн. Она объединяет основные по-

ложения общей теории относительности и квантовой механики в единую теоретическую концепцию и выдвигает в качестве фундаментального антропный принцип, способный разъяснить, почему с исходного момента образования Вселенной (теория Большого взрыва) создаются благоприятные возможности для возникновения жизни, а затем и разумной жизни [4; 5].

Разумная жизнь предполагает, что человек способен познать все многообразие развития мира, в том числе и постоянно возрастающее число дочерних вселенных, наряду с мультивселенной [6, с. 281–291].

Если мысленно вернуться из космических далей к современным проблемам земного развития, возникает резонный вопрос: какую роль способны выполнять креативные личности в создании и функционировании стремительно развивающихся социальных сетей? Обратим внимание на одно важное обстоятельство: социальная сеть в своей сущности есть объединение социальных акторов и их общностей в многообразии их взаимодействий в процессах обмена различными ресурсами (идеями, предпочтениями, симпатиями, действиями, достижениями и т. п.). По социальным статусам социальные сети подразделяются на вертикальные и горизонтальные, формальные и неформальные, длительные и кратковременные. По тематической направленности обычно выделяются сети общения, а также политические, экономические, финансовые, коммерческие, культурные, спортивные и развлекательные сети.

Социальная сеть представляет собой совокупность наблюдаемых образцов социальных отношений между индивидуальными и групповыми субъектами социальных взаимодействий и процессов, а также социальными организациями разной направленности действий и социальными институтами. В качестве социальных сетей могут выступать отношения родства, дружбы, конкуренции, влияния, господства, экономического обмена, политического воздействия, социальной помощи, социокультурных взаимодействий. Социологический анализ данного явления нацелен на изучение структуры реально существующих социальных отношений и, таким образом, выступает важным и эффективно действующим инструментом исследования различных типов социальных структур и осуществляемых ими функций. Обстоятельно социальная сеть исследована Р. Коллинзом, М. Кастельсом и другими известными современными социологами.

В своем фундаментальном труде «Социология философий» Р. Коллинз утверждает, что существует несколько типов социальных сетей, причем каждый тип сети есть форма власти, поскольку он организует людей. Сети структурируют людей в социальные группы. Согласно теории сетей рынок в современном обществе – это сеть, в которой каждый узел (каждое действующее лицо или организация) име-

ет связи с другими узлами. А процесс социальной стратификации, по мнению Р. Коллинза, представляет собой вариации различных форм социальных сетей в зависимости от класса, образования, этнического происхождения, пола индивидов. В процессе исследования стратификационной динамики необходимо учитывать, что чем более длительно, интенсивно и замкнуто взаимодействие между людьми, тем больше они будут отождествлять себя с некоей группой и тем большее давление они будут оказывать в направлении подчинения локальным образцам поведения [7].

Выдающийся испано-американский ученый, исследователь современного информационного общества М. Кастельс утверждает, что наиболее характерным явлением и одновременно мощным инструментом развития в современном обществе выступают сетевые структуры. Обращая внимание на «важность сетей в структуре и динамике общества», он подчеркивает: «...сила сетей – в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию» [8, с. 39]. Он фокусирует исследовательские устремления на анализе техносциального процесса трансформации, справедливо полагая, что необходимо сконцентрировать теоретические изыскания на центральной технологии нашего времени – коммуникационной технологии, которая относится к сердцевине существования человеческого вида [8, с. 41]. Затем он делает следующий теоретический шаг – концептуализирует основное понятие своей сетевидной доктрины: «Сетевое общество – это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий. Я понимаю социальные структуры как организационные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства, опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации» [8, с. 41].

Сложную и многообразную совокупность коренных социально-структурных трансформаций, происходящих в процессе формирования и развития социальных сетей, М. Кастельс называет информационно-технологической революцией, ядро которой составляют технологии обработки информации и коммуникации. Ее своеобразие проявляется не столько в центральной роли информации, сколько в генерировании нового знания, а также производстве устройств, обрабатывающих информацию и осуществляющих коммуникацию в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций. Новые информационные технологии являются не только инструментами, которые нужно применять, но и процессами, которые нужно разрабатывать. Отсюда следует тесная связь между

социальными процессами создания и манипулирования символами (культурой общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительными силами). Впервые в истории человеческая мысль стала непосредственной производительной силой, а не просто решающим элементом производственной системы. Не слышится ли вам отголоски влияния соответствующих суждений К. Маркса [9]?

Поскольку сетевая структура представляет собой своеобразный социальный слой общества, постольку важное значение приобретает формирование у членов данного общественного слоя сетевой идеологии. В качестве таковой мы рассматриваем систему идей, представлений, знаний о сущности социальных сетей, путях их совершенствования и способах вовлечения в них новых индивидов и общностей, а также о нормах и правилах социальных взаимодействий в сетевых организациях, использующих в управлении производством и других сферах профессиональной деятельности сетевые связи, отношения и технологии. В данной идеологической доктрине акцент делается на понимании того, что социальная сеть – это не только способ транспортировки информации, но и совокупность технологий ее эффективной обработки и практического применения. Необходимо понимать, что социальная сеть, во-первых, полимагистральная структура, а во-вторых, ячеистая структура, которая, подобно рыболовной сети, включает в себя множество повторяющихся неразрывно связанных информационно-технологических элементов. Кроме того, социальная сеть – это система межличностных, внутригрупповых и межгрупповых связей множества индивидов и социальных групп (общностей), обеспечивающих разнообразные социальные взаимодействия, взаимоподдержку, информационную насыщенность, чувство принадлежности к конкретной группе и формирующих у людей, включенных в некую сеть, социальную идентичность. Это означает, что в основе любой социальной сети лежит коммуникация индивидов и их общностей, следовательно, началом, творцом и творением всех социальных сетей является человек, выступающий генератором информационных сообщений, их получателем, потребителем, творцом сетевого общества.

О какой бы социальной сети ни шла речь, будь то школа, библиотека, завод, театр, военное подразделение, научно-исследовательское учреждение или государственная структура, истинным творцом и взыскательным потребителем в ней является человек – креативно мыслящая и действующая личность. Только такая интерпретация личности в развитии социальных сетевых структур позволяет правильно понимать и оценивать роль социальных сетей в развитии и обогащении ценностной структуры социального бытия.

Помимо теоретической значимости, исследование социальных сетей, способов и форм их функционирования несет в себе существенную практическую ценность: изучение данной сферы необходимо для развития политической и экономической деятельности, финансовой сферы, межкультурного диалога, межличностных взаимодействий, информационного обмена, осуществления правоохранительных мероприятий, обеспечения национальной и глобальной безопасности [10, с. 65–75].

Один из авторитетов в области исследования процессов сетевой динамики М. Кастельс подчеркивает важность сетей в структуре и динамике общества, отмечая при этом, что «сила сетей – в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию» [8, с. 39]. *Гибкость* социальной сети проявляется в способности адаптироваться к новым внешним условиям и сохранять свои цели, обходя точки блокировки коммуникационных каналов и находя новые соединения. *Мобилизуемость* – это способность к увеличению или уменьшению масштабов сети с минимальными потерями. *Живучесть* – это способность сетей противостоять атакам на их узлы и коды, ибо коды содержатся во множестве узлов, которые могут воспроизвести предписания программы и найти новые способы для их установки. Это качество необходимо по той причине, что у сетей нет единого центра, а живучесть позволяет им действовать в широком диапазоне конфигураций. Важнейшее значение для эффективного действия сетецентрической системы, убежден М. Кастельс, имеют две формы – «пространство потоков и мгновенное время» [8, с. 51].

М. Кастельс утверждает, что сетевое общество глобально. Поэтому каждого затрагивают процессы, которые происходят в глобальных сетях, конституирующих социальную структуру. Деятельность, формирующая и контролирующая жизнь всего человечества, организована на основе глобальных сетей. Их структура представлена финансовыми рынками, транснациональным производством, распространением товаров и услуг и управлением этими процессами, высококвалифицированным трудом, наукой и технологиями, массмедиа, культурой, искусством, спортом, религией, международными институтами, осуществляющими управление глобальной экономикой и межгосударственными отношениями. Глобальное сетевое общество – это динамическая структура, которая поддается многообразному воздействию социальных сил, культуры, политики и экономических стратегий.

Представив панорамное философское и технологическое видение социальных сетей, М. Кастельс подчеркивает, что самый важный источник влияния в сетевом обществе – это трансформация человеческого сознания в направлении развития его креативности. Именно поэтому в сетевой социальной системе креативные идеи или некий набор идей

могут рассматриваться как подлинная, наивысшая ценность, возникающая и функционирующая в виде креативных способностей. По его убеждению, они развиваются в единой автономии. В данном контексте можно говорить о самопрограммируемом умственном труде.

Креативные способности не принесли бы достойного вознаграждения, если бы могли совмещаться с сетевым характером труда [8, с. 46, 47, 49]. Сама же креативная личность в сетевом обществе реализуется в навыках творческой деятельности, что определяется умением создавать социальные сети и «перепрограммировать работу сетей для достижения поставленных перед сетью целей» [8, с. 63]. Из этого постулата следует, что движущей силой успешного сетевого общества является креативно мыслящая и действующая творческая личность.

Она в своих взаимодействиях с окружающей реальностью выступает главным субъектом всех социально-структурных трансформаций, создающих многогранное единство, в котором ни одна из социальных сетей не может существовать и функционировать без отношений с другими социальными сетями. Совместные действия (сотрудничество, конкуренция, конфликтность и т. п.) приводят к формированию и трансформации различных по сущности и способам развития социальных сетей, которые, благодаря активному миропреобразующему действию человека, интегрируются в целостное сетевое общество. Такое общество является сложной системой эмерджентного характера, оно не сводимо к особенностям его социальных сетей, но обладает интегративными качествами, синтезирующими и объединяющими в себе важнейшие отличительные характеристики сетевых компонентов.

Такая особенность функционирования и развития сетевого общества и каждого из его сегментированных элементов, включенных в единый и разноречивый поток социальных трансформаций, создает предпосылки для нелинейного, поливероятностного характера структурной динамики сетевого общества и всего социального мира.

В структурной динамике социальных сетей главенствующую роль по отношению к другим сферам общества выполняет политическая система, интегрирующим ядром которой выступает функционирующая в стране власть. Все политические отношения и взаимодействия подчинены принятым в рамках политической системы властным постановлениям, предписаниям, инструкциям, решениям. М. Кастельс подчеркивает, что власть «конструируется вокруг мест соединения между глобальным и локальным и организуется преимущественно вокруг сетей, а не отдельных единств» [8, с. 68]. Поскольку сети многочисленны, властные отношения будут специфичны для каждой сети. Он выявляет различия между четырьмя конкретными формами власти: сетевая

власть, власть сети, власть в сети, сетесозидающая власть. «Каждая из этих форм власти задает специфический процесс реализации власти» [8, с. 68].

Сетевая власть предполагает социальную координацию между многочисленными сетевыми акторами. Власть сети – это власть стандартов самой сети над ее компонентами. Она воплощается в реляционной возможности навязывать волю одного актора другим, используя структурный способ доминирования, характерный для политических институтов общества. Но наиболее важной является сетесозидающая власть, которая способна создавать социальные сети и программировать их работу для достижения поставленных перед каждой сетью целей и обеспечивать взаимодействие различных сетей, объединение их ресурсов. Все эти действия направлены на реализацию разработанной в стране стратегии. Исходя из специфики сетевой власти, М. Кастельс вводит в социологический оборот понятие «сетевое государство», которое характеризуется разделением суверенитета между гражданами страны, «подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами» [8, с. 58].

Современный социальный мир в начале XXI в. вступил в эпоху глобальных турбуленций и нарастающих неопределенностей. Беспокойство вызывает тенденция противоборства интересов различных государств, их альянсов и коалиций. Такая международная ситуация актуализирует обеспечение национальной и глобальной безопасности, в том числе с использованием специфических характеристик сетевых структур.

Вследствие этого важное значение имеет всесторонний учет специфики сетевых систем в сетевых военных действиях. Все участники, вовлеченные в такие виды действия (и командные кадры, и военная техника), объединены в информационную сеть, в которой основное значение и приоритетная роль приписываются высокоточному оружию, использованию средств радиоэлектронной борьбы и хорошо защищенным устойчивым каналам коммуникации. Благодаря этому создается возможность наносить удары противнику быстро, точно, с дальних расстояний и непрерывно. Широко применяются адаптивная оптика, высокоэнергетические лазеры, радары с фазированной системной решеткой, средства ночного видения, спутниковые средства связи, разведки, навигации и управления, космические средства выведения новейших технологических средств на засекреченные космические орбиты, цифровые и нанотехнологии, робототехнические системы. Создаются вооруженные формирования специальных операций и киберопераций с одновременным конструированием информационно-коммуникацион-

ных сетей, в частности сверхзасекреченных систем передачи информационных потоков, что обеспечивает резкое повышение значимости сетевых методов разведки, информирования и управления боевыми действиями.

Модель сетевидной системы применительно к военным действиям можно представить в виде информационной решетки, в которой неразрывно связаны три пространственных компонента единой многоканальной сетевой коммуникации:

1) сенсоры (силы и средства обнаружения, отслеживания и контроля состояния объектов противника);

2) акторы (действующие высокоподготовленные специалисты и средства огневого, радиоэлектронного и иного воздействия на выявленные объекты);

3) интеллектуальные и информационно-управляющие элементы (стратегически мыслящие и тактически действующие командные кадры и средства, реализующие функции управления акторами и сенсорами).

Эти три пространственных компонента, функционирующие в форме пролонгированного потока, органично взаимодействуют в ходе боевых действий. Таким образом, создается целостная конфигурация, в которой все пространственно-временные компоненты одновременно и тесно связаны, и сосредоточены в информационно-коммуникационном и физическом пространстве. Причем выход из строя какого-либо сенсора, актора или информационно-управленческого элемента не нарушает работоспособность всей сетевидной системы.

Какое бы социально-структурное формирование сетевого общества мы ни анализировали, приоритетное место в нем занимают конкретные креативные личности, представляемые в их уникальном своеобразии, в их экономических, социокультурных, семейно-бытовых, политических взаимодействиях, социальных группах, общностях и обществе в целом. Каждая креативная личность в характерной только для нее жизнедеятельности предстает как социально-типическое выражение определенной системы социально-структурных отношений и одновременно как целенаправленно действующий индивидуально неповторимый субъект этих отношений и многообразной социальной деятельности. И даже если правы философы и социологи (А. Бард, Я. Зодерквист), утверждающие, что по мере развития многообразных сетевых структур станет складываться и функционировать, занимая главенствующие управленческие позиции, *нетократия* – сетевая элита, сетевые властители, сетевые сообщества (в чем мы не уверены), креативные личности как были, так и останутся инициаторами всех существующих и возможных социальных структурных трансформаций общества.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989.
2. Кун Т. *Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: хрестоматия* / под ред. А. А. Печенкина. М., 1996.
3. Бабосов Е. М. *Социология науки*. Минск, 2008.
4. Грин Б. *Элегантная вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории*. М., 2004.
5. Грин Б. *Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса*. М., 2013.
6. Власова С. В. *Множество реальных миров и универсальная реальность // Вестн. МГТУ*. 2011. Т. 14. № 2. С. 281–291.
7. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения* : пер. с англ. Новосибирск, 2002.
8. Кастельс М. *Власть коммуникации*. М., 2016.
9. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М., 2000.
10. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхвартшвили А. Г. *Социальные сети: модели информационного влияния управления и противоборства*. М., 2010.
11. Филимонов Г. Ю., Цатуриан С. А. *Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество*. 2012. № 1. С. 65–76.

References

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. Moscow, 1989 (in Russ.).
2. Kun T. *Ob'ektivnost', tsennostnye suzhdeniya i vybor teorii. Sovremennaya filosofiya nauki*. Moscow, 1996 (in Russ.).
3. Babosov E. M. *Sotsiologiya nauki*. Minsk, 2008 (in Russ.).
4. Grin B. *Elegantnaya vseleonnaya. Superstruny, skrytye razmernosti i poiski okonchatel'noi teorii*. Moscow, 2004 (in Russ.).
5. Grin B. *Skrytaya real'nost'. Parallel'nye miry i glubinnie zakony kosmosa*. Moscow, 2013 (in Russ.).
6. Vlasova S. V. *Mnozhestvo real'nykh mirov i universal'naya real'nost'. Vestn. MGTU*. 2011. Vol. 14. No. 2. P. 281–291 (in Russ.).
7. Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* : transl. from English. Novosibirsk, 2002 (in Russ.).
8. Kastel's M. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, 2016 (in Russ.).
9. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, 2000 (in Russ.).
10. Gubanov D. A., Novikov D. A., Chkhvartshvili A. G. *Sotsial'nye seti: modeli informatsionnogo vliyaniya upravleniya i protivoborstva*. Moscow, 2010 (in Russ.).
11. Filimonov G. Yu., Tsaturian S. A. *Sotsial'nye seti kak innovatsionnyi mekhanizm «myagkogo» upravleniya massovym soznaniem. Politika i obshchestvo*. 2012. No. 1. P. 65–76 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 18.02.2017.
Received by editorial board 18.02.2017.

ПАРАДИГМА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

А. А. ПЛАЩИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Международный университет МИТСО, ул. Казинца, 21, к. 3, 220099, г. Минск, Республика Беларусь

Приводятся ключевые положения и выводы многолетнего авторского исследования парадигмы нового мирового порядка – широкомасштабного исторического и геополитического проекта англо-американского истеблишмента – одного из возможных прообразов будущей системы международных отношений. Отмечаются угрозы и риски, связанные с реализацией этого проекта. Сделан вывод о том, что анализ процесса формирования и развития либеральной парадигмы необходим для дальнейшей концептуальной разработки национальной идеи Республики Беларусь.

Ключевые слова: новый мировой порядок; проект; идеология; глобализация; глобальное управление; национальная идея.

THE NEW WORLD ORDER PARADIGM WITHIN THE U. S. FOREIGN POLICY STRATEGY: FORMATION AND DEVELOPMENT

А. А. PLASHCHINSKY^a

^aThe International University «MITSO», Kazintsya street, 21, building 3, 220099, Minsk, Republic of Belarus

The article contains key thesis and results of the long-term research undertaken by the author with regard to the new world order paradigm, that is the wide scale historical and geopolitical project implemented by the «Anglo-American establishment» as well as one of the possible blueprints for the future system of international relations. Threats and risks which have been caused by the implementation of that project are considered. The analysis of the process of formation and development of the liberal paradigm is necessary for further conceptual elaboration of the national idea of the Republic of Belarus.

Key words: new world order; project; ideology; globalization; global governance; national idea.

Введение

Изучение феномена нового мирового порядка является важной научной задачей. Именно он оказывает определяющее влияние на внешнеполитическую стратегию США. Научная разработка данной проблемы за рубежом ведется с начала XX в. В трудах советских ученых термин «новый миро-

вой порядок» не использовался. Главной целью политики США считалось стремление к мировому господству.

После развала Советского Союза формулировка «новый мировой порядок» стала широко использоваться в академических и политических кругах.

Образец цитирования:

Плащинский А. А. Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 11–18.

For citation:

Plashchinsky A. A. The new world order paradigm within the U. S. foreign policy strategy: formation and development. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 11–18 (in Russ.).

Автор:

Александр Алексеевич Плащинский – кандидат политических наук; первый проректор.

Author:

Alexander Plashchinsky, PhD (political science); first vice-principal.
a.plashchinsky@mail.ru

Однако монографические и диссертационные исследования, содержащие концептуальный анализ формирования и развития парадигмы нового мирового порядка в контексте реализации внешней политики США, до настоящего времени не проводились. Многочисленные теории заговора маргинализировали само понятие.

Имеющиеся труды как отечественных, так и зарубежных ученых носят фрагментарный характер. В них выделяются лишь отдельные аспекты системы глобального управления, связанные в основном с глобализацией, экономической и политической взаимозависимостью государств. Анализируются общественно-политические и научные дискуссии вокруг будущего мироустройства и глобальной стратегии США в новых условиях. Недостаточная степень изученности поставленной проблемы вызывает объективную потребность в ее научной аргументации.

Основная часть

Научное исследование начинается с понятийного аппарата. Поэтому для решения поставленных научных задач в первую очередь необходимо определить понятие парадигмы. Автор использовал классическое определение парадигмы как модели и образца.

Философский подход к трактовке парадигмы как идеи и прообраза вещей, разработанный еще Платоном, позволяет рассмотреть парадигму нового мирового порядка как прообраз будущего. Ее формирование раскрывает эволюцию США от изолированного в западном полушарии государства в конце XVIII в. до сверхдержавы в конце XX века. Развитие парадигмы отражает процесс исторической трансформации системы международных отношений от традиционных государств-наций до возможных сценариев будущего миропорядка, одним из которых является создание всемирного государства или иных наднациональных институтов глобального управления.

С точки зрения нашего исследования, парадигма нового мирового порядка – это *прообраз будущего мироустройства*. Она находит отражение в рамках трансформации системы международных отношений по либеральному образцу. Модель либеральной демократии инкорпорирована в политическую систему США. Эта модель проецируется в мировом масштабе посредством информационной, экономической и военно-политической экспансии США в целях установления глобальной (наднациональной) системы управления.

Либеральная политическая идеология способствовала расширению влияния англосаксонской цивилизации в периоды британского мира (англ. *Pax Britannica*) и американского мира (англ. *Pax Americana*). Такой мир основывался главным обра-

Историческое стремление США к мировому лидерству и установлению нового мирового порядка под американским руководством имеет высокий конфликтный потенциал. Поэтому сегодня необходима концептуальная разработка альтернативы миру по-американски – такой модели мироустройства, реализация которой позволит сбалансировать систему международных отношений и таким образом предотвратить возникновение глобального конфликта. Именно это обстоятельство определяет актуальность темы исследования.

В чем сущность американоцентричной модели миропорядка? Как происходило ее формирование и развитие? Какие мировоззренческие концепции и доктрины лежат в ее основе? Ответы на эти вопросы представляются важными для прогнозирования будущего мироустройства и стратегического планирования внешней политики Республики Беларусь.

зом на силовой политике и предполагал доминирование британского и американского центров силы. Однако на современном этапе американоцентричная модель находится в системном кризисе. Завершение эпохи американской гегемонии в мировой политике создает предпосылки для перехода человечества в новую, посткапиталистическую, стадию развития.

Институциональным компонентом системы глобального управления, установленной по итогам Второй мировой войны, служит система ООН. В настоящее время под предлогом решения общемировых проблем, в том числе проблемы войны и мира, изменения климата, борьбы с терроризмом, транснациональной преступностью и иных, продвигается тезис о необходимости реформирования ООН и создания новой платформы глобального управления – прообраза всемирного государства.

С момента провозглашения независимости Соединенные Штаты Америки выступают *носителем парадигмы* нового мирового порядка. Концепция «мир по-американски» лежит в основе внешнеполитической деятельности этой страны. Ее сущностью является борьба за преобладающее влияние в мире. Реализация парадигмы, как уже отмечалось, имеет высокий конфликтный потенциал и несет угрозу мирному развитию человечества. Как справедливо заявил в ходе 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «не прекращаются попытки навязать определенную модель развития другим государствам» [1].

Цель и движущие силы установления нового мирового порядка остаются неизменными на протяжении веков. Этот процесс, как уже отмечалось, представляет собой трансформацию системы

мироустройства, в том числе ценностно-мировоззренческую, с использованием концепций мягкой и жесткой силы. В результате такого переформатирования мир планомерно и целенаправленно погружается в хаос под лозунгом расширения свободы и демократии.

Основным геополитическим препятствием для достижения мировой гегемонии является территория срединной Евразии, исторически обозначенная границами России. Вот почему в 1812 г., 1914–1918, 1941–1945, 1945–1991 гг. Российская империя, а затем СССР и Российская Федерация представляли собой центр силы, препятствующий установлению нового мирового порядка. Этот центр силы вызвал на себя основной удар внешней военной агрессии. Интеграция российского центра силы в систему глобального управления осуществляется в соответствии с принципом «разделяй и властвуй», в том числе посредством международных конфликтов и создания горячих точек по периметру российских границ.

Так, Первая мировая война привела к распаду Российской империи и других европейских держав. В результате войны была создана версальско-вашингтонская система международных отношений. Лига Наций выступила прообразом системы глобального управления. Вторая мировая война вновь радикально трансформировала миропорядок и закрепила ялтинско-потсдамскую систему международных отношений. ООН закрепила принцип наднационального управления. Окончание холодной войны и развал СССР обусловили феномен постбиполярного мира с доминированием секулярно-либеральной идеологии, позиционируемой как окончательная победа Запада и конец истории [2]. Однако процесс установления нового мирового порядка на этом не закончился. Он принял форму войны с терроризмом, а затем современной гибридной войны.

Война является основным инструментом переустройства мира. История человечества – это история непрерывающихся войн. В философии и мифологии Древнего Вавилона установление порядка из хаоса (лат. *ordo ab chaos*) символизировалось в образе Феникса, возникающего из огня войны. Древнегреческий философ Фукидид указал на связь войны с политикой. Немецкий военный теоретик и стратег К. фон Клаузевиц считал войну продолжением политики иными средствами.

Проблема войны и мира занимает особое место в политологии, теории и истории международных отношений. Политическая сущность войны, ее неизменная цель состоят в перераспределении ресурсов и власти. Именно в контексте войны проявляется стремление отдельных сил к мировому господству, т. е. осуществляется формирование и развитие парадигмы нового мирового порядка. Поэтому разработка проблемы войны и мира является важной научной задачей.

Квинтэссенцией проблемы нового мирового порядка представляется вопрос о мировом правительстве – «это история войны и попыток упразднить войну» [3]. Многие выдающиеся мыслители и философы искали пути искоренения войны. Некоторые из них предлагали создать всемирное государство под руководством единого центра власти, например всемирную империю, управляемую монархом (А. Данте). Предлагалось также установить межгосударственный правовой порядок (Т. Гоббс), учредить содружество европейских государств в лице федерации или Лиги Европы (Ж.-Ж. Руссо). Кроме того, выдвигались идеи вечного мира, федерации народов и всемирного государства (И. Кант). Отдельные интеллектуалы и общественно-политические деятели полагали, что только мировое правительство сможет обеспечить мирное развитие человечества. Так, например, Г. Уэллс разработал идею вселенского мира (англ. *world pax*). В настоящее время аргументы в пользу мирового правительства выдвигаются, как отмечалось, в контексте решения глобальных проблем современности.

Сегодня усилия ученых, занимающихся разработкой проблемы войны и мира, направлены в основном на раскрытие исторического и социально-политического содержания войны, определение путей и способов разрешения международных конфликтов. Вместе с тем неисследованной остается взаимосвязь между феноменом нового мирового порядка и проблемой войны и мира. Поэтому *гипотезой* нашего исследования является предположение о взаимообусловленности проблемы войны и мира, с одной стороны, и феномена нового мирового порядка, с другой. Иными словами, обратной стороной проблемы нового мирового порядка является проблема войны и мира (и наоборот). В целях научной разработки данной гипотезы и системного анализа поставленной проблемы нами выдвинуты следующие положения.

1. *Сущность* парадигмы нового мирового порядка можно раскрыть только в широком историческом ключе, используя панорамный подход к анализу международных событий. Данный факт обусловлен главным образом широкими хронологическими рамками формирования и развития парадигмы, насчитывающими не одно столетие. В концептуальном плане ее сущность заключается в идее мировой гегемонии, а мировоззренческой основой во внешней политике США выступает концепция американской исключительности (либеральной исключительности). Стремление США к глобальному лидерству, реализация политики с позиции силы, вооруженные интервенции под предлогом защиты либеральных ценностей и расширения демократии являются одной из главных причин высокого конфликтного потенциала международных отношений. Силовое переустройство мира, его преобразование по либеральному образцу

противоречат основным принципам мирного сосуществования, закрепленным международным правом¹. В современных условиях такая политика создает предпосылки для глобального международного конфликта по сценарию столкновения цивилизаций.

2. *Концептуальной основой* парадигмы нового мирового порядка во внешней политике США является концепция манифеста судьбы (предначтенной судьбы). Согласно этой мессианской концепции, реализуемой с конца XIX в., США якобы предназначено свыше расширять демократию и свободу в мире. В процессе эволюции США как сверхдержавы идеологическая составляющая внешнеполитической американской стратегии была представлена концепциями «американская мечта» (1931), «американская судьба» (1939), «американский век» (1941), «мир по-американски» и др. После холодной войны в целях дальнейшего продвижения либеральной модели были разработаны концепции «новый американский век» (2000), «новый американский момент» (2010) и др.

3. *Доктринальной основой* парадигмы нового мирового порядка являются следующие доктрины: мировой (перманентной) революции, мирового правительства (всемирного государства), нового мирового порядка, глобального управления и др. Реализация этих доктрин способствовала, во-первых, эволюции США как сверхдержавы на этапах изоляционизма и глобализма, во-вторых, эрозии доктрины национального суверенитета и закреплению принципов наднационального управления. Доктрина глобального управления, разработанная администрацией Б. Клинтона после холодной войны, включила в себя концепции глобального лидерства, глобальной деревни, космополитической демократии, расширения демократии, распределенного суверенитета и др. Современные концепции глобального управления предполагают передачу суверенных прав государств наднациональным структурам, региональным объединениям и общественным организациям, а также перераспределение государственной власти между представителями гражданского общества, негосударственными субъектами, социальными движениями, неправительственными организациями, межправительственными институтами и др. Указанные концепции и доктрины отражают процесс формирования и развития либеральной парадигмы и таким образом проецируют образ (модель) будущего мироустройства.

4. *Проектирование* парадигмы нового мирового порядка – разработка возможных моделей будущего мироустройства – осуществляется ведущими

«фабриками мысли» США, а также организациями и фондами транснациональных элит. В XX в. наиболее влиятельными из них стали следующие: группа «Круглый стол» (1910), Совет по международным отношениям (1921), Королевский институт международных отношений (1920), фонд Карнеги за международный мир (1910), корпорация RAND (1945), Бильдербергский клуб (1954), Римский клуб (1968), Трехсторонняя комиссия (1973), Форум всемирного государства (1995) и др. Проектная деятельность названных «фабрик мысли» способствовала формированию событий² и переустройству мира после Первой мировой войны, Второй мировой войны и холодной войны.

Проектирование послевоенного миропорядка осуществлялось правительством США в рамках проекта «Расследование» (1917–1919) и проекта «Исследования войны и мира» (1939–1945). Реализация данных проектов предусматривала создание глобальных институтов управления, таких как Лига Наций и ООН. С помощью организаций системы ООН, в первую очередь ПРООН и ЮНЕСКО, а также Европейского союза парадигма нового мирового порядка была инкорпорирована в международную повестку дня.

Наряду с указанными международными организациями (ООН и ЕС) внедрение либеральной парадигмы в повестку дня мировой политики осуществлялось с помощью социально-политических движений, созданных при поддержке англо-американского истеблишмента. Наиболее влиятельными из них стали: Международное движение борьбы за мир (конгрессы мира), движение за мировую революцию, американское движение за мировое правительство, всемирное движение федералистов (движение за мировое правительство), Движение за мир через образование и др.

В период холодной войны под руководством Совета по международным отношениям был реализован Проект моделей мирового порядка (1968) и Проект 1980-х (1975), а также Проект специальных исследований (1956–1960), финансируемый Рокфеллеровским фондом. Данные проекты разработали такие значимые категории глобалистики, как гражданин мира, всемирное государство, глобальное управление, глобальные ценности, глобальные проблемы и др. После холодной войны Совет по международным отношениям инициировал ряд других проектов, способствующих продвижению либеральной парадигмы и глобализации международных отношений. Среди них – «Исследовательская группа по новому мировому порядку» (2000–2004), «Программа международных институтов и глобального управления» (2008–2013) и др.

¹Основными принципами в данном контексте выступают следующие: суверенитет и территориальная целостность государств, неагрессивность, невмешательство во внутренние дела государств, равноправие, взаимная выгода.

²*Shape events* – в терминологии стратегии США.

Указанные «фабрики мысли», общественно-политические движения и организации англо-американского истеблишмента в совокупности являются влиятельным субъектом международных отношений. Данный субъект имеет наднациональный характер. Он существенно влияет на основные тенденции мировой политики, включая глобализацию, и формирует систему сетевого взаимодействия интеллектуалов, политических, военных и общественных деятелей, представителей крупного международного бизнеса, транснациональных корпораций и банков, объединенных «большой идеей»¹. В рамках проектной деятельности «фабрик мысли», всемирных форумов и конференций транснациональных элит указанный субъект осуществляет глобальное управление – продвижение парадигмы нового мирового порядка.

5. *Формирование* парадигмы нового мирового порядка имеет глубокие исторические корни. Стремление к новому порядку веков (лат. *novus ordo seclorum*) характерно для отдельных сил еще со времен Древнего Египта. Именно в этот период зародились истоки определенной системы убеждений и верований, основанных на идее мировой гегемонии. В конце XVIII в. отцы-основатели США приняли концепцию «новый порядок веков» в качестве движущей силы развития страны, утвердили ее на важных государственных символах. Концепция фактически является американской *национальной идеей*, и ее масштабность обусловила становление транснациональной идеологии глобализма. Данная идеология предполагает создание всемирного государства или иной институциональной формы системы глобального управления.

6. *Развитие* парадигмы нового мирового порядка отражает причинно-следственную взаимосвязь между важнейшими историческими и политическими событиями – «большую картину» истории². Среди них – революция 1789 г. во Франции, военная кампания Наполеона против России 1815 г., Русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1917 г. в России, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война, война с терроризмом, современная гибридная война, а также серия смены режимов и вооруженных интервенций США в мировом масштабе. Панорамный анализ «большой картины» свидетельствует о том, что Первая мировая война, Вторая мировая война и холодная война в значительной степени были обусловлены попытками англо-американского истеблишмента добиться мировой гегемонии. В XX в. англо-американский истеблишмент предпринял *три попытки* установления нового мирового порядка. В резуль-

тате прототипами системы наднационального управления стали, как подчеркивалось, Лига Наций и ООН. В 2013 г. вице-президент США Дж. Байден заявил, что создание нового мирового порядка является принципиальной задачей [4].

7. *Процесс* установления нового мирового порядка является «перманентной войной», которая отличается от традиционных концепций войны и имеет метафизический характер. США неизменно апеллируют к мессианскому принципу борьбы добра со злом, демократии против тирании и т. п. Так, установление железного занавеса и объявление образа врага в лице СССР – империи зла – направило процесс создания мира по-американски в русло холодной войны. Провозглашение государств-изгоев, угрозы международного терроризма, исламской угрозы и оси зла трансформировало этот процесс в войну с терроризмом. В настоящее время руководство США, как уже отмечалось, также использует образ врага для реализации стратегических целей. Под предлогом борьбы с тиранией и угрозами демократии, к которым на данном этапе прибавились киберугрозы и негосударственные игроки, либеральная модель мироустройства проецируется в мировом масштабе.

Установление наднациональной системы управления предполагает в первую очередь десуверенизацию государств и их интеграцию в новый мировой порядок. В связи с тем что основы государственного суверенитета формируются на базе традиционных национальных культур, религий и цивилизационных ценностей, в процессе глобализации происходит ценностно-мировоззренческая трансформация общества, традиционных устоев и социального порядка. Для ослабления государственного суверенитета противодействующих новому мировому порядку государств США используют принцип свободы³ как основной постулат либеральной идеологии, а также порождаемые глобализацией секулярные движения и сообщества, в том числе ЛГБТ и др. Современный либерализм является идеологическим инструментом глобализации, направленным на изменение устоявшихся культурно-исторических традиций суверенных государств. При этом современный либерализм существенно отличается от классического понимания либерализма как политической идеологии, сформировавшейся в XIX в., способствует подчинению национальных государств интересам глобальных финансовых институтов.

С геополитической точки зрения, именно под лозунгом свободы для расширения демократии США осуществляют геополитическую экспансию

¹ Данное определение нового мирового порядка Президент США Дж. Буш использовал еще в 1991 г.

² В терминологии стратегии США «большая картина» предстает как процесс глобализации от «архаичных времен» до глобализации и далее.

³ При этом свобода рассматривается как феномен, не ограниченный нормами морали.

и вооруженные интервенции в мире. В целях реформативного региона «Большого Ближнего Востока» США использовали вооруженные террористические группировки и движения, такие как «Талибан», «Аль-Каида» и др. В настоящее время предпринимаются попытки инфильтрации исламских экстремистов ИГИЛ в государства Европейского союза, на Северный Кавказ (Россия), в Азиатско-Тихоокеанский регион (Пакистан) и др. Учитывая, что большая часть мусульманского населения мира проживает в Юго-Восточной Азии, нельзя исключать попытки дальнейшего распространения экстремистской идеологии ИГИЛ вдоль государств Нового шелкового пути. Таким образом, глобальный хаос расширяется на регионы Большого Ближнего Востока и Большой Центральной Азии.

С теологической точки зрения политика расширения «свободы» как вседозволенности является богоборческой. Она не предполагает каких-либо моральных ограничений и поэтому способствует расширению глобального хаоса, иными словами, «вселенского зла» для воцарения антихриста. Именно поэтому христианские ценности восточнославянской цивилизации, а также ценности традиционного ислама в первую очередь препятствуют установлению нового мирового порядка¹.

8. *Инструментом* установления нового мирового порядка является внешнеполитическая стратегия США – «большая стратегия»². Механизм ее реализации основан на генерировании в массовом сознании образа врага и включает три составляющие: информационно-идеологическую, экономическую и военно-политическую. Функционирование данного механизма направляет ресурсы американской сверхдержавы на постоянную геополитическую экспансию, расширение влияния и, таким образом, трансформацию мира в трех измерениях: информационном, военно-политическом, экономическом. Реструктурирование системы международных отношений происходит как в рамках международных конфликтов, так и посредством ценностно-мировоззренческих изменений в социуме. Данный процесс в определенной степени имеет управляемый характер.

9. *Завершение эпохи мира по-американски* обусловлено внутренним системным кризисом в США на фоне роста мощи Китая и процесса евразийской интеграции. В настоящее время наблюдается процесс «деамериканизации» мира и смена парадигмы развития человеческой цивилизации. Этому также способствуют кризисные явления в Европейском союзе в связи с миграционным кризисом

и выходом Великобритании из ЕС. В таких условиях человечество стоит перед судьбоносным выбором в пользу установления баланса сил и мирного сосуществования или возникновения межцивилизационного конфликта по сценарию «столкновения цивилизаций». Предпосылкой такого сценария является намечающийся раскол мира по линии ислам – христианство.

Альтернативой миру по-американски и расширению глобального хаоса может служить реализация принципов синергетической парадигмы (мирного сосуществования, интеграции интеграций, синергии, многообразия и др.). Реализация этих принципов предполагает переход системы международных отношений к новому балансу сил. Политика глобалистов, напротив, предполагает установление порядка из хаоса, а также ценностно-мировоззренческую трансформацию государств, их десоверенизацию и интеграцию в новый мировой порядок. Такая политика является одной из основных угроз мирному развитию. Именно поэтому необходимо создание нового баланса сил в Евразии, способного сохранить мир.

10. *Реализация новой синергетической парадигмы*³ является единственной альтернативой глобальному межцивилизационному конфликту. Историческим архетипом новой системы представляется Вестфальская система суверенных государств, основанная еще в 1648 г. Вместе с тем в современных условиях неизбежна передача определенных суверенных полномочий независимых государств на наднациональный уровень управления в рамках крупных геополитических и региональных объединений. Данное обстоятельство обусловлено логикой обстоятельств и самим историческим процессом.

Создание справедливого и сбалансированного миропорядка требует концептуальной разработки и реализации национальной идеи. Только такая всеобъемлющая национальная идея, как синергия белорусской мечты, русской мечты, украинской мечты и иные, позволит сохранить независимый путь развития и не допустить попадания Беларуси, России, Украины и других постсоветских государств в «кольца анаконды». В целях концептуальной разработки белорусской мечты как национальной идеи белорусского государства необходимы такие мировоззренческие образы, которые смогут консолидировать общество, определить долгосрочную цель его развития и представить определенный проект будущего. Только смыслообразующая и консолидирующая общество *национальная идея* сможет обеспечить дальнейшую реализацию социально

¹Как заявил З. Бжезинский, после коммунизма единственным врагом Америки осталось русское православие.

²Данный термин определяется американскими политическими деятелями и отдельными учеными в США как *grand strategy*.

³Синергетика, как научное направление, включает теории развития систем по пути «от хаоса к порядку» и, наоборот, «от порядка к хаосу».

ориентированной модели развития Республики Беларусь, послужить форпостом, сдерживающим расширение глобального хаоса и «цветные революции» на пространстве бывшего СССР.

Реализация *национальной идеи* требует наличия мощного идеологического, экономического и военно-политического фундамента. Предпосылкой создания такого фундамента является процесс евразийской интеграции на взаимовыгодной основе, а также многовекторная внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия Республики Беларусь. В условиях неизбежного нарастания кон-

куренции и противоречий между США и Китаем – двумя основными полюсами развития мировой экономики на современном этапе – Беларусь представляется связующим цивилизационным мостом между Востоком и Западом. Исходя из новых геополитических реалий, функциональным смыслом национальной идеи Беларуси представляется содействие взаимовыгодному сотрудничеству ключевых геополитических центров силы в Евразии. Будущее сильной и процветающей Беларуси неразрывно связано с созидательной мировоззренческой идеей, способной сбалансировать мир.

Заключение

Исследование парадигмы нового мирового порядка позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы.

Парадигма нового мирового порядка представляет собой *многогранный феномен*. С одной стороны, ее мировоззренческой основой является идея «новый порядок веков», которая консолидирует англо-американский истеблишмент и обеспечивает взаимодействие организаций транснациональных элит, таких как Совет по международным отношениям, Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, Римский клуб и др. С другой стороны, новый мировой порядок – это прообраз будущего, широкомаштабный исторический и геополитический проект, в рамках реализации которого осуществляется процесс трансформации системы международных отношений в целях установления системы глобального (наднационального) управления и контроля над развитием человеческой цивилизации¹. Продвижение либеральной парадигмы является одной из главных причин международных конфликтов.

В современных условиях в целях предотвращения возможности глобального международного конфликта необходим новый баланс сил в мире. Требуется «перебалансировка» системы международных отношений. Созданию справедливого миропорядка может способствовать конфедерация евразийских государств. Ее экономической и геополитической основой в широком смысле представляется модель ЕАЭС, при условии ее реализации на взаимовыгодной стратегической основе. Принципом объединения евразийских государств, позволяющим сохранить независимый путь развития, представляется принцип «интеграция интеграций», а также четвертый закон движения и развития культурно-исторических типов, разработанный Н. Я. Данилевским, крупным мыслителем, одним из основателей цивилизационного подхода к истории: «цивилизация, свойственная каждому культурно-

историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы ее составляющие, когда они, *не будучи поглощены* одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств (курсив наш. – А. П.)» [5].

Идеологическая основа евразийской конфедерации выражена в идее панславизма. Она предусматривает справедливую модель общественно-экономического устройства. Однако реализация ее возможна лишь в том случае, если государства-участники будут проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, избавленную от принципа либерализма (В. В. Бортко, к примеру, рассматривает либерализм как «отрицание традиционного порядка вещей» [6]). Современный либерализм, как отмечалось, размывает традиционные ценности и поэтому представляет собой угрозу суверенитету государств. Капиталистическая модель общества потребления является губительной для восточнославянской цивилизации. Она не только ведет к социальному неравенству и расслоению общества, но и вызывает духовно-нравственный кризис. Поэтому необходима новая посткапиталистическая модель общественно-политического устройства и мирового развития, становлению которой может способствовать социально ориентированная модель экономического развития Республики Беларусь, а также китайская модель «третьего пути» (между капиталистической и социалистической общественными формациями).

Многие глобальные проблемы современности вызваны последствиями установления мира по-американски, в особенности глобализация терроризма, а также региональные очаги нестабильности, возникшие после поддержки США цветных революций и серии смен режимов. В своей совокупности они способствуют возникновению гло-

¹На современном этапе для сбора информации США используют новейшие технологические разработки, системы слежения, средства радиоэлектронной разведки, например государственную программу *PRISM (Program for Robotics, Intelligents Sensing and Mechatronics)* – комплекс мероприятий, осуществляемых в целях массового негласного сбора информации.

бального хаоса. Как отметил З. Бжезинский, «это [новое столетие. – А. П.] должно быть жестким. Оно будет опасным и разрушительным <...> я думаю, что мы сползаем в эру большого смятения и преобладающего хаоса» [7]. Хаотизация международных отношений и, как следствие, атомизация и раскол глобального геополитического пространства в определенной степени носят управляемый характер. Ценностно-ориентационный раскол, характерный для многих государств, непрекращающиеся соци-

альные и международные конфликты, техногенные катастрофы и эпидемии, с одной стороны, и новейшие технологии воздействия на массовое сознание, с другой, планомерно подготавливают общественное мнение в пользу новой системы глобального антикризисного управления взамен системы ООН. Именно нарастающий кризис в мировом масштабе способствует свободному выбору человечества: в пользу всемирного государства или независимого пути развития.

Библиографические ссылки

1. Выступление в общей дискуссии 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-v-obschej-diskussii-70-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-12219/ (дата обращения: 28.09.2015).
2. Fukuyama F. The end of history and the last man. New York, 1992.
3. Home Rule Globally [Electronic resource]. URL: <http://www.homeruleglobally.org> (date of access: 04.06.2015).
4. Jasper W. F. Joe Biden on creating a «New World Order» // The New American. 2013. 8 Apr. [Electronic resource]. URL: <http://www.thenewamerican.com/usnews/politics/item/15036-joe-biden-on-creating-a-new-world-order> (date of access: 06.02.2017).
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
6. Бортко В. В. Советская власть делала человека лучше // Правда. 2017. № 12 (30509). 3–6 февр. С. 7.
7. Brzezinski Z. A time of unprecedented instability? [Electronic resource] // FP. 2014. 21 July. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/07/21/a-time-of-unprecedented-instability> (date of access: 02.05.2015).

References

1. Vystuplenie v obshchei diskussii 70-i sessii General'noi Assamblei OON // Ofitsial'nyi internet-portal Prezidenta Respubliki Belarus'. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-v-obschej-diskussii-70-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-12219/ (date of access: 28.09.2015) (in Russ.).
2. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York. 1992.
3. Home Rule Globally. URL: <http://www.homeruleglobally.org> (date of access: 04.06.2015).
4. Jasper W. F. Joe Biden on creating a «New World Order». *The New American*. 2013. 8 Apr. URL: <http://www.thenewamerican.com/usnews/politics/item/15036-joe-biden-on-creating-a-new-world-order> (date of access: 06.02.2017).
5. Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa. Moscow, 1991 (in Russ.).
6. Bortko V. V. Sovetskaya vlast' delala cheloveka luchshe. *Pravda*. 2017. No. 12 (30509). 3–6 Febr. P. 7 (in Russ.).
7. Brzezinski Z. A time of unprecedented instability? *FP*. 2014. 21 July. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/07/21/a-time-of-unprecedented-instability> (date of access: 02.05.2015).

Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.

ПОСТАНОВКА ПРЕДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ЗНАНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАСТУЩЕЙ СТРОГОСТИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Рассматривается формирование в различных отраслях знаний нового типа проблем (предельных), к числу которых нередко относят фундаментальные научные проблемы (С. Г. Кара-Мурза), трудные вопросы (А. Азимов), психологические проблемы (К. Г. Юнг), сложные проблемы (М. И. Демчук, А. Т. Юркевич), экзистенциальные проблемы и вечные вопросы (В. Данченко), морально-нравственные проблемы (Х. Лэйси, Б. Г. Юдин), мета-вопросы эпохи (Л. Млодинов) и др. Анализируются возможности междисциплинарных исследований (синергетики, системологии и науковедения) по решению указанных типов предельных проблем. Обосновывается вывод о наличии прочной корреляции между растущей актуальностью постановки предельных проблем в различных отраслях знаний и растущей строгостью жизненного мира личности и общества.

Ключевые слова: предельные проблемы; пределы и границы научных знаний; общество риска; кризисное общество; хоррорология; рискология; риск-менеджмент; кризисный менеджмент; социология риска; социология жизни; эвентология; экзистенциальная наука; «экономика быстрого реагирования»; лимитология; кризисное обществоведение.

CREATION OF MARGINAL PROBLEMS IN VARIOUS KNOWLEDGE BRANCHES AS AN INDICATOR OF GROWING AUSTERITY OF LIFEWORLD OF PERSONALITY AND SOCIETY

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Akademicheskaya street, 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

The creation of a new type of problems (marginal problems) in different branches of scientific knowledge etc., including fundamental scientific problems (S. G. Kara-Murza), difficult problems (A. Asimov), psychological problems (C. G. Jung), complicated problems (M. I. Demchuk, A. T. Yurkevich), existential problems and eternal problems (V. Danchenko), moral problems (H. Lacey, B. G. Yudin), meta-problems of epoch (L. Mlodinov) is considered in the article. The possibilities of interdisciplinary research (synergetics, systemology and science of science) for solving the above mentioned marginal problems are analyzed. The conclusion is substantiated about the presence of strong correlation between the growing actuality of marginal problems and the growing austerity of lifeworld of personality and society.

Key words: marginal problems; limits and borders of scientific knowledge; society of risk; crisis's society; horrorology; riskology; risk-management; crisis's management; sociology of risk; sociology of life; eventology; existential science; «economy of quick response»; limitology; crisis humanities.

Образец цитирования:

Щербин В. К. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 19–35.

For citation:

Shcherbin V. K. Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 19–35 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором инновационного развития отраслей.

Author:

Vyacheslav Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of branch innovative development. slavalex@mail.ru

События, имевшие место в течение первых двух десятилетий третьего тысячелетия (мировой экономический кризис 2007–2008 г., военные конфликты в Ираке, Сирии, Украине, бесконечный поток мигрантов в страны ЕС) целиком и полностью подтвердили прогноз выдающегося американского социолога И. Валлерстайна о том, что «социум первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX» [1, с. 5]. Буквально на наших глазах сформировались десятки новых типов обществ, описанных к настоящему времени в работах известных исследователей из разных стран мира: *биообщество*, *нанообщество* (А. К. Казанцев, В. Н. Киселев, Д. А. Рубвальтер, О. В. Руденский); *западнистское сверхобщество* (А. А. Зиновьев); *интегративное маятниковое общество*, *конвергированное общество*, *смешанное общество* (Д. М. Гилязитдинов, П. Сорокин); *информационное общество* (Г. Бехманн, Д. В. Иванов, М. Кастельс); *кризисное общество* (Н. П. Гончарова, С. Г. Кара-Мурза, И. Н. Протасенко); *общество знаний* (Г. Б. Клейнер, В. Л. Макаров, Ф. Махлуп, Н. Штер); *общество потребления* (Ж. Бодрийяр); *общество риска* (У. Бек, Г. Бехманн, Т. А. Колесникова, П. Штомпка, О. Н. Яницкий); *общество саморазрушения* (О. Ю. Бойцова, Л. Х. Гитис, И. Ефремов, Ж. П. Черкасова); *общество самосохранения* (Э. Глейзер); *общество, шокированное будущим* (А. Тоффлер); *открытое общество* (К. Поппер, Дж. Сорос); *переходное общество* (А. Н. Данилов, У. У. Ростю); *постиндустриальное общество* (Д. Белл, В. Иноземцев, Г. Кан, А. Тоффлер, А. Турен, Ж. Фурастьё); *рыночное общество* (В. П. Макаренко, А. Хиршман); *самоорганизующееся общество* (Г. Хакен); *«солидарное» общество* (Э. Дюркгейм); *технотронное общество* (З. Бжезинский); *цивилизованное общество* (М. Хоркхаймер) и др.

При этом общей и наиболее характерной чертой указанных новых типов обществ является исключительно высокая роль в их жизни многочисленных экономических, политических, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, социальных нестроений, структурных диспропорций, дисфункций и иных малоприятных явлений, порождение которых обусловлено различными причинами. В их числе следующие:

а) болезни социальных систем: «Мы считаем возможным утверждать, что ошибки, провалы и неудачи являются следствием болезней систем и в таком качестве представляют собой ее паразитирующие (патологические) подсистемы» [2, с. 87];

б) принятие нерациональных, рискованных решений по жизненно важным для общества воп-

росам. «Таковыми ограничениями рациональности, порождающими принятие неоправданно рискованных решений, могут являться “упрощение” событий и завышенная уверенность, зависимость от контекста, в котором “подается” рассматриваемая проблема, чрезмерное внимание к опыту недавнего прошлого и ближайшей перспективе в ущерб длительному опыту и долгосрочной перспективе, “стадное поведение”, информационные каскады и многие другие обстоятельства» [3, с. 72].

Сам факт появления в жизни современных обществ указанных негативных явлений обуславливает широкий спектр весьма специфических вопросов, которые в работах отечественных и зарубежных исследователей называются по-разному: *фундаментальными научными проблемами* (С. Г. Кара-Мурза), *трудными вопросами* (А. Азимов), *психологическими проблемами* (К. Г. Юнг), *сложными проблемами* (М. И. Демчук, А. Колесников, С. Сиренко, А. Т. Юркевич), *экзистенциальными проблемами и вечными вопросами* (В. Данченко), *нравственными и этическими проблемами* (Х. Лэйси, Б. Г. Юдин), *метавопросами эпохи* (Л. Млодинов), *«проклятыми вопросами»* (В. В. Михайлов, А. Г. Мясников), *«висящими» вопросами* (А. П. Дегтярев), *принципал-агентскими проблемами* (Р. С. Гринберг) и т. д. К указанной группе специфических вопросов, связанных с преодолением возникающих в жизненном мире личности и общества многочисленных рисков, угроз, опасностей, вызовов, пределов, ущербов, дисбалансов, потерь и неопределенностей, относятся, на наш взгляд, и так называемые *предельные проблемы* различных отраслей знаний.

Уже из самого наименования видно, что данные проблемы связаны с выходом за пределы соответствующих отраслей знаний или человеческого познания вообще, способствуя тем самым дальнейшему продвижению вперед переднего края науки, или «фронта», как называл его американский науковед и общественный деятель В. Буш [4]. Российский философ А. А. Печенкин считает, что такие связанные с преодолением пределов познания проблемы следует относить к числу философских: «Поскольку обоснование какого-либо фрагмента знания, изучение его структуры и функций предполагает выход за пределы этого фрагмента, оно становится философской проблемой» [5, с. 8].

Хотя еще советская практика решения предельных проблем, связанных, к примеру, с изучением эволюции сознания, показала, что возможности философских систем (в данном случае – системы диалектического материализма) в отношении решения такого рода проблем являются далеко не безграничными: «...философский материализм пребывает в состоянии своеобразной “экзистенциальной летаргии”: отрицая теоретическую обоснованность традиционных религиозно-идеалистических духовных поисков, критикуя существующие

попытки решения экзистенциальных проблем, сам он их не только не решает, но даже не ставит. Более того, многочисленные области человеческого опыта, недоступные объективному наблюдению, в частности связанные с так называемыми высшими состояниями сознания, оказываются «вне закона» и выпадают из сферы исследований, вследствие чего адекватное их описание и объяснение в рамках научной картины отношений человека с миром к настоящему времени отсутствует. Сложившаяся ситуация объясняется нетворческим, комментаторским характером нашей академической философии и усугубляется тем фактом, что экзистенциальные проблемы классиками марксизма-ленинизма специально не разрабатывались, зато традиционно эксплуатировались религией и различными формами идеалистической философии» [6].

Сегодня к этому можно добавить следующее: экзистенциальные проблемы рассматривались в 1980-е гг. не только в рамках различных религиозных учений (например, в Локайята Йоге) и направлений идеалистической философии (например, в рамках экзистенциализма, фрейдизма и др.), но и были предметом изучения системологии (общей теории систем) и феноменологической социологии. В частности, борьба представителей советской системологии за расширение рамок марксистско-ленинской философии путем включения в эти рамки системно-структурного анализа предельных проблем хорошо описана в работе И. В. Блауберга¹. В свою очередь, представители феноменологической социологии считали, что «социологическая теория не может строиться дедуктивным способом, так как социологические описания не смогут считаться независимыми от контекста (ситуационных факторов взаимодействия). Социологическая теория должна быть «эмпирической», т. е. строиться не «сверху» (гипотетико-дедуктивными способами), а «снизу» (основывается на жизненном мире взаимодействующих людей)» [7, с. 340].

К примеру, немецкий социолог Х. Абельс считает, что «важным предметом феноменологии является тот мир, с которым человек вступает в отношения в своем сознании. Опыт человека в мире есть часть его опыта жизни в мире *совместно с другими* людьми. Мир, который кажется нам несомненным, основан на доверии к нему. Этот само собой разумеющийся мир смыслового опыта Гуссерль называет *жизненным миром*. Он «является пространственно-временным миром вещей, каким мы его воспринимаем до и вне всякой науки» (См.: Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie / Husserliana. Gesammelte Werke, bd. VI. Den Haag, 1976. S. 141). Этот

мир просто существует, он сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. По отношению к нему мы обладаем естественной установкой, которая удивительно непроблематична. По словам Шюца, именно эта мысль больше всего заинтересовала его в феноменологии Гуссерля. Естественная установка является неререфлексируемой и постоянно подтверждает себя через рутину повседневного повторения одного и того же. Жизненный мир есть несомненная реальность. <...> Нам необходимо выявить, как человек находит свой путь к такой реальности. В этой связи следует воспользоваться несколько иным определением понятия жизненного мира: «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, то есть любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным» (См.: Schutz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. 1. Neuwied, 1975. S. 23). В этом определении жизненный мир предстает как «не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения». Каким образом человек приходит к своему естественному мировоззрению? В этом заключается основная вопрос феноменологии» [8, с. 73–74].

По мнению Л. Г. Титаренко, понятие *жизненный мир* является «основным понятием в феноменологических социологических концепциях, с помощью которого дается представление о подлинном предмете социологического познания, «забытом», потерянном в позитивистской социологии. <...> Это мир повседневности, каким он предстает обычным людям. Это и есть «высшая реальность» и основной объект социологического исследования. Главная характеристика жизненного мира состоит в признании его непроблематичности, целостности, изначальной неструктурированности, анонимности. Жизненный мир воспринимается людьми как нечто само собой разумеющееся на основе определенной «естественной установки». Задача социологии состоит в том, чтобы показать, каким образом жизненный мир познается, тематизируется, интерпретируется простыми людьми и вовлекается в деятельность их мира сознания» [9, с. 96].

Наконец, универсальный, базисный характер понятия *жизненный мир*, понимаемого как жизнь человека и общества, удачно раскрывается в рецензии С. А. Шавеля на книгу Ж. Т. Тощенко «Социология жизни»: «Жизнь человека и общества отображают все виды искусств, художественной литературы, фольклора, ее изучением занимаются многие науки: от антропологии, этнографии, пси-

¹Блауберг И. В. Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век : в 2 кн. / под ред. В. А. Лекторского. М., 1998. Кн. II. : 60–80-е гг. С. 152–170.

хологии, генетики до истории и социальной философии. В этом ряду есть (должно быть) свое место и у социологии. Действительно, если социолог проводит исследование на предприятии, он изучает жизнь трудового коллектива, в университете – жизнь студентов и профессорско-преподавательского состава, в аграрном секторе – жизнь крестьян, в театре – жизнь актеров и т. п. “Всюду жизнь”, – гласил известный девиз художников-передвижников, отказавшихся писать картины на религиозные и мифологические сюжеты» [10, с. 123].

Сам факт наличия множества отличающихся интерпретаций таких понятий, как «жизненный мир / жизнь человека и общества», «предельные (философские, экзистенциальные, психологические, нравственные, этические и др.) проблемы», обуславливает необходимость их предварительного однозначного определения в рамках настоящей статьи.

1. Определение ключевых понятий данного исследования

На наш взгляд, свое наиболее полное и исчерпывающее определение понятие «жизненный мир» получает в рамках такого социологического направления, как социология жизни. В частности, А. Н. Данилов описывает предмет изучения интересующего нас направления следующим образом: «Сферой изучения социологии жизни выступает социальная жизнь людей или человеческая жизнь в ее социальном измерении. В более широком плане такой сферой выступает весь *жизненный мир*, т. е. совместно переживаемое и разделяемое людьми пространство жизни, охватывающее все возможные и действительные горизонты их индивидуального и коллективного опыта, который подразделяется на экзистенциальный мир (сферу индивидуального существования людей) и собственно социальный мир (сферу их совместного и взаимозависимого существования)» [11, с. 308]. В полном соответствии с делением объема понятия *жизненный мир* на две составляющих (экзистенциальный мир и собственно социальный мир) рассматриваемые нами предельные проблемы тоже можно разделить на две большие группы: а) предельные проблемы экзистенциального характера, отражающие индивидуальный опыт человека; б) предельные проблемы социального характера, отражающие коллективный опыт социальных групп, накопленный в рамках различных отраслей знаний.

Что касается первой группы предельных проблем, то их суть достаточно точно определил В. Данченко: «*Экзистенциальные проблемы* – это лежащие на стыке философии и психологии “предельные” проблемы лично переживаемого существования человека, формулируемые обычно в таких вечных вопросах, как: *Кто я? Откуда я пришел и куда иду? Что мне делать и зачем? В чем смысл моей жизни?*

Иными словами, это проблемы, возникающие в результате осознания или предчувствия человеком факта конечности, предела своего существования и поиска цели последнего, “чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”» [6]. Наибольший опыт решения таких экзистенциальных проблем накоплен в рамках культурологии, которую по этой причине нередко называют экзистенциальной наукой: «Ничто в мире человека не является более существенным, чем его ценности; ради них он способен на отрицание наиболее полезного для себя дара – жизни, ибо ценность может располагаться и зачастую располагается по ту сторону жизни и смерти. Исследование ценностей есть подлинно экзистенциальная проблема, если понимать экзистенцию как специфический способ бытия человека, культуры и общества. Культурология, понятая как аксиология, есть экзистенциальная наука, открывающая интегральное существо исторического процесса, его порождающие модели, его реальность и интервалы между идеалами и реальностью. Перспективы такой редукции нельзя переоценить. Важнейшей из них является возможность для культурологии стать первой социально-гуманитарной наукой новой исторической эпохи – постпостмодернизма» [12, с. 9].

На социально-гуманитарный характер культурологии указывает и Ю. М. Резник: «...культурология стремится быть общей гуманитарной дисциплиной наряду с дисциплинами филологического комплекса, историей религии, литературоведением, этикой, искусствоведением и пр. В то же время она вторгается в границы предметных областей социальных наук» [13, с. 65]. Наконец, все более активно используют методологический потенциал культурологии в своих исследованиях и экономисты: «Кросс-культурные эксперименты, многоуровневые методы и триангуляция с использованием эмических и этических методов усовершенствуют наше понимание экономической роли культуры. Мы уверены, что культура продолжит оставаться многообещающей областью развития для экономической науки» [14, с. 385].

Завершая обсуждение предназначения культурологии как особой экзистенциальной науки, в рамках которой наиболее широко рассматриваются предельные проблемы первой группы, стоит также привести определение данной дисциплины из статьи Н. А. Хренова: «Многое, что возникало в границах активизировавшихся или возникших в эпоху оттепели дисциплин, затем оказалось включено в проблематику культурологии. Может быть, еще и поэтому эта наука сегодня оказывается без берегов. И это, пожалуй, второй признак состояния данной науки в России. Он свидетельствует о том, что для культурологии на сегодняшней фазе ее развития характерно ярко выраженное

интегративное начало. Она многое ассимилирует, претендуя на самый высокий уровень обобщений» [15, с. 5].

В свою очередь, состав второй группы предельных проблем является значительно более разнообразным. В частности, к этой группе относятся следующие типы предельных проблем¹:

1) *фундаментальные вопросы*. «Провал нашего обществоведения (в годы перестройки. – В. Ш.) выразился прежде всего в уходе от осмысления *фундаментальных вопросов*. Их как будто и не существовало, в момент быстрого развития кризиса не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория выбора. Говорили не о том, “куда и зачем двигаться”, а “каким транспортом” и “с какой скоростью”. Иррациональным был уже сам тоталитарный лозунг перестройки “*иного не дано!*”, исключающий из анализа саму категорию *альтернатив*. А ведь так назывался сборник программных статей верхушки сообщества гуманитариев и социологов» [16, с. 7];

2) *трудные вопросы*. «...Наука помогает найти ответы на *трудные вопросы*» [17, с. 251]. В то же время, по справедливому замечанию К. Поппера, порой и в рамках науки «трудности недооцениваются. Теория представляется так, словно все это доказано с научной достоверностью, но научной достоверности просто не существует» [18, с. 63];

3) *психологические проблемы*. «Разумная аргументация возможна и перспективна лишь до тех пор, пока эмоциональная напряженность ситуации не перешла определенного критического уровня. Стоит, однако, этой эмоциональной напряженности перешагнуть критический уровень, как возможности разумного влияния исчезают; на их место приходит лозунг и химерические образы, иначе виды коллективной одержимости, которые, развиваясь, ведут к психической эпидемии. В такой обстановке на первый план выдвигаются те асоциальные элементы населения, которые при господстве здравого смысла были едва терпимы. Личности этого рода – отнюдь не редкие исключения, которые можно встретить лишь в тюрьмах и домах умалишенных. На каждый случай явного сумасшествия приходится, по моей оценке, по меньшей мере десять латентных случаев, в которых заболевание, хоть и не часто, принимает открытые формы, но при кажущейся внешней нормальности выражается в бессознательно болезненных и извращенных взглядах и поведении» [19, с. 4];

4) *сложные проблемы*. «Системный анализ – совокупность методологических средств, используемых для подготовки и обоснования решений по *сложным проблемам* политического, военного, социального, экономического, научного и технического ха-

рактера. Опирается на системный подход, а также на ряд математических дисциплин и современных методов управления. Основная процедура – построение обобщенной модели, отображающей взаимосвязи реальной ситуации» [20, с. 331]. Иными словами, сложные проблемы можно решить только с помощью сложных, системных подходов. Во всяком случае, «развитие феномена лысенковщины оказалось возможным именно на фоне поощрения со стороны государства скорых и простых решений *сложных научных проблем*» [21, с. 338];

5) *нравственные и этические проблемы*. «Наш анализ позволяет определить границы, в которых допустима критика ценностных установок сегодняшней научной практики. Основной массив современных научных исследований разворачивается в русле материалистических стратегий, которые взаимодействуют с современными ценностями контроля, что ведет к обоюдному их укреплению и усилению. Как должна быть реконституирована практика научного исследования, чтобы стратегии взаимодействовали похожим взаимоусиливающимся образом с максимально широким комплексом социальных ценностей возможных форм человеческого благополучия и процветания? Анализ стратегий правомерности “обыденного” подхода, а также феминистских стратегий указывает исходные ориентиры. С учетом необходимости выделения периодов принятия стратегий и принятия теорий он ведет к постановке новых методологических вопросов, а также позволяет вскрыть целый ряд насущных *нравственных вопросов современности*» [22, с. 336]. В свою очередь Б. Г. Юдин констатирует следующее: «...чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть эксперименты с участием человека. Но участие в таких экспериментах всегда сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых. <...> Важно подчеркнуть, что общепринятой нормой стало *этическое* сопровождение всех такого рода исследований. <...> Таким образом, главная задача *этического* регулирования научных исследований – по возможности оградить человека от сопряженного с ними риска. Именно с этой целью и создаются соответствующие структуры и механизмы» [23, с. 371, 373, 377];

6) *метавопросы эпохи*. «Существование атомов напрямую доказать было нельзя, однако гипотеза об их существовании приводила-таки к проверяемым на практике законам, и законы эти, как подтвердилось, верны – к примеру, представление об атоме можно применять при выводе математической зависимости между температурой и давлением в газах. Что же об этом атоме думать вообще?

¹При перечислении предельных проблем даны примеры их описания, эксцерпированные из научной литературы. – В. Ш.

Вот каков был *метавопрос эпохи*. Ответ оставался неясным, а потому большую часть XIX века атом существовал себе призрачным духом за плечами физиков, неуловимостью, шептавшей им в уши тайны природы. Вопрос об атоме получил в конце концов ответ настолько мощный, что ныне вопроса-то никакого и нет» [24, с. 351];

7) *«проклятые» вопросы*. «Как видно из статьи (В. В. Михайлова. – В. Ш.), нашего автора мучает *«проклятый» вопрос* о том, как создать в России независимую, самостоятельную науку и такую систему образования, которые были бы конкурентоспособными и отвечали бы потребностям современного российского общества. Чтобы мы гордились своей электроникой, медициной, нанотехнологиями и, наконец, своими философами» [25, с. 123];

8) *«висящие» вопросы*. «...структура конечной науки (любой ее вариант из множества возможных) должна быть такой, чтобы любые возможные (осмысленные) вопросы о мире были внутрипонятными-структурными вопросами. Иначе говоря, все имеющиеся ныне *«висящие» вопросы*, то есть находящиеся на краю понятийной структуры и воспринимаемые как вопросы “о мире”, на самом деле связаны с неполнотой, недостроенностью этой структуры. Структура конечной науки является “сферичкой”, как поверхность глобуса, которая имеет конечную площадь, но при этом не имеет краев» [26, с. 13];

9) *принципал-агентские проблемы*. «Принципал-агентские проблемы в условиях информационной асимметрии породили феномен чрезмерно рискованных решений. Подобные противоречия возникали во взаимодействии акционеров и менеджмента инвестиционных банков; участников финансовых рынков и рейтинговых агентств; покупателей и эмитентов инвестиционных продуктов; финансовых структур и регуляторов» [3, с. 71].

Перечисленными типами вторая группа предельных проблем, на наш взгляд, не исчерпывается, поскольку при желании в любой отрасли знаний можно найти свои специфические предельные проблемы. Вот что, к примеру, пишет об указанных проблемах своей науки итальянский историк Б. Кроче: «...история есть одновременно история социальная, и политическая, и литературная, и религиозная, и этическая, здесь и берет начало вера в то, что одна из этих историй главная, а именно та, которую лучше знает и больше ценит автор; не случайно “историю философии” часто называют “философией истории” или “социальную историю” – “подлинной историей, философией истории” и так далее. На самом деле продуманная до конца история философии есть всеобщая история (и точно так же история литературы и всякого иного проявления духа) не потому, что не нуждается в остальных, а потому, что обязана им всем; поэтому-то и нужно историкам развивать в себе универсализм и быть универсаль-

но образованными, поэтому-то и плохи историки-специалисты – чистые философы, чистые филологи, чистые политики или чистые экономисты, которые в силу своей односторонности не понимают даже своей специальности, а лишь “владеют” ею как чем-то абстрактным и мертвым» [27, с. 73]. Б. Кроче считает ошибочным «бесконечный спор по поводу “проблемы” и “пределов” той или иной истории или группы специальных историй: проблемы такой не существует, пределы логически определить невозможно ввиду их условности, с чем в конце концов все после бурных волнений и соглашаются; волнений могло бы быть меньше, если бы за исходный пункт взяли не периферию, а центр, то есть гносеологический анализ» [27, с. 76].

Еще более условный характер носит решение предельных проблем современной атомной физики. Вот что пишет о таких проблемах известный физик-теоретик и популяризатор физических знаний Л. Млодинов: «...мы знаем, что, если науке потребен прогресс, ей придется переместить фокус внимания за пределы прямого чувственного опыта. В начале XXI века наше принятие незримого мира зашло настолько далеко, что от открытия знаменитой “частицы Хиггса” никто и не поморщился, хотя никто не только в глаза никакой частицы Хиггса не видывал, но и не наблюдал осязаемых результатов взаимодействия частиц Хиггса с каким-нибудь прибором, который мог бы сделать их зримыми косвенно, как флуоресцентный экран делает “зримыми” электроны, когда светится от их ударов.

Подтверждение существования частиц Хиггса – сугубо математическое, оно выводится из определенных численных экспериментальных данных. Эти данные, характеризующие радиоактивное излучение, были сняты с обломков более трехсот триллионов столкновений протонов друг с другом, а затем проанализированы статистически намного позднее самих событий с применением двух сотен вычислительных центров в трех десятках стран. Именно это имеет в виду физик, когда говорит: “Мы видели частицу Хиггса”.

Подобное “наблюдение” Хиггсовых и других субатомных частиц сделало прежде незримый атом больше похожим на целую непустую вселенную, и в каждой капле воды – миллиарды миллиардов таких вселенных, крошечных миров не просто для нас незримых, а отделенных на несколько порядков от непосредственного наблюдения. Бросьте пытаться объяснить теорию бозона Хиггса физику XIX века – замучаетесь растолковывать, что вы имеете в виду, говоря, что “видели” бозон» [24, с. 351–353].

Еще сложнее обстоит дело с решением предельных проблем в рамках социальной науки. С одной стороны, понятие «социальный предел» привязывается к социальным возможностям общества: «Предел социальный – понятие, введенное неоконсерваторами, в котором находит выражение тезис,

согласно которому существует достаточно жестко фиксируемая граница социальных возможностей любого общества, учет которой ведет к стабилизации общества, а нарушение – к его дисгармонии. Сторонники этой концепции утверждают, что либералы 60-х гг., побуждавшие человечество к чрезмерной социальной благотворительности, перешли предел социальный и тем самым нарушили “органический закон” общества. Ссылкой на этот “факт” неоконсерваторы, как правило, объясняют волнения, беспорядки, “хаос 60-х годов”. <...> Свободная рыночная экономика – именно это, согласно воззрению неоконсерваторов, единственный путь учета предела социального и снятия перегрузок в обществе, а не демократия, призывающая к “равенству результатов” вместо того, чтобы ограничиться призывами к “равенству возможностей”» [28, с. 402].

С другой стороны, наука, призванная определять эти социальные возможности общества (социология), признается мультипарадигмальной наукой, что не способствует однозначному определению таких возможностей. Как свидетельствует австрийский социолог А. Балог, «социологи считают социологию *мультипарадигмальной наукой*. Значит, “социальную реальность” можно рассматривать с разных точек зрения, что не позволяет говорить о единой “социологической теории” как всеобъемлющей и признанной группе доказательств, обсуждение основных дисциплинарных проблем которой более или менее закончилось в духе общего консенсуса. Такой подход отражен, естественно, и в учебниках, приводящих отдельные подходы или парадигмы как более или менее изолированные теории, не связанные друг с другом» [29, с. 22]. Ситуация с решением предельных проблем социальной науки еще более усугубляется тем обстоятельством, что «социальная наука пытается описать сложные, проникающие друг в друга и перемешанные вещи <...> чаще всего она только вносит путаницу. Дело в том, что простые и ясные описания не работают, если описываемое ими неупорядоченно. Сама попытка добиться ясности попросту увеличивает беспорядок» [30, с. 12].

Даже «языкознание, по-видимому, одна из самых консервативных наук» [31, с. 12], сегодня не чурается постановки предельных проблем, касающихся отдельных из его направлений. К примеру, современные российские языковеды не только активно обсуждают вопросы о том, «что такое компаративистика и как она помогает восстанавливать историю языков, выходящую далеко за пределы письменной эпохи» [32, с. 12], но и пытаются «затронуть поистине взрывоопасный вопрос о том, каковы пределы этой дисциплины – насколько глубоко в языковое прошлое может проникнуть компаративист? Можно ли с помощью сравнительно-исторического метода “припасть к истокам” Языка как такового? Где заканчивается научный метод

и начинается чистая интуиция, грозящая перейти сначала в околонучную фантазию, а затем в антинаучное безумие? Существует ли на этот счет консенсус в лингвистическом сообществе, и если нет, то почему?» [32, с. 12].

Перечень различных отраслей знаний, в рамках которых сегодня ставятся и решаются предельные проблемы узкодисциплинарного познания, является достаточно длинным. Однако нас в первую очередь интересует постановка предельных проблем в тех отраслях знаний, которые вносят наибольший вклад в изучение рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества. Данный интерес во многом оправдывается тем, что активная разработка научной общественностью предельной проблематики указанных отраслей знаний способствовала быстрому формированию целого ряда новых научных дисциплин и направлений, связанных с изучением существующих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь и прочих социальных явлений.

2. Новые научные дисциплины и направления, связанные с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества

Анализ указанных новых научных дисциплин и направлений нам хотелось бы начать с такой весьма широкой по своему содержанию дисциплины, как *хоррорология*. В монографии М. Эпштейна «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» содержание данной дисциплины описывается следующим образом: «Если опасность загрязнения природы, исходящая от цивилизации, окрашивала вторую половину XX века, то XXI век может пройти под знаком *хоррора* – угроз цивилизации самой себе. На смену экологии как первоочередная забота приходит *хоррорология* (horrorology) – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Термин “*хоррорология*”, конечно, ужасен, но не более, чем обозначаемый предмет, а значит, по-своему точен. <...> *Хоррорология* – наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. *Хоррорология* – теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культурология, минус-политология. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, *хоррорология* изучает как растущую возможность ее самодеструкции, самовычитания» [33, с. 766].

Менее экзотический и более научный, чем *хоррорология*, характер имеет так называемая *рискология*, или *общая теория рисков*. В справочной и учебной литературе данной дисциплине дается следующее определение: «*Рискология* – наука о риске, исследующая сущность риска, его причины, формы

проявления и роль в жизни людей» [34, с. 369]. В свою очередь, *общая теория рисков* рассматривает общие универсальные правила сравнения, которые не привязаны к конкретным экономическим ситуациям. Она апеллирует к естественным или кажущимся таковыми нормативным правилам, которые отражают аспекты «экономической интуиции». Формально *общая теория рисков* занимается предпочтениями или правилами сравнения случайных величин либо распределениями вероятностей (в том числе будущего дохода) [35].

Одним из наиболее разработанных направлений рискологии сегодня является «*риск-менеджмент* – система оценки риска, управления риском и финансовыми отношениями, возникающими в процессе функционирования бизнес-структур или предпринимателей» [36, с. 448]. Отдельное научное направление, связанное с управлением рисками, угрозами, проблемными и кризисными ситуациями, представляет собой «*кризисный менеджмент* (англ. *crisis management*): а) технология управления, предусматривающая создание плана реагирования применительно к специфике деятельности государственной или частной структуры; б) совокупность приемов и форм рыночной борьбы» [37, с. 315].

Весьма широко и всесторонне рассматривает феномен риска российская *социология риска*, развиваемая прежде всего О. Н. Яницким, который опубликовал целый ряд работ о российских пожарах, социальных движениях, экологических катастрофах, войнах за ресурсы в XXI в. и т. п.¹ Достаточно давно изучается феномен риска и в рамках такой научной дисциплины, как *психология риска* (например, в работах Б. Бернштейна, А. И. Мечитова, С. Б. Ребрика, Дж. Неймана, О. Моргенштерна).

В свою очередь, понятийное содержание такой науки о риске, как *эвентология*, сегодня описывается следующим образом: «В последние годы в связи с появлением нового направления теории вероятностей – *эвентологии* (от англ. *event* – событие: любое событие состоит из “события-восприятия” и “события-деятельности”) – возникло понятие эвентологического риска, которое можно рассматривать как первую серьезную попытку объединить в одном понятии и теоретический, и эффективный риски. Эвентология предоставляет возможность не только развить эффективные эвентологические модели различных аспектов человеческого восприятия риска, но и дать такое общее математическое определение “эвентологического риска”, которое, не вступая в противоречие с большинством существующих определений теоретического и эффек-

тивного рисков, поглощает их в качестве многочисленных частных вариантов» [38, с. 278].

С экономическими рисками сегодня активно работают не только отдельные направления рискологии (риск-менеджмент, кризисный менеджмент, эвентология и др.), но и новые типы экономических систем, одной из которых является так называемая *экономика быстрого реагирования*: «Современная экономика, которую характеризует конкуренция в плавающих границах отраслей, при меняющихся потребителях и конкурентах, росте непредсказуемости, получила название “экономика быстрого реагирования”» [39, с. 42]. По аналогии с «экономикой быстрого реагирования» российскими специалистами в области синергетики допускается возможность создания и «социологии быстрого реагирования»: «Материалы предварительных исследований показывают, что можно развить новый подход в области социэкономии – “социологию быстрого реагирования”. Именно она может оказаться важной для повышения устойчивости функционирования больших городов и страны в целом, а также для предупреждения социальных нестабильностей» [40, с. 160]. Наконец, американским футурологом А. Тоффлером был описан и такой тип экономической системы, как “экономика быстротечности”: «Когда обычный уровень перемен в обществе повышается, то экономика стабильности должна быть замещена и замещается *экономикой быстротечности*» [41, с. 44].

Зарубежными исследователями сегодня успешно развивается и такая специализированная дисциплина о границах науки, как *лимитология*. Г. О. Росслер (немецкий биохимик и теоретик хаоса) предложил неологизм для определения того, что делали он и его коллеги: *лимитология*. *Лимитология* – это постмодернистское предприятие, переросток продолжающегося в этом столетии усилия деконструировать реальность. Конечно, И. Кант тоже боролся с границами знаний, как и Дж. К. Максвелл, великий английский физик. Последний представлял, что микроскопический гомункул или демон может помочь нам разгромить второе начало термодинамики. Но настоящим уроком демона Дж. К. Максвелла, по словам Г. О. Росслера, является то, что мы находимся в термодинамической тюрьме, из которой нам никогда не убежать. «Когда мы собираем информацию из мира, мы делаем вклад в энтропию и, таким образом, в непознаваемость. Мы неумолимо идем к тепловой смерти. Вся тема границ науки – это тема демонов, – прошипел Росслер. – Мы сражаемся с демонами...» [18, с. 384–385].

¹ Среди них можно отметить следующие: Социология риска. М., 2003; Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35; Пожары в России: экосоциологический анализ // Социол. исслед. 2011. № 3. С. 3–12; «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы // Социол. исслед. 2012. № 1. С. 67–76; Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социол. исслед. 2013. № 3. С. 50–59.

В России усилиями известного науковед С. Г. Кара-Мурзы создано новое научное направление – *кризисное обществоведение*, которое должно предупреждать общество о существующих опасностях и формировать связанные с ними запреты. Необходимость формирования такого научного направления С. Г. Кара-Мурза обосновывает следующим образом: «Как и у всякой науки, главная функция общественных наук заключается в том, чтобы формулировать запреты – предупреждать о том, чего делать нельзя. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Этой функции наше обществоведение не выполнило. Надо сказать, что и западное обществоведение не раз давало сбои в XX веке. <...> Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма – сложной болезни Запада, и особенно немецкого народа (хотя симптомов этой болезни было достаточно)» [16, с. 6].

Наконец, ярким показателем общей зрелости той совокупности научных дисциплин и направлений, которые связаны с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества, является формирование квазинаучных направлений (например, капутологии) и эзотерических религиозных учений (например, «Церкви Святого Страха»), которые близки к указанной совокупности научных дисциплин и направлений по своей антирискогенной направленности. В частности, причины появления *капутологии* основатель этого квазинаучного направления, известный украинский науковед Г. М. Добров объясняет так: «...в системе наук все более явственно обнаруживается и недостающее звено – системология ошибок (*капутология*), которая взяла бы на себя бремя изучения патологии систем. <...> *Капутология* – прикладной системный анализ неудач; наука и искусство превращать поражения в победы» [2, с. 86, 121]. О мотивах создания «Церкви Святого Страха» ее основатель Дж. Хорган говорит: «Моей истинной целью написания “Конец науки” было установление новой религии – “Церкви Святого Страха”. Если я стану главой культа, то это будет приятной переменной темпа – не говоря уж о том, что более прибыльным, чем занятия журналистикой» [18, с. 453].

Описанный нами конгломерат (совокупность) новых научных и квазинаучных дисциплин и направлений, включающий даже отдельные эзотерические религиозные учения (общее число таких дисциплин, направлений и учений сегодня превышает полтора десятка!), тем не менее не охватывает своими исследованиями широкий спектр существующих в жизненном мире личности и общества многочисленных экономических, политиче-

ских, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, социальных нестроений, структурных диспропорций, дисфункций и прочих негативных явлений. К примеру, составленный нами на основе зарубежной и отечественной научной литературы классификатор рисков объединяет в себе более 700 видов рисков, которые можно расклассифицировать по четырем десяткам групп рисков: *валютные, глобальные, имущественные, инвестиционные, инновационные, инфляционные, катастрофические, коммерческие, кредитные, кризисные, макроэкономические, научно-технические, несистематические, нестрахуемые, операционные, организационные, предпринимательские, политические, природные, производственные, процентные, рыночные, системные, социальные, страновые, стратегические, страховые, технологические, финансовые, экологические, экономические, юридические риски, риски ликвидности* и др.).

При этом степень изученности перечисленных групп рисков существенно отличается. В частности, наиболее изученными (т. е. представленными в десяти и более исследованиях различных авторов) являются такие частные виды рисков, как *валютные, имущественные, инвестиционные, инновационные, инфляционные, коммерческие, кредитные, критические, несистематические, операционные, политические, предпринимательские, производственные, процентные риски, рыночные, систематические, социальные, страновые, страховые, технические, технологические, финансовые, экологические, экономические риски, а также риски ликвидности*. В то же время такие наиболее общие виды рисков, как *глобальные, интегральные, катастрофические, кризисные, макроэкономические, нестрахуемые, новые, организационные, природные, системные, стратегические*, представлены, как правило, в работах одного или нескольких авторов.

Кроме того, несмотря на существование целого ряда наук о рисках (*рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, психология риска, эвентология* и др.), до сих пор отсутствует не только единое понимание риска, но и более или менее исчерпывающая классификация различных его видов, а также единый понятийный аппарат, позволяющий непротиворечивым образом описывать многообразие различных видов риска и их взаимосвязей с такими рискогенными понятиями, как *опасность, ненадежность, угроза, неопределенность, кризис, вызов, диспропорция, дисбаланс, диспаритет* и т. п. Из-за отсутствия такого единого понятийного аппарата, способствующего единообразному описанию различных видов риска, каждая отрасль знаний стремится сформировать свое отраслевое видение

природы риска, а также свой отраслевой перечень существующих видов риска. К примеру, только в результате изучения деятельности организаций телекоммуникационной отрасли выявлено и описано более 70 различных видов рисков [42, с. 97–107].

Как справедливо заметили по поводу таких отраслевых подходов к проблемам выявления, описания, систематизации и прогнозирования рисков авторы монографии «Стратегические риски России: оценка и прогноз», «проблема анализа, оценки и прогнозирования рисков, обусловленных отдельными неблагоприятными явлениями или событиями, достаточно успешно решается уже многие десятилетия, особенно в отношении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и обеспечения мер по их предупреждению. При этом были разработаны соответствующий понятийный аппарат, показатели отдельных видов рисков, методы их анализа, оценки и прогнозирования, определены общие методологические подходы и принципы управления рисками. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что эти исследования и разработки относились к отдельным частным рискам и задачам, а исследования в области стратегических рисков, связанных со всеми основными сферами жизнедеятельности общества – экономической, политической, социальной, научно-технической, природно-техногенной и экологической, – вообще не проводились» [43, с. 14].

Наконец, знакомство с теми методами и приемами управления рисками, которые предлагаются представителями ряда отраслей знаний в целях снижения негативного влияния тех или иных видов отраслевых рисков, показывает достаточно низкую эффективность отдельных из этих методов и приемов управления рисками. В частности, в курсе лекций «Мировая экономика» описывается ряд новых инструментов управления финансовыми рисками: «Среди новых инструментов, предназначенных для дробления рисков, наиболее быстро развиваются кредитные деривативы. Мировой объем их рынка оценивался в 150–200 млрд долл. в начале 1998 года и около 500 млрд долл. в 2000 году» [44, с. 257]. Однако мировой экономический кризис 2007–2008 гг. и последующие исследования в области корпоративных финансов показали губительный характер этих «новых инструментов» управления финансовыми рисками, убедительно продемонстрировав, что именно «рост операций с деривативами приводит к существенному росту финансовых рисков ТНК» [45, с. 101]. А в качестве наиболее реальных инструментов управления финансовыми рисками в условиях глобального кризиса были предложены совсем иные средства из различных областей финансового менеджмента.

Так, в области надзора и аудита специалисты дают следующие рекомендации:

- проводить аудит и обеспечивать таким образом соблюдение требований к капиталу и ликвидности;
- требовать от финансовых институтов, чтобы те выпускали условный конвертируемый долг, превращаемый в акции в случае проблем с собственным капиталом;
- устанавливать ограничения или запреты на определенные виды концентрированного банковского кредитования;
- сдерживать реконсолидацию аффилиатов, ранее проданных инвесторам, особенно структурированных инвестиционных организаций;
- требовать от финансовых посредников «завещания на случай смерти» с указанием, каким образом они при необходимости будут ликвидированы быстро и максимально безболезненно для контрагентов и рынков [46, с. 108].

По поводу средств финансового менеджмента из области хеджирования рисков представим такое мнение: «Крайне необходимо разработать и внедрить эффективную стратегию управления долгом как для государства, так и для бизнеса. Реализация этой стратегии создаст резерв для снижения налоговой нагрузки бизнеса, которому также необходимо выходить на внешние финансовые рынки. Например, только за счет простого хеджирования валютных и ценовых рисков Беларусь могла бы увеличить экспортную выручку в 2014–2015 гг. и первой половине 2016 г. на 8 млрд долл.! Но это требует создания новых структур управления в структуре белорусских компаний, а также обучения руководителей предприятий навыкам работы в изменившихся условиях» [47, с. 17].

Таким образом, приведенные примеры из области риск-менеджмента и финансового менеджмента убедительно подтверждают мысль А. Тоффлера о том, что «решение новых задач находится за пределами узких дисциплин» [41, с. 111]. Иными словами, решение предельных проблем различных отраслей знаний, связанных с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества, требует обязательного использования междисциплинарных подходов, которые сформировались в рамках таких комплексных научных дисциплин, как синергетика, системология, общий социальный анализ, науковедение и др.

3. О роли междисциплинарных направлений (синергетики, системологии, общего социального анализа, науковедения) в решении предельных проблем различных отраслей знаний

По мнению Т. А. Колесниковой, при изучении рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества и постановке связанных с этим изучением предельных проблем «одно из важнейших положений в современной науке займет междисциплинарная теория управления рисками, основанная на принципах синергетики» [48, с. 80].

Аналогичный прогноз делают и другие российские исследователи, которые занимаются анализом и оценкой всевозможных рисков, аварий, бедствий и катастроф. «Традиционно изучением бедствий, катастроф и кризисов различной природы, их причин и последствий занимается целый ряд научных дисциплин, каждая – со своими собственными подходами и видением проблемы. Такого рода “феодалная раздробленность” пагубно сказывается на общем состоянии дел. Очевидно, что выработка и принятие общих решений возможны только на основе единых научных представлений о риске, единых способов представления информации. Основой единого подхода к родственным задачам из разных областей знания может стать *синергетика*, зарекомендовавшая себя в качестве эффективного междисциплинарного подхода. В ее основе лежит представление о наличии *универсальных закономерностей поведения сложных систем*» [40, с. 143].

Опора на какие свойства сложных систем позволяет синергетике вырабатывать оптимальные общие решения для самых разных отраслей знаний? По мнению Г. Г. Малинецкого, к числу таких свойств сложных систем следует отнести их *упорядоченность, простоту, самоорганизацию, предсказуемость поведения и наличие бифуркаций*. «В соответствии с идеями одного из основоположников синергетики И. Р. Пригожина (Нобелевская премия по химии 1977 г.) *упорядоченность* возникает и поддерживается в открытых, нелинейных, далеких от равновесия системах благодаря потокам энергии, вещества или информации, проходящим через систему.

Другим основанием синергетики стали исследования, посвященные проблеме, которая касается когнитивных возможностей человека, – *почему сложные системы можно во многих случаях описывать просто*. Эта способность выделять в сложности мира простые сущности и, исходя из этого, быстро и гибко менять свои поведенческие стратегии и является важнейшим эволюционным преимуществом нашего вида. Она же лежит в основе научного метода.

Синергетика показала, что во многих сложных системах происходит спонтанное, произвольное возникновение упорядоченности. Говоря на языке физики, происходит эффективное уменьшение числа степеней свободы объекта (сокращение тех возможностей, которыми “пользуется” система). На математическом языке это означает *самоорганизацию* и выделение в ходе эволюции ключевых параметров и переменных, которые начинают определять динамику всех остальных характеристик. <...>

Одним из принципиальных результатов синергетики стало открытие явления динамического хаоса и развитие концепции *предсказуемости поведения* сложных систем. Было показано, что для

многих нелинейных систем (в том числе достаточно простых) имеет место *горизонт прогноза* – время, за которое рост сколько угодно малых отклонений в определении начального состояния системы приводит к тому, что через это время информация о состоянии объекта оказывается утрачена. <...>

Синергетика, или – шире – нелинейная наука, изменила наш взгляд на развитие, на будущее. Для нелинейных систем характерно *наличие бифуркаций* (от фр. *la bifurcation* – “раздвоение”, “ветвление”). При изменении какого-то параметра системы (например, времени) прежняя траектория становится неустойчивой и возникают другие. <...> При этом наиболее эффективным и важным является управление и самоорганизация именно в точке бифуркации. Здесь малые воздействия могут направить систему по тому или иному пути. Отсюда следует, что будущее неединственно и в точке бифуркации можно выбрать один из его вариантов. Развитие как последовательность бифуркаций в современной науке все чаще рассматривается в теории биологической эволюции, в экономике, в экологии, в математической истории» [49, с. 274–277].

Подобно синергетике свой междисциплинарный (системный) подход к описанию систем выработала и *системология (общая теория систем)*: «*Системный подход* выступает в современной науке и технике как частнометодологическая концепция, призванная сформулировать в систематическом виде совокупность методов исследования и конструирования систем разных типов и классов. <...> Исторически *системный подход* приходит на смену методологическим концепциям механицизма и элементаризма и в своей специфике и по своим задачам противостоит этим концепциям. Таким образом, отношение “механизм – система” является основополагающим для определения места и функций системного подхода в научном познании, причем это отношение фиксирует различие и взаимоотношение разных способов представления объектов (механистического и целостного) и разных методов их исследования (элементаристского, редукционистского, с одной стороны, и синтетического, антиредукционистского, целостного, с другой). В соответствии с этим основные задачи системного подхода состоят в разработке методов анализа и синтеза объектов, описания их целостных характеристик и конструируемых объектов как целенаправленных систем, синтеза “элементных” и “целостных” знаний о рассматриваемых объектах, анализа взаимоотношения данных систем с другими системами, составляющими их окружение, и т. д.» [50, с. 34].

В социогуманитарной сфере общества наиболее активно используют системный подход социологи, экономисты и политологи: «Социальная транскрипция системности связана с применением

в социологии, экономической науке и политологии. Все три науки оперируют понятиями соответственно социальная, экономическая и политическая системы, используют системность как метод познания и моделирования. Наиболее важные проблемы практической жизни общества:

- формирование рыночной экономики, обеспечивающей взаимодействие и реализацию интересов различных субъектов: собственников, производителей, потребителей, индивидов, коллективов, общества и государства;

- становление социальной системы общества, включающей организацию социальной жизни, социальную защиту населения, социализацию индивидов, их адаптацию и развитие;

- развитие политической системы общества, объединяющей правовое государство, многопартийную систему, демократию. При этом особенно важно широкое внедрение системного подхода в государственное управление» [51, с. 316].

К сожалению, как показывает российская практика изучения существующих многочисленных социальных, экономических, политических и прочих рисков, системный подход в государственном управлении используется далеко не в полной мере: «Сегодня у нас в стране отсутствует постоянно действующая система мониторинга и прогнозирования внешних и внутренних рисков. Существующие исследования в данной области отличаются ведомственностью, отражают, как правило, риски предприятий и выражают личное мнение авторов исследования, что делает их мало пригодными для использования в целях формирования экономической стратегии в интересах государства, иных заинтересованных лиц и организаций в целях управления рисками как в сфере государственной политики, так и в частном секторе, для выработки политики снижения неопределенности и противодействия угрозам в экономике России» [52, с. 29].

Во многом такая ситуация обусловлена тем, что современная «социальная жизнь напоминает пестрый ковер, в котором переплелись экономические, политические, правовые отношения, явления внутренней и внешней политики, сознание, эмоции и чувства людей, события образования и культуры и многое другое» [53, с. 30]. Поэтому изучение этого пестрого жизненного мира личности и общества с узкодисциплинарных позиций (сугубо экономических, политических, правовых и проч.) способствует созданию очередных научных «империализмов» (экономических, политических, правовых и проч.), но не позволяет синтезировать комплексное, системное знание об обществе. Показательно, что против таких научных «империализмов» сегодня выступают даже ведущие представители этих узкодисциплинарных парадигм. К примеру, известный российский экономист, академик РАН

В. М. Полтерович пишет: «На мой взгляд, разнородные явления, не вполне правомочно объединяемые термином “экономический империализм”, демонстрируют целесообразность интеграции ряда общественных дисциплин в единую науку об обществе – *общий социальный анализ*» [54, с. 105].

По охвату различных гуманитарных и социальных наук в своем составе к общему социальному анализу приближается такое комплексное междисциплинарное направление, как *науковедение*. Проведению науковедами комплексного, системного изучения различных видов рисков, угроз, опасностей, вызовов, пределов, ущербов, дисбалансов, потерь и неопределенностей путем постановки предельных проблем различных отраслей знаний максимально способствуют следующие обстоятельства:

- 1) «разработка проблем науковедения требует усвоения и творческого использования знаний, добытых множеством самых различных наук» [55, с. 22];

- 2) в составе современного науковедения успешно развиваются десятки различных дисциплин (общее науковедение, философия науки, методология науки, логика науки, этика науки, экономика науки, социология науки, организация науки, психология науки, право науки, наукометрия, история науки и др.) [56, с. 14].

Известный российский философ науки А. И. Ракитов об интегративной роли современного науковедения сказал следующее: «Я включаю в состав науковедения знания, относящиеся к философии науки, экономике науки, социологии науки, психологии научного творчества, наукометрии, технометрии, а также исследования истории и общей динамики науки, технологий, техники, высшего профессионального образования и т. п. В качестве эквивалента “науковедения” иногда используют термин “метанаука”. Это позволяет рассматривать некоторые общие, даже метафизические проблемы, относящиеся к науке в целом, то есть без дисциплинарного членения» [57, с. 11].

Отнюдь не случайным является и тот факт, что именно российский науковед С. Г. Кара-Мурза, говоря о социальных функциях науки в условиях глобального кризиса, нарисовал тот образ отечественной науки, которая сумеет обезопасить от всевозможных рисков социально-экономическое развитие России: «Только сильная и структурно полная отечественная наука может служить тем механизмом, который “втягивает” в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и искаженное знание, утрачивают реальную независимость и вовлекаются главными мировыми державами и их блоками в их орбиту в качестве “материала”» [58, с. 57]. В составе такой структурно полной науки, как правило, представле-

ны два вида науки: «есть наука бытия – такой тип видения мира и постановки научных проблем, при котором внимание сосредоточивается на стабильных процессах и отношениях, и есть наука становления, когда главным объектом исследования становятся именно нестабильность, переходы порядок – хаос, перестройки систем, кризис старого и зарождение нового.

Оба типа научного знания и научной деятельности необходимы и дополняют друг друга. Однако в различные периоды существования общества приоритеты меняются, в совокупности ведущихся научных работ доминирует тот или иной подход. Сейчас Россия переживает такой этап, когда должны быстро создаваться и поддерживаться исследовательские группы, лаборатории и даже центры, ведущие НИОКР в духе науки становления. Между тем инерция мышления и власти и самой системы науки такова, что существующие лаборатории переключиться на иной тип критериев (и даже иной методологический подход – освоить философию нестабильности) не могут. Побуждать и стимулировать их должна была бы сознательная научная политика государства, но такой политики нет» [58, с. 59–60]. К сходным выводам приходят и другие российские исследователи: «Избежать попадания в стратегические ловушки возможно при долгосрочном расчете сценариев мировой политики. Система национальной безопасности России должна, в соответствии с заданной задачей, быть реорганизована в направлении усиления аналитической составляющей. Победить противника сегодня можно, лишь его “передумав”. Необходимо в этой связи включение ресурса передовой науки» [59, с. 352].

Что приятно отметить, движение российской науки в указанном направлении уже началось: «Самоорганизующаяся междисциплинарная структура современной науки ориентирована на разрешение реальных и потенциальных кризисных ситуаций, что может быть обеспечено только при одновременном учете ее философских, теоретико-познавательных, социальных и антропологических аспектов применительно к конкретным практически значимым проблемам. В этих условиях речь должна идти не о раз и навсегда выявленных закономерностях, а скорее о выявлении некоторых тенденций и принципов рассмотрения, не предполагающих результата заверченного вида» [60, с. 16–17], т. е. о расширении пределов научного познания путем постановки и решения предельных проблем в различных отраслях знаний.

Налицо – первые результаты такого движения отечественной науки:

1. «Одним из главных векторов развития науки и техники в последние десятилетия является не-

уклонное приближение к человеку, его потребностям, устремлениям и чаяниям. В результате происходит все более плотное “обволакивание” человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека. Наука и техника приближаются к человеку не только извне, но и в известном смысле изнутри, создавая не только для него, но и самого его» [61, с. 453].

2. «Беспощадно и зло отсекая потуги на всезнание, всевидение и всемогущество, наука вводит разум в жесткие рамки возможного, вероятного и достижимого. Это происходит в большом и малом. <...> Мир становится все более нетерпимым к восторгам и экстазам воинствующего невежества, и в этом, в растущей строгости мира “повинна” прежде всего наука. Проводя исследования, формулируя законы существования и направленного изменения окружающей нас действительности, наука задает человеческим действиям исходную определенность. И всякий нарушитель ее законов оказывается в незавидном положении человека, который пытается говорить без грамматики и считать без таблицы умножения» [62, с. 192].

3. «Люди науки строят свой особый мир, который для них не менее реален, чем тот мир, который их окружает. Именно из-за этого их считают странными, чудаковатыми и т. п., т. е. не похожими на других, хотя вопрос о том, какой мир более “реален” – мир квантов или генов, в котором живут они, или тот мир, в котором обитают, скажем, политики или бизнесмены, наверное, не имеет однозначного ответа. В конце концов, наш сегодняшний мир таков, каков он есть, – мы ездим на автомобилях, летаем на самолетах, пользуемся компьютерами – именно потому, что ученые живут в своем особом мире» [63, с. 328].

4. Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующим умозаключениям:

1) жизненный мир личности и общества постоянно усложняется, продуцируя все новые и новые виды рисков, вызовов и угроз;

2) адекватно ответить на эти риски, вызовы и угрозы может только структурно полная национальная наука путем своевременной постановки и решения предельных проблем в различных отраслях знаний;

3) методологическим базисом для рассмотрения предельных проблем различных отраслей знаний сегодня выступают такие междисциплинарные направления, как синергетика, системология, общий социальный анализ и науковедение.

Библиографические ссылки

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века : пер. с англ. М., 2004.
2. *Добров Г. М.* Капутология, или Прикладной системный анализ неудач // Добров Геннадій Михайлович (1929–1989) : збірник. 2-е вид. Київ, 2004. С. 81–127.
3. *Гринберг Р. С.* Кризис и пути его преодоления // Аналитические доклады победителей конкурса «Россия в условиях мирового кризиса». М., 2009. С. 70–94.
4. *Bush V.* Science and endless frontier. Washington, 1945.
5. *Печенкин А. А.* Введение // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. 2-е изд. М., 1996. С. 5–17.
6. *Данченко В.* На подступах к Локайята Йогe (эволюция сознания в документах: часть вторая) [Электронный ресурс]. URL: www.psylib.org.ua/books/danch01/107/index.htm (дата обращения: 06.02.2017).
7. *Смирнова Р. А.* Феноменологическая социология // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 340.
8. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию : пер. с нем. СПб., 2000.
9. *Титаренко Л. Г.* Жизненный мир // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 96.
10. *Шавель С. А.* Пути к тайнам бытия: становление научного направления (размышления над монографией Ж. Т. Тощенко «Социология жизни») // Социология. 2016. № 4. С. 123–130.
11. *Данилов А. Н.* Социология жизни // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 307–308.
12. *Докучаев И. И.* Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология // Вопр. культурологии. 2001. № 7. С. 4–9.
13. *Резник Ю. М.* Пути системной реорганизации и интеграции социального знания (очерки о судьбе отечественного обществознания). Очерк 3. Направления системной интеграции социальных наук // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 3. С. 53–85.
14. *Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности : пер. с англ. М. ; СПб., 2016.
15. *Хренов Н. А.* Культурология как «русская наука»: локализация или универсализация культурологического пространства? // Вопр. культурологии. 2012. № 5. С. 4–9.
16. *Кара-Мурза С. Г.* Кризисное обществоведение. Ч. 1 : Курс лекций. М., 2011.
17. *Азимов А.* Академия. Первая трилогия. Фантастические романы : пер. с англ. М., 2006.
18. *Хорган Дж.* Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки : пер. с англ. СПб., 2001.
19. *Юнг К. Г.* Современность и будущее. Минск, 1992.
20. *Демчук М. И., Юркевич А. Т.* Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития. Минск, 2003.
21. *Колесников А., Сиренко С.* Институциональные основы конструктивного взаимодействия науки, общества и государства в противодействии кризисным явлениям // Отношение общества и государства к науке в условиях современных экономических кризисов: тенденции, модели, поиск путей улучшения взаимодействия : материалы междунар. симп. (Киев, 2–5 июня 2013 г.). Киев, 2013. С. 335–339.
22. *Лэйси Х.* Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание : пер. с англ. М., 2001.
23. *Юдин Б. Г.* В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 361–383.
24. *Млодинов Л.* Прямоходящие мыслители. Путь человека от обитания на деревьях до постижения мироустройства : пер. с англ. М., 2016.
25. *Мясников А. Г.* Дугинцы! Стой! Ать-два! // Вестн. Росс. филос. общества. 2015. № 4. С. 122–125.
26. *Дегтярев А. П.* Пределы человеческого познания, или Почему течет время. Логика мира [Электронный ресурс]. URL: www.d21.chat.ru/предely.htm (дата обращения: 9.02.2017).
27. *Кроче Б.* Теория и история историографии : пер. с итальян. М., 1998.
28. *Новиков Н. В.* Предел социальный // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 402.
29. *Балог А.* Социология – мультипарадигмальная наука? // Социол. исслед. 2002. № 7. С. 22–31.
30. *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука : пер. с англ. М., 2015.
31. *Богушевич Д. Г.* Лингвистика перед новыми горизонтами // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Мозырь, 7 окт. 2011 г.). Мозырь, 2011. С. 12–13.
32. *Старостин Г.* Серьезное предисловие // К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским. М., 2016. С. 12–14.
33. *Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. 864 с.
34. *Яценко Н. Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.
35. *Смагулова Р. И.* Управление рисками. Павлодар, 2006.
36. *Касьянов А. А.* Словарь-справочник руководителя. Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни. Ростов-на-Дону, 2007.
37. *Шарков Ф. И.* Коммуникология : энцикл. слов.-справ. М., 2009.
38. *Исмаилов А. А.* Социология риска: принятие решений в условиях риска // Вестн. МГИМО. 2010. № 4. С. 277–285.
39. *Маркова В. Д., Кузнецова С. А.* Стратегический менеджмент: понятия, концепции, инструменты принятия решений : справ. пособие. Новосибирск, 2010.

40. Малинецкий Г. Г., Подлазов А. В., Кузнецов И. В. О национальной системе научного мониторинга // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики / под ред. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд. М., 2011. С. 133–165.
41. Тоффлер А. Футурошок : пер. с англ. СПб., 1997.
42. Куринов С. М. Риск-ориентированная стратегия инновационного развития организаций телекоммуникационной отрасли : дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05. М., 2016.
43. Стратегические риски России: оценка и прогноз / под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. М., 2005.
44. Мировая экономика : курс лекций / под ред. В. К. Матюшевской. 2-е изд. Минск, 2005.
45. Шелестова Д. А. Риски валютно-финансовых операций транснациональных компаний в условиях глобализации экономики // Философия соц. коммуникаций. 2016. № 1/2. С. 101–106.
46. Гринспен А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования : пер. с англ. М., 2015.
47. Желтонога Л. Всплытие откладывается // Директор. 2016. № 12. С. 16–17.
48. Колесникова Т. А. Антикризисное управление обществом риска. Синергетическая концепция. М., 2009.
49. Малинецкий Г. Г. Проектирование будущего и модернизация России // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики / под ред. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд. М., 2011. С. 271–300.
50. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1980. С. 29–54.
51. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев, 2003.
52. Сенчагов В., Побываев С., Соловьев А. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Эконом. стратегии. 2016. № 8. С. 24–31.
53. Исаков В. Б. Гулливер и лилипуты // Европейское измерение – 2015 : сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Н. Бабурина, З. А. Станкевича. М., 2015. С. 28–58.
54. Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // Обществ. науки и современность. 2011. № 2. С. 101–111.
55. Основы науковедения / под ред. С. Микулинского. М., 1985.
56. Щербин В. К. Главная форма научного самопознания // Наука и инновации. 2014. № 1. С. 12–15.
57. Ракитов А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2003. С. 6–30.
58. Кара-Мурза С. Г. Социальные функции науки в условиях кризиса // Соц.-гуманит. знания. 2003. № 4. С. 45–63.
59. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.
60. Киященко Л. П., Мирская Е. З. Введение. Этнос науки в эпоху перемен: философия, социология, этика // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 7–17.
61. Юдин Б. Г. Этическая составляющая в научном исследовании человека // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В. С. Арутюнова, Г. В. Лисичкина, Г. Г. Малинецкого. М., 2009. С. 452–465.
62. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992.
63. Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб., 2001.

References

1. Vallerstain I. [The end of the world as we know it: social science for the twenty-first century]. Moscow, 2004 (in Russ.).
2. Dobrov G. M. [Kaputology, or applied systemic analysis of failures]. *Dobrov Gennadij Myhajlovych* (1929–1989): collection. 2nd ed. Kiev, 2004. P. 81–127 (in Russ.).
3. Grinberg R. S. [Crisis and ways of its overcoming]. *Analiticheskie doklady pobeditelei konkursa «Rossiya v usloviyakh mirovogo krizisa»*. Moscow, 2009. P. 70–94 (in Russ.).
4. Bush V. *Science and endless frontier*. Washington, 1945.
5. Pechenkin A. A. [Introduction]. *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada*. 2nd ed. Moscow, 1996. P. 5–17 (in Russ.).
6. Danchenko V. [On the approaches to the Lokajata Yoga (evolution of consciousness in the documents: part II)]. URL: www.psylib.org.ua/books/danch01/107/index.htm (date of access: 06.02.2017) (in Russ.).
7. Smirnova R. A. [Phenomenologic sociology]. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Minsk, 2003. P. 340 (in Russ.).
8. Abel's Kh. [Interaction, identity, presentation. introduction to the interpretative sociology]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
9. Titarenko L. G. [Lifeworld]. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Minsk, 2003. P. 96 (in Russ.).
10. Shavel S. A. Ways to mysteries of being: formation of scientific direction (meditations over the monograph of Zh. T. Toshchenko «Sociology of Life». *Sociologiya*. 2016. No. 4. P. 123–130 (in Russ.).
11. Danilov A. N. [Sociology of Life]. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Minsk, 2003. P. 307–308 (in Russ.).
12. Dokuchaev I. I. [Transgression and reduction: ways of integration of social sciences, humanities and culturology]. *Vopr. kul'turologii*. 2001. No. 7. P. 4–9 (in Russ.).
13. Reznik Yu. M. [Ways of system reorganization and integration of social knowledge (essays on the fate of Russian social science). Essay 3. Branches of systemic integration of social sciences]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2000. Vol. II, issue 3. P. 53–85 (in Russ.).
14. Begel'sdeik Sh., Maseland R. [Culture in economics: history, methodological reflections and contemporary applications]. Moscow ; Saint Petersburg, 2016 (in Russ.).
15. Hrenov N. A. Culturology as the «Russian science»: localization or universalization of the culturological space? *Vopr. kul'turologii*. 2012. No. 5. P. 4–9 (in Russ.).

16. Kara-Murza S. G. [Crisis social science]. Moscow, 2011 (in Russ.).
17. Azimov A. [Foundation. First trilogy. Science fiction novels]. Moscow, 2006 (in Russ.).
18. Horgan J. [The end of science. Facing the limits of knowledge in the twilight of the Scientific Age]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
19. Yung K. G. [Modernity and future]. Minsk, 1992 (in Russ.).
20. Demchuk M. I., Yurkevich A. T. [Republic of Belarus: system principles of sustainable development]. Minsk, 2003 (in Russ.).
21. Kolesnikov A., Sirenko S. [Institutional basics of constructive interaction of science, society and state in opposing the crisis phenomenon]. *Otnoshenie obshchestva i gosudarstva k nauke v usloviyakh sovremennykh ekonomicheskikh krizisov: tendentsii, modeli, poisk putei uluchsheniya vzaimodeistviya* : materialy mezhdunar. simpoziuma (Kiev, 2–5 June, 2013). Kiev, 2013. P. 335–339 (in Russ.).
22. Leisi Kh. [Svobodna li nauka ot tsennostei? Is science value free? Values and scientific understanding]. Moscow, 2001 (in Russ.).
23. Yudin B. G. [In the focus of research – a man: ethical regulations of scientific cognition]. *Etnos nauki*. Moscow, 2008. P. 361–383 (in Russ.).
24. Mlodinov L. [The upright thinkers. The human journey from living in trees to understanding the cosmos]. Moscow, 2016 (in Russ.).
25. Myasnikov A. G. Duginers! Halt! One-Two! *Vestn. Ross. filos. obshchestva*. 2015. No. 4. P. 122–125 (in Russ.).
26. Degtyarev A. P. [Limits of man's cognition, or Why the time flows. The logic of the world]. URL: www.d21.chat.ru/predely.htm (date of access: 9.02.2017) (in Russ.).
27. Kroche B. Theory and history of historiography. Moscow, 1998 (in Russ.).
28. Novikov N. V. [Social limit]. *Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Moscow, 1998 (in Russ.).
29. Balog A. [Is sociology a multiparadigm science?]. *Sotsiologicheskie issled.* 2002. No. 7. P. 22–31 (in Russ.).
30. Lo Dzh. After method: mess in social science research. Moscow, 2015 (in Russ.).
31. Bogushevich D. G. [Linguistics before new horizons]. *Sovremennye inostrannye yazyki: problemy funktsionirovaniya i prepodavaniya* : materialy II Mezhdunarodnoi nauchn.-pract. conf. (Mozyr, 7 Okt., 2011). Mozyr, 2011. P. 12–13 (in Russ.).
32. Starostin G. [Serious preface]. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii s E. Ya. Satanovskim*. Moscow, 2016. P. 12–14 (in Russ.).
33. Epshtein M. [Space character: on the future of humanities]. Moscow, 2004 (in Russ.).
34. Yatsenko N. E. [Explanatory dictionary of social sciences terms]. Saint Petersburg, 1999 (in Russ.).
35. Smagulova R. I. [Risk management]. Pavlodar, 2006 (in Russ.).
36. Kas'yanov A. A. [Dictionary-reference book of the manager: the basic management concepts in the state, social-economic and political life]. Rostov-on-Don, 2007 (in Russ.).
37. Sharkov F. I. [Communicology]. Moscow, 2009 (in Russ.).
38. Ismailov A. A. [Sociology of risk: making decisions in the conditions of risk]. *Vestn. MGIMO*. 2010. No. 4. P. 277–285 (in Russ.).
39. Markova V. D., Kuznetsova S. A. [Strategic management: notions, concepts, instruments of making decisions]. Novosibirsk, 2010 (in Russ.).
40. Malinetskii G. G., Podlazov A. V., Kuznetsov I. V. [On the national system of scientific monitoring]. *Budushchee i nastoyashchee Rossii v zerkale sinergetiki*. 2nd ed. Moscow, 2011. P. 133–165 (in Russ.).
41. Toffler A. [Future shock]. Saint Petersburg, 1997 (in Russ.).
42. Kurinov S. M. [Risk-oriented strategy of innovative development of organizations of telecommunicational branch] : dissertatsiya kandidata ekon. nauk : 08.00.05. Moscow, 2016 (in Russ.).
43. Vorobiev Yu. L. (ed.) [Strategic risks of Russia: estimation and prognosis]. Moscow, 2005 (in Russ.).
44. Matyushevskaya V. K. (ed.) [World economics]. Minsk, 2005 (in Russ.).
45. Shelestova D. A. [Risks of monetary operations of multinational companies in globalized economy]. *Filos. sotsial'nykh kommunikatsii*. 2016. No. 1–2. P. 101–106 (in Russ.).
46. Grinspen A. [The map and the territory. Risk, human nature and the future of forecasting]. Moscow, 2015 (in Russ.).
47. Zheltonoga L. [Coming to the surface is putting off]. *Director*. 2016. No. 12. P. 16–17 (in Russ.).
48. Kolesnikova T. A. [The anti-crisis management of risk society: synergetic concept]. Moscow, 2009 (in Russ.).
49. Malinetskii G. G. [Planning of the future and the modernization of Russia]. *Budushchee i nastoyashchee Rossii v zerkale sinergetiki*. Moscow, 2011. P. 271–300 (in Russ.).
50. Sadovskii V. N. [A system approach and general theory of systems: status, main problems and perspectives of development]. *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy*. Moscow, 1980. P. 29–54 (in Russ.).
51. Surmin Yu. P. [Theory of systems and systemic analysis]. Kiev, 2003 (in Russ.).
52. Senchagov V., Pobyvaev S., Solov'ev A. [Estimation of global risk's influence as an instrument of russian economical strategy formation: indicative approach]. *Econ. Strateg.* 2016. No. 8. P. 24–31 (in Russ.).
53. Isakov V. B. [Gulliver and lilliputians]. *Evropeiskoe izmerenie 2015* : collection of scientific works. Moscow, 2015. P. 28–58 (in Russ.).
54. Polterovich V. M. [Formation of the general social analysis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2011. No. 2. P. 101–111 (in Russ.).
55. Mikulinskii S. (ed.) *Osnovy naukovedeniya*. Moscow, 1985 (in Russ.).
56. Shcherbin V. K. [The main form of the scientific self-knowledge]. *Nauka i innovatsii*. 2014. No. 1. P. 12–15 (in Russ.).
57. Rakitov A. I. [The new science of science – to a new science (from paradigm to sintagm)]. *Naukovedcheskie issledovaniya* : sci. proc. Moscow, 2003. P. 6–30 (in Russ.).

58. Kara-Murza S. G. [The Social Functions of Science in the Conditions of Crisis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2003. No. 4. P. 45–63 (in Russ.).
59. Yakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. [The new technologies of struggle against the russian state system]. monograph. Moscow, 2009 (in Russ.).
60. Kiyashchenko L. P., Mirskaya E. Z. [Introduction. Ethos of science in the age of changes: philosophy, sociology, ethics]. *Etos nauki*. Moscow, 2008. P. 7–17 (in Russ.).
61. Yudin B. G. [The ethical component in the scientific research of man]. *Nauka Rossii. Ot nastoyashchego k budushchemu*. Moscow, 2009. P. 452–465 (in Russ.).
62. Petrov M. K. [Self-consciousness and scientific creation]. Rostov-on-Don, 1992 (in Russ.).
63. Yurevich A. V. [Social psychology of science]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.

БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ

BIOGRAPHIES OF SCIENTISTS

**МНОГИЕ ЕГО ОЦЕНКИ, ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ
СЕГОДНЯ ЗВУЧАТ ПРОРОЧЕСКИ...**
(к 80-летию со дня рождения Ивана Ивановича Антоновича)

**HIS MANY ESTIMATES, CONCLUSIONS AND
FORECASTS SOUND TODAY PROPHETICALLY**
(to the 80th anniversary of Ivan Ivanovich Antonovich)

Дай бог всего, но лишь того,
за что потом не станет стыдно...

Е. А. Евтушенко

Известному советскому, российскому и белорусскому государственно-му и политическому деятелю, дипломату и ученому, нашему постоянному автору Ивану Ивановичу Антоновичу 3 апреля исполнилось 80 лет. От всей души поздравляем Вас, дорогой наш Иван Иванович, с юбилеем!

Судьба подарила ему необычайный жизненный взлет: простой де-

ревенский паренек из многодетной крестьянской семьи, живущей в маленькой деревушке Домаши на краю западно-белорусского Полесья, достиг международных государственно-политических и научных высот огромной державы – СССР, а затем России и Беларуси. И все это стало возможным благодаря огромному трудолюбию, таланту, целеустремленности Ивана Ивановича и, конечно, уникальности советской власти, которая открыла широкие возможности для образования, развития и продвижения детей из народа.

Судите сами. После окончания Несвижского педагогического училища им. Якуба Коласа (сегодня –

Несвижский государственный колледж им. Якуба Коласа) и Минского государственного института иностранных языков (сегодня – Минский государственный лингвистический университет) И. И. Антонович работал в научно-исследовательских учреждениях, государственных и партийных органах Советского Союза, России, Беларуси, Академии наук БССР, международных организациях. Трудился в отделе социального развития ООН в Нью-Йорке, был постоянным представителем БССР при ЮНЕСКО в Париже, занимал должности проректора Академии общественных наук при ЦК КПСС, члена Политбюро, секретаря ЦК КП РСФСР, министра иностранных дел Республики Беларусь. В течение ряда лет представлял Беларусь в Комиссии ООН по правам человека, являлся членом Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

...Современный мир полон конфликтов и тревог. Время, в которое мы жили и живем сейчас, просто соткано из противоречий. Мы привыкли концентрироваться на бесконечных проблемах, недостатках, личных просчетах или человеческих слабостях, подчас возводя их в некий культ. Особенно часто подобное случается, когда человек уходит со всех постов, а у его «заклятых друзей» просто руки чешутся покопаться в грязном белье и поделиться своими «находками» с общественностью.

Чаще – в анонимном варианте. Иван Иванович никогда даже в мыслях не пытался скрыть хоть что-то о себе, не прятался за чужие спины, не скрывался за всякого рода псевдонимами, всегда говорил что думал, был выше всяких недомолвок, открыто и честно выполнял свои служебные обязанности. За что частенько получал от старших товарищей и рукотворной советской элиты. Такой у него характер: не может он держать камень за пазухой, чтобы при удобном случае ударить в спину и скрыто радоваться чужому горю. Бывал Иван Иванович задиристым и за словом никогда в карман не лез...

В какой бы сфере ни работал И. И. Антонович, он всегда был замечен, выделялся яркостью, образованностью и начитанностью, красноречием и аналитическим складом ума. Можно только удивляться тому, как свободно Иван Иванович ведет самые трудные переговоры, как с академической кафедры покоряет самую амбициозную аудиторию, как виртуозно парирует любые нападки в дискуссии с оппонентами самого высокого уровня, как профессионально и даже артистично общается с творцами. При этом как-то естественно, по-белорусски скромно, даже немножко смущаясь, демонстрирует высочайший профессионализм и интеллигентность, легко переходя с английского на немецкий, французский, другие европейские языки. Безграничной эрудицией он блистает по сей день, поражая собеседников глубокими познаниями мировой экономики и культуры, философии и социологии, литературы и искусства. Есть некий символизм в том, что два суверенных государства – Беларусь и Россия – отметили его вклад, наряду с другими государственными наградами, высоким званием заслуженного деятеля науки Беларуси (1997) и заслуженного деятеля науки России (2016).

При всех своих взлетах, а иногда и падениях (больше в силу смены режимов и эпох) Иван Иванович всегда остается достойным человеком, со своими трудностями и житейскими заботами, переживаниями, принципами, своим пониманием добра и зла. Заметим, при этом он всегда был и остается высоковостребованным специалистом... И. И. Антонович всегда много работал. И сегодня, несмотря на годы, выдерживает максимально быстрый жизненный ритм, находится в хорошей профессиональной форме. Ведь понимает, что в жизни ему никогда и ничто просто так с неба не падало и всего приходилось добиваться исключительно трудом... Он очень хотел, чтобы окружающие – друзья, коллеги, товарищи – его понимали. Понимали, что за все свои успехи и неудачи он заплатил сполна, где-то своим здоровьем, репутационными издержками, межличностными отношениями. И по-христиански давно простил всех незадачли-

вых завистников, будучи выше их мелких уколов. Самое главное, что семья для Ивана Ивановича – прочная опора и надежный тыл.

И. И. Антонович собран и хорошо организован, всегда в курсе всего нового: даже самые высокие должности и любая занятость не мешают ему ежедневно просматривать ведущую мировую периодику, знакомиться с новой научной и политической литературой. Обычно будни до девяти утра, а также суббота и воскресенье были его личным временем, и он не отдавал его никому. Может, поэтому он так много успевает сделать. Это высокообразованный человек, которого отличают начитанность, искренняя любовь к книге, умение общаться с любой аудиторией, талант пламенного трибуна.

Безусловно, Иван Иванович не был обделен вниманием, считался любимчиком П. М. Машерова, переживал триумфальные взлеты, но и на себе испытал зависть «друзей» и коллег, интриги «двора». Умел заставить считаться со своим мнением, мог быть непреклонным, иногда даже несправедливым, вспыльчивым. Как личную трагедию воспринял предательство КПСС и развал СССР. Но по натуре он оптимист, никогда не терял присутствия духа, поэтому нашел себя и в постсоветском мире.

В свое время он был самым молодым партийным работником, занимающим высокие посты, стал дипломатом, доктором философских наук. Написал много интересных научных работ, среди них книги, получившие статус хрестоматийных. Имеет серьезные заслуги в области философии и социологии: активно участвовал в возрождении социологии в Советском Союзе, одним из первых ввел в научный оборот имена классиков мировой социологической науки. Исследует проблемы социальной истории капитализма, становления цивилизации модернизма и постмодернизма, геополитические процессы, формирующие мир XXI в. Считает, что лучшая работа еще впереди и она будет связана с историей родной Беларуси. В настоящее время живет и работает в Москве, занимается научно-исследовательской и педагогической деятельностью. Как и прежде, работает много.

Его сформировала советская система, которая объявляла и искренне хотела сделать всех людей счастливыми, и он никогда не позволил себе усомниться в этом стремлении. Он хочет прожить жизнь честно и в большей части своих поступков руководствуется добрыми намерениями. И ему это удастся. Многие его оценки, выводы и прогнозы как политического аналитика сегодня звучат пророчески...

Здоровья Вам, дорогой Иван Иванович, и новых творческих свершений!

А. Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

СТОЛЕТИЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. (статья первая)

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Посвящена 100-летию юбилею русских революций 1917 г. Проанализированы социально-исторические условия их возникновения, всемирное значение, причины успехов и неудач. Доказывается социально-преобразующая сила русских революций. Сделан вывод о том, что их общественно-преобразовательный потенциал далеко не исчерпан и может неожиданно направить всемирно-историческое развитие XXI в.

Ключевые слова: революция; власть; социализм; перестройка.

ONE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 (first article)

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitution of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences,
Fotievoi street, 6, building 1, 119333, Russia

The article is dedicated to the 100th anniversary of the Russian revolutions of 1917. It analyses social and historic conditions of their eruption, the world impact. Also the reasons for their success and failure are paid attention to. The social transforming force of these revolutions is demonstrated. The author comes to the conclusion that their social transforming force is not yet exhausted and can unexpectedly influence the world development of the XXI century.

Key words: revolution; power; socialism; perestroika.

Последним пышным праздником страны победившего социализма было 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Автор этой статьи первый раз в жизни присутствовал на таком выдающемся событии. В августе 1987 г. он был назначен проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС по научной работе и в этом качестве получил пригласительный билет на гостевые трибуны у Мавзолея Ленина. Стоял 17-градусный мороз, однако мероприятие проводилось организованно, четко, торжественно.

И все же были отличия от прежних торжеств. Из почетных гостей на трибуне мавзолея выделялся Ф. Кастро: подтянутый, в легкой шинельке, несмотря

на мороз. Отсутствовали Н. Чаушеску, В. Ярузельский. Гостевая трибуна наполнилась слухами о скандале, произошедшем накануне в Политбюро ЦК КПСС. Б. Н. Ельцин – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь Московского горкома партии, самой крупной и влиятельной партийной организации в стране, – подверг критике ход перестройки, увлечение генсека зарубежными поездками, а также упрекнул жену генсека в том, что она вмешивается в государственные дела мужа.

Реакция генсека была предельно эмоциональной. По свидетельству очевидцев, он просто «визжал от ярости». Понятно, что все члены Политбюро ЦК КПСС накинулись на Б. Н. Ельцина с упреками

Образец цитирования:

Антонович И. И. Столетие русских революций 1917 г. (статья первая) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 38–47.

For citation:

Antonovich I. I. One hundredth anniversary of the Russian revolutions of 1917 (first article). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 38–47 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

в необъективности. Несколькими днями позже состоялся Пленум Московского горкома КПСС, где политика подвергли острейшей критике, похожей на шельмование, и сняли с должности первого секретаря Московского горкома КПСС. Руководил этим «концертом» негибимый Е. К. Лихачёв.

Однако неожиданно сработала гласность. Зарплата Сибирь, недовольная таким обращением с земляком. Обеспокоенное руководство предложило Б. Н. Ельцину должность первого заместителя председателя Госстроя в ранге министра. Это дало ему возможность остаться в верхушке номенклатуры и планировать стратегию противостояния. Остальное известно: четыре года спустя СССР перестал существовать.

Реальный социализм в СССР оказался неспособным выполнить свою главную историческую задачу, а именно все более полное удовлетворение постоянно растущих потребностей народа. Его производственно-экономические механизмы не смогли обеспечить производство жизненных благ, достаточных для поддержания уровня жизни по образцу ведущих капиталистических стран, экономические системы которых развили возможность производства жизненных благ в избыточных масштабах.

Однако социалистическая идея не ушла из истории. Сегодня ее реализуют страны, насчитывающие до 1,5 млрд населения мира. В Китае и Вьетнаме в рамках общественно-политической системы социализма, основанной на принципах социальной справедливости, осуществляются уникальные конвергенции производственно-экономических возможностей частного предпринимательства, способные обеспечить производство жизненных благ в избыточных объемах.

Современные государства, предпринимая попытки строительства общества на принципах социализма, активно используют исторический опыт (как положительный, так и отрицательный) СССР. Именно поэтому в год 100-летнего юбилея Великой Октябрьской революции в России так важно вернуться к истокам реального социализма, условиям его возникновения и развития. Это дает возможность лучше понять социалистическую перспективу современной истории. Февральская революция 1917 г. была своеобразным прологом. Именно поэтому две великие русские революции – в феврале и октябре 1917 г. – открыли новую цивилизационную эпоху. Ход исторических событий вплоть до настоящего времени носит отпечаток русских грандиозных политических сдвигов начала XX в.

Все началось в России военным поражением в Русско-японской войне, последовавшими за ним стихийными крестьянскими бунтами, студенческими выступлениями в городах, рабочими забастов-

ками, вылившимися в революцию 1905 г. Несмотря на жестокое подавление властями революционных событий 1905 г., они внесли мощный, долгосрочный, радикальный динамизм в российское общество. От воздействия его социум не оправился и поныне. «Россия открыла новое столетие революцией 1905–1907 гг., – писал Теодор Шанин. – Для остального мира новое столетие началось русской революцией. Для России поражение в революции 1905–1907 гг. стало драматическим началом эпохи, в которой сама природа российского общества подверглась испытаниям и изменилась в степени, в которой она прежде не менялась» [1, с. 25].

В свое время В. И. Ленин видел в революции 1905–1907 гг. генеральную репетицию Великой Октябрьской революции. Мы явились свидетелями того, как Великая Октябрьская революция победила в отдельно взятой, хотя и не самой могущественной стране европейского мира и этим превратила революционный процесс в фактор преобразования мировых процессов на всем протяжении XX в.

Выдающиеся государственные деятели императорской России этой эпохи, такие как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, не смогли решить большие вопросы российского общества. Они лишь приостановили революционные процессы, да и то больше применением грубой полицейской силы, чем умным и дальновидным государственным правлением. Их роль сегодня сильно преувеличена. Многие полагают, что реформа П. Столыпина могла остановить движение России к бездне, которая была очевидна для лучших умов страны. Однако она была принята с недоверием и настороженностью не только правящими кругами страны, но и крестьянской массой, в интересах которой эта реформа и осуществлялась.

Описывая столыпинские реформы, американский историк русских революций К. С. Уотсон с удивлением пишет: «Казалось, П. Столыпин не способен понять смысл собственных поступков или почему все вчерашние его союзники ополчились против него. Для него, как и для многих выдающихся русских деятелей того времени, понятие закона и конституционной процедуры были бессмысленными. Если он был убежден, что его планы могут служить на пользу русскому народу, ничто не могло его остановить¹» [2, р. 633]. Следует отметить, что П. Столыпин, думая так, действовал в русле социально-экономической традиции России конца XIX – начала XX в., которая состояла в том, чтобы копировать модель наиболее развитых европейских стран и пересаживать ее на российскую почву.

Это была модель догоняющего развития. Только, как мы видим, П. Столыпин ошибался, предполагая, что его ничто не может остановить. Помехой на пути стала консервативная помещичья Россия,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Россия сельской общины, не желавшая никаких перемен. Косвенно этому способствовал и сам Николай II, не понимавший, сколь важны для России земельные реформы, не знавший, как их реализовать, не желавший обидеть при этом социально-паразитический класс – дворянство, – проматывающий фамильные состояния, накопленные веками, уступающий за бесценок земельные угодья хищным спекулянтам, арендаторам, не желая делиться ими со своим мужиком, который в эти столетия помогал императору копить богатства и обеспечивать свое собственное скудное существование.

В исторических исследованиях очень много внимания уделено первым шагам на российско-политическом олимпе Григория Распутина, приставленного царской семье в качестве спасителя больного гемофилией наследника. Он имел репутацию старца-проповедника еще с 1905 г., активную роль в придворных кругах начал играть с 1912 г. У нас и за рубежом о нем написано столько, что отличить правду от лжи уже практически невозможно. Очевидна необходимость специального исследования, фактологического анализа документов, критической оценки мемуаров. Только стоит ли это делать? Во всех странах есть свои позорные списки чревоушителей, шарлатанов, лизоблюдов, пытавшихся влиять на поведение, поступки и решения августейших особ и зашедших в этих усилиях весьма далеко. Однако сегодня их действия становятся сюжетами бесчисленных детективных романов и приключенческих фильмов.

Распутин появляется на российской политической арене вслед за смертью П. Столыпина. По нашему мнению, это свидетельствует не столько о каких-либо исключительных качествах его личности, сколько о радикальном изменении социально-политической природы монархии и ее нравственной деградации. В ее среде, особенно в царском семействе, свершался трагический поворот от несовершенного, противоречивого, но тем не менее рационального подхода к делам и судьбам страны к иррациональному, глубоко мистическому толкованию происходящего, далекому от сложной реальности и тем более от народных ожиданий и надежд.

Конечно, мерзопакостный старец удачно втерся в доверие. Однако суть поворота надо искать, конечно, не в нем, а в личностях императора и императрицы. Вспомним, что речь идет об абсолютной монархии: государь воспринимался темным народом как наместник Бога на Земле. Он сам уверовал в свое высшее предназначение, в то, что все его помыслы и действия продиктованы волей Божьей и что иных забот, кроме попечительства о благе православного народа, у него нет. Однако острая критика царского режима, растущая ненависть к императору в кругах российской демократической интеллигенции были распространены главным образом в Петербурге и Москве.

Народ не читал либеральных газет. Он был глух к романтическим порывам народовольцев. Он знал царя-батюшку и ожидал от него спасения. Когда люди разочаровались в своих надеждах, ярость вылилась в сокрушительную ненависть обманутых, которая испугала не только царское окружение и аристократическую Россию, но и само революционное демократическое движение, радикальную интеллигенцию, которая до этого подогрела народный гнев, направляя его против царя. В итоге она сама в панике бежала от стихийной разрушительной силы народного гнева. И только большевики с переменным успехом пытались направить этот всеобщий русский бунт в русло строительства нового общества.

В периоды смутных революционных перемен Россия вырабатывает космическую энергию, превосходящую способность людей управлять ею. Пока эта энергия не истощит себя в ярости взаимного уничтожения, разрушения и вихрах перемен, Россия не успокаивается и не возвращается к стабильному, упорядоченному существованию. Здесь важно одно: рано или поздно она возвращается к своим устоям и поражает мир обилием творческой энергии, смелых инициатив, рождением новых, ранее не виданных исторических перспектив. В этом, как и во всех земных делах людей, много несовершенного, наивного, романтического.

Россия, направляя обновленную энергию в мир, всегда руководствуется доброй надеждой на улучшение жизни людей. Она не стремилась и не стремится к покорению других народов и стран. Относительно личности императора Николая II О. Платонов пишет: «Кроме твердой воли и блестящего образования, Николай II обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности. Прежде всего огромная трудоспособность. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы (кстати говоря, охотно он занимался и физическим трудом: пилил дрова, убирал снег и т. д.). Обладая живым умом и широким кругозором, император быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Император имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей было много» [3, с. 169].

В чувстве ответственности и гражданском мужестве императору, конечно, не откажешь. В ходе Первой мировой войны, когда события развивались далеко не в пользу России, у него хватило мужества и пронизательности взять на себя, будучи в чине полковника, руководство стратегическими операциями армии, решать огромный объем задач, бесчисленные проблемы снабжения, налаживания коммуникаций и транспорта. Надо сказать, его упорные труды начали все-таки приносить

определенный результат: к концу 1916 г. положение на фронтах улучшилось и заложило основу более успешных действий, но эти успехи были сметены грозными событиями 1917 г.

Николай II многое сумел увидеть в современной России, которую он любил беззаветно. В том, что он не понимал истинного положения вещей, была не только его вина. Сыграл свою роль трагизм судьбы, вручившей ему в качестве супруги, которую он нежно любил, особу, нервно взвинченную, подверженную приступам ипохондрии, так и не сумевшую понять и полюбить Россию, отягченную страданиями, которые были вызваны неизлечимой болезнью долгожданного сына-наследника, паническим страхом за его жизнь, склонностью к иррационально-мистическому поиску спасения.

Дневники царя свидетельствуют об активном сопротивлении, которое он оказывал вмешательству императрицы в дела государственного управления. Есть основания полагать, что даже отъезд царя из Петрограда в ставку в период войны представлял собой своеобразное бегство от интриг двора и давления Александры Федоровны. Но все же в конце концов он уступал императрице. Было это результатом слабости, любви или беспокойства за судьбу наследника, сегодня с достоверностью уже установить не удастся. Неврастеничная натура императрицы, ее властолюбие, ограниченность и суеверность в сочетании с огромной упорной маниакальной волей выбивали царя из равновесия и оказали крайне негативное влияние на ход российской истории. Подданные императора вправе были осуждать его за это. Однако надо отметить, что свой терновый венец, каковым, по сути, было насильственное отстранение его от власти, царь принял с достоинством и искупил многие из грехов мученической смертью своей горячо любимой семьи. Поэтому наряду с осуждением современников царь заслуживает более объективного и милосердного понимания со стороны потомков.

Царское правительство много сделало для модернизации общественного производства страны в конце XIX – начале XX в. Однако для проведения крупномасштабных проектов индустриализации, как всегда, не хватало средств. И как всегда, их можно было получить лишь у западных стран. А Запад как в начале, так и в конце XX в. не прочь был интегрировать Россию в свою систему отношений, но опять же, за счет подчинения ее своим целям. Займы, особенно французские, послужили важнейшим инструментом втягивания России в Первую мировую войну на невыгодных для нее условиях и вопреки ее интересам.

В начале царствования Николая II иностранцы контролировали до трети всего русского капитала. К концу 1914 г. в их руках находилось уже до 60–70 %, а к 1917 г. – 90–95 % российских финансовых и индустриальных активов. За десять лет

(1909–1918) по процентам и займам было выплачено 1,7 млрд руб., а получено в виде займов около 1 млрд руб. Финансовая кабала императорской России и структурно, и политически весьма похожа на финансовую кабалу Российской Федерации в лихие 1990-е гг.

В России иностранные банки владели 67 % активов, в нефтяной промышленности – около 80 %. При сумме расходов России более 2 млрд руб. в 1906 г. ее государственный долг составил около 8 млрд руб. Финансово-экономическая зависимость империи от западных стран была использована Францией и Англией для втягивания России в войну. До последнего момента каждая из сторон – и Антанта, и «державы оси» – боролись за вступление России на их стороне.

Николай II достаточно успешно маневрировал до тех пор, пока провокационное убийство эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда в Сараево не изменило ход событий, поставив их за пределы контроля отдельными монархами. Николай II оказывал колоссальное давление на Австрию, призывая ее отозвать ультиматум Сербии. Когда стало известно, что российское правительство готово было идти на уступки в сербском конфликте и принять посредничество нейтральных держав, император Вильгельм объявил в Германии военное положение. Одновременно граф Портале передал в Петербург ультимативное требование Берлина демобилизовать российские войска в течение двенадцати часов. Естественно, Россия отказалась. Тогда во время визита к министру иностранных дел графу С. Д. Сазонову посол Германии в России Портале вручил ему дрожащими руками ноту с объявлением войны.

Таким образом, война была неизбежна в любом из вариантов развития событий в связи с конфликтом в Сербии. Сегодня очень важно подчеркнуть, что не Россия, а Германия инициировала мировую бойню. Через два дня после объявления войны, 21 июля 1914 г., Германия объявила войну Франции. Желая молниеносно разгромить Францию (как видим, в Берлине блицкриг – традиция, так же как и его бесславный исход), император Вильгельм вторгся в Бельгию. Но вопреки ожиданиям она оказала отчаянное сопротивление и задержала вторжение во Францию недели на две. В это время Англия объявила войну Германии за нарушение бельгийского нейтралитета. За Англией в войну на стороне Антанты вступила и Япония. Таким образом, как отмечает русский исследователь В. И. Большаков, неожиданно на нашей стороне сложилась могущественная коалиция [4, с. 175–177].

Россия знала, что вступает на тернистый путь. Тем не менее эйфория была всеобщей. Государственная дума и Государственный совет на совместном заседании 26 июля (8 августа) утвердили военные ассигнования, и только маленькая по тем временам большевистская фракция выступила с антивоенной

декларацией. Верноподданические настроения, патриотический подъем, манифестации в честь императора, восторженное состояние и ожидание скорой победы охватили российское общество.

Россия не искала для себя особых выгод в этой войне. Правда, союзники в случае благоприятного исхода пообещали ей Константинополь и свободный проход через Босфор и Дарданеллы. Однако соглашения, заключенные по этим вопросам, были нарочито туманны. Союзники предпочитали не вспоминать о них в ходе войны, а документы, обнаруженные позже, свидетельствуют о том, что они и не собирались выполнять свое обещание.

Поначалу военные действия складывались для России достаточно благоприятно на всех фронтах. Однако западные союзники, как всегда, стали форсировать российское участие, требуя увеличить поставку больших военных контингентов, чем это позволяли военно-стратегические возможности русской армии. Союзники с самого начала не скрывали, что в ходе военных действий они рассчитывали распределить нагрузку таким образом, чтобы в основном она легла на плечи русских солдат. Во время манифестации по поводу начала войны в Париже француженки, встречая русских дипломатов на улицах, дарили им цветы, матери указывали на них своим детям и говорили: «Вот люди, которые защитят нас от немцев». В своих мемуарах генерал императорской армии граф А. С. Игнатъев говорит о том, что у русского командования было достаточно предубежденности против французов, малоспособных к военным действиям против Германии [5, с. 85–89].

Это обнаружилось еще во Франко-прусской войне 1870 г. Французы готовы были быстро выйти из войны, стоило Германии подкинуть какие-нибудь обещания в виде территориальных и других уступок.

Неудачное наступление французов в Эльзасе и Лотарингии вызвало тревогу союзников. Они потребовали немедленной помощи, и русское командование предприняло ускоренное и плохо подготовленное наступление против хорошо укрепленного района Восточной Пруссии. Немцы заманили армию генерала А. В. Самсонова в ловушку. В итоге армия была разгромлена, командующий покончил с собой. Десятки тысяч русских солдат были взяты в плен. Таким образом, Париж был спасен ценой тысяч и тысяч русских жизней. Русская армия начала тяжелое отступление. Эти поражения и последующие отступления вызвали панику при дворе, сопровождалась ростом коррупции в правительстве и среди окружения царя. Коррупция, конечно, существовала и раньше, но стала проявляться все более нагло благодаря безнаказанности. Внимание и интересы царя были заняты сейчас войной.

Императрица все более активно стала вмешиваться в управление делами государства, рвалась

исполнять советы «святого старца» и оказывать влияние на исход военных операций. Были уволены преданные государю государственные деятели: министр внутренних дел П. А. Маклаков, обер-прокурор Синода В. К. Саблер, министр юстиции И. Г. Щегловитов и др. Русская общественность заговорила об измене и продажности, в первую очередь самой императрицы. К сожалению, несчастная женщина не понимала своего положения. Она все больше и больше оказывалась в руках хищных интриганов, становилась жертвой спекулянтов, наживающихся на слабости русской армии, поставляющих на фронт негодное обмундирование и получающих от правительства огромные кредиты, займы, заказы на производство оружия. Свидетели той эпохи говорят, что «двор и русское Правительство стали ужасным змеиным царством, где правила интрига, продажность и измена» [6, с. 24–29].

В народе поднимался ропот. Сельское хозяйство было ослаблено мобилизацией всех здоровых мужчин. Поля оставались незасеянными. Доставка продовольствия, особенно в Петроград, сократилась. Крестьяне стали творить самосуд над помещиками, захватывая их усадьбы, разоряя дворянские гнезда, совершая черный передел. В городах, особенно в Петрограде, начались голодные бунты. Полицейские управления столицы и на местах были завалены письмами-просьбами от помещиков призвать казаков защитить свои земли. Понятно, что казаков на защиту дворянских земель не хватало. Они все доблестно сражались на фронте.

Находясь в ставке, царь получал информацию о нарастании революционного подъема, но делал из этого неверные выводы о том, что семя всего зла в самом Петербурге, а не во всей России. Еще меньше представляли себе ситуацию в Зимнем дворце сановники царя. В отсутствие царя императрица фактически руководила Советом министров и использовала эту свободу действий только для смены членов кабинета. Оторопь берет, когда читаешь, с каким маниакальным упорством в своих письмах в ставку царю она требовала сменить одного министра на другого. Главный аргумент: «...так считает наш друг и так будет нам лучше».

Император отчаянно сопротивлялся. Об этом свидетельствуют его письма. Иногда отмалчивался, а иногда тактично уходил от прямых ответов, и здесь опять можно удивляться сдержанности и особой щепетильности царя. В личном дневнике он избегает говорить о делах, но в тех особых случаях, когда ввиду важности события он не может умолчать, его реакция представляется вполне адекватной. Этого, разумеется, не скажешь об Александре Федоровне. За три месяца до решающих событий – Февральской революции 1917 г. – она пишет: «Еще немного терпения и глубочайшей веры в молитвы и в помощь нашего друга, и все пойдет хорошо. Я глубоко убеждена, что близятся

прекрасные и великие дни твоего царствования и существования России. Только сохрани бодрость духа, не поддавайся влиянию сплетен и писем, проходи мимо них, как мимо чего-то нечистого, о чем лучше забыть. Скажи всем, что ты – властелин, и твоя воля будет исполнена, ибо миновало время снисходительности и мягкости. Теперь наступает твое царство воли и мощи. Они будут принуждены склониться перед тобой и слушаться твоих приказов и работать так, как и с кем ты назначишь. Их следует научить повинению. <...> Почему меня ненавидят? Потому, что им известно, что у меня сильная воля и что когда я убеждена в правоте чего-нибудь и если меня благословил Р., то я не меняю мнения, и это невыносимо для них. <...> Мы не можем позволять, чтобы нас топтали. Твердость прежде всего» [7, с. 642]. Какая мощная филиппика! А дальше конкретные советы, как поступать Николаю II. В каждом случае – требование снять одного и назначить другого, наказать, указать и т. д.

Тон не изменился вплоть до последних дней, когда грянул гром и разбушевавшаяся народная стихия стала заливать кипящей лавой негодования, злости, бунта, разрушения сначала Петроград и Москву, а затем и всю Россию. Царскую семью постигло возмездие. Императорский поезд скорбной тенью носился от одного полустанка к другому, надеясь прорваться в революционный Петроград. Однако на его пути стало все: и сопротивление железнодорожников, не дающих императорскому поезду свободного прохода, и приказ военных охранять и послать в Петроград свежие части для подавления народных волнений, и, главное, измена, о которой сокрушался царь в последней своей записи в дневнике, еще будучи самодержцем российским. Все покинули его: и Верховное командование Российской армии, и руководство железной дороги, и Сенат, и Совет министров, и Государственная дума. Все бросились на улицы, а некоторые стали искать и теплые местечки у новой власти. Как это все напоминает крушение Советского Союза, когда члены Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем пытались занять новые вакансии. И многим это удалось. Они удержались на плаву, а позже всплыли в виде президентов в автономных республиках, губернаторов-экспроприаторов, олигархов, думцев и т. д. Наконец, самое плохое, самое не-престижное для них – пожизненное членство в Совете Федерации.

Иван Ильин писал: «Крушение монархии было крушением самой России; отпала тысячелетняя государственная форма, но отвалилась не “Российская республика”, как о том мечтала полуреволюционная интеллигенция левых партий, а развернулось российское бесчестие, предсказанное Ф. М. Достоевским, и оскудение духа. <...> В 1917 г. русский народ впал в состояние черни, а история челове-

чества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами» [8, с. 87]. События февраля и марта вошли в историю под названием «буржуазная революция».

Специфичный характер и противоречивость этой революции в немалой степени состоят и в том, что русская буржуазия вплоть до революции 1917 г. и позже, после развала СССР в 1991 г., не получила у нас политической власти. Ее мужание в условиях XX в. происходило не в условиях буржуазного пути развития, а в условиях полуфеодального социально-экономического режима, во главе которого стоял абсолютный монарх. Что же касается духовного влияния и авторитета буржуазии в области мировоззрения, искусства, науки, нравственности, то таким авторитетом буржуазия в России не обладала никогда. Именно поэтому люди, пришедшие к власти в России в итоге этой революции, несмотря на их происхождение – и из помещичье-дворянских кругов, и со среды разночинной интеллигенции, фактически были мечтателями, романтиками, одухотворенными абстрактно-гуманистическими идеалами, малоприспособленными к их распространению и тем более реализации во взбаламученной российской социальной среде.

В 1917 г. термины «революция» и «контрреволюция» в России не обозначили противодействующих сил. А. Ф. Керенский называл контрреволюционерами генерала Л. Г. Корнилова, а Л. Д. Троцкий и В. И. Ленин – А. Ф. Керенского. При этом эти слова применялись именно тогда, когда требовалось сказать, что тот или иной лидер является противником другого лидера на данный момент.

Характерно, что, несмотря на всю неопределенность социально-политических взглядов и позиций Временного правительства, вся чиновничья масса Петрограда и Москвы, весь чиновный мир императорской России поспешил с выражением лояльности новому правительству и новой власти достаточно темно и неосознанно, но все-таки надеясь, что теперь придет избавление от страха за судьбу страны и в не меньшей степени за свое собственное благополучие и что сейчас «все само собой уладится». В этом эйфорическом состоянии надежд на авось Временное правительство теряло целые недели, которые по исторической насыщенности событиями и процессами в нормальных условиях стоили десятилетий.

Исследователь событий Февральской революции 1917 г., белогвардейский генерал Н. Н. Головин, читавший курс лекций по русским революциям в эмиграции в Париже для французских офицеров, писал, что мартовские события представляют собой лишь удавшийся солдатский мятеж, а не революцию в полном смысле слова (называемую по старому стилю февральской), это лишь ее первоначальный этап. Подавляющая часть народных масс в первом мятеже не участвовала. Быстротечность

и масштаб мятежа объясняются отнюдь не его силой, а только чрезвычайной слабостью сопротивления [9, с. 92–94].

Эта оценка верна лишь отчасти. Февральская революция действительно была начата мятежом, бунтом, но не солдат петроградского гарнизона, а гражданами российской столицы, требующих хлеба. Уже потом к ним присоединились солдаты. Затем последовало известие об отречении от престола Николая II и последующее за ним отречение великого князя Михаила Александровича, брата государя. Михаил Александрович оставил решение вопроса престолонаследия до Учредительного собрания. Романовы струсили. Они хотели посмотреть, как будут развиваться события, но все еще надеялись на то, что монархия будет сохранена, если консерваторы, помещики, дворяне и буржуазия получат большинство мест в Учредительном собрании.

Надежда была напрасной, и это свидетельствует только о том, что Романовы потеряли представление о реальной ситуации в России. Может быть, никогда толком его и не имели. Ни в последующих событиях, ни даже в белогвардейских армиях периода гражданской войны не было ни одной сколько-нибудь значимой личности, требовавшей реставрации монархии. Более того, к восставшим петроградским голодным массам и солдатам присоединилась власть – Государственная дума, которой присягали на верность все новые и новые полки в течение длительного времени после февральских событий, буржуазия, а также многие представители чиновничества.

Временное правительство, родившееся в условиях революционной эйфории, уже в первой своей декларации обещало:

1) полную и немедленную амнистию по всем делам – политическим, религиозным, в том числе участникам террористических покушений, военных восстаний и осужденным за гражданские преступления;

2) свободу слова, вероисповедания, печати, собраний, союзов, стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями;

3) отмену всех сословных и национальных ограничений;

4) немедленную подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию;

5) замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления;

6) выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего равного и тайного голосования;

7) неразоружение и невыезд из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении;

8) при сохранении воинской дисциплины в строю и несении воинской службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными отдельным гражданам [10, с. 163–171; 11].

Последние, 7-й и 8-й пункты, означали, что части, оставшиеся в Петербурге и не желавшие идти на фронт, превратились в наиболее реакционную часть населения, ибо, страдая от безделья, прибегали к грабёжам, насилию.

Интеллектуальный потенциал первой декларации, являвшийся своеобразной идейно-политической платформой Временного правительства, был не столь уж оригинальным. Что касается гражданских свобод, перечисленных в декларации, то они уже были ранее дарованы императором Николаем II в Октябрьском манифесте 1905 г. Целый ряд пунктов, отражавших специфику условий, в которых совершалась революция, были, как подтвердил дальнейший ход событий, опасны для самого дела революции. Объявив полную и немедленную амнистию всем, Временное правительство выпустило на улицы Петрограда массу уголовников («керенских птенцов», как их метко окрестили), что немедленно повлекло за собой увеличение числа разбоев, грабежей, убийств, изнасилований, а это, в свою очередь, оказало разрушающее воздействие на социальное спокойствие и мир в столице.

Отменив полицию и полицейские чины, расформировав жандармерию, сделав ее козлом отпущения за трудные условия жизни, которые на самом деле являлись итогом участия в войне и военных поражениях, Временное правительство добавило к общей атмосфере безвластия и хаоса ощущение безнаказанности. Местная милиция наполнилась случайными людьми, часто вороватыми, не обладавшими профессиональными навыками, не желавшими сколько-нибудь серьезно бороться с новой волной преступности, восстановить хотя бы подобие общественного порядка. Еще более опасным для Временного правительства явился пункт 7-й о невыезде из столицы Петроградского гарнизона, якобы особо отличившегося в ходе революции. На самом деле это была уступка мятежным солдатам, просто не желавшим ехать на фронт, и первое свидетельство неопытности и слабости правительства. Петроградская солдатня морально разложилась в условиях постмонархического безвластия. Все пьяные бунты, грабежи, поджоги, которые потом историки приписывали большевикам, начались уже в первые дни марта, а позже большевики вынуждены были применять жесточайшие меры вплоть до расстрела захваченным на месте мародерам, чтобы навести в столице хотя бы минимальный порядок.

Однако, несомненно, первая декларация Временного правительства сделала бы честь любой партии, борющейся за власть на базе демократизации и либерализации. Проблема была в том, что страна продолжала участвовать в мировой войне, испытав серию поражений. Противостояние по-прежнему требовало колоссального напряжения сил, сопровождалось колоссальными людскими потерями, разрушением экономики, разрегулированием служб снабжения тыла, системы транспорта, разгулом коррупции в коридорах власти и в Генеральном штабе.

После угасания революционной демократической эйфории усилилось состояние распада. Вдобавок параллельным, даже альтернативным, органом власти в Петрограде выступил Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Первым приказом после революционных событий было знаменитое постановление Совета от 14 февраля (1 марта) 1917 г., предписывающее избирать во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах и даже отдельных службах разного рода военных управлений комитеты из представителей низших чинов. Одновременно рекомендовалось избрать представителей рабочих депутатов, оформить соответствующее решение протоколом, выдать удостоверение и предоставить кандидатуру в Государственную думу. Все воинские части отныне подчинялись Совету рабочих и солдатских депутатов и избранным комитетам. Приказы Временного правительства предписывалось исполнять лишь тогда, когда они не противоречили указам и постановлениям комитетов рабочих и солдатских депутатов.

В ходе военных действий во всех воинских частях в окопах, в тылу немедленно началась вакханалия выборов, в результате чего творилась расправа, быстрый и в основном несправедливый суд над офицерским составом, т. е. над теми боевыми офицерами, которые провели уже более трех лет в окопах и делили с солдатами все тяготы военной жизни. Армия быстро разваливалась и становилась недееспособной. Страна погружалась в хаос в условиях усилившегося социального противостояния и конфликтности. Демократическая и революционная эйфория первых месяцев после Февральской революции 1917 г. вывела на главные роли во Временном правительстве и стране ораторов, талантливых говорунгов. Но они были малоспособны к решению конкретных практических задач по преодолению хозяйственного упадка, военной разрухи, социального хаоса.

Самой интересной личностью в этом сонме демократов был А. Ф. Керенский. Он без усталости носился из воинских частей в рабочие организации, из рабочих организаций – в офицерские собрания, из офицерских собраний – на сходки деловых кругов, где твердо обещал, что Временное правительство

продолжит войну, сохранит основы общественного устройства. Одновременно он подкрепил приказ Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о всеобщности выборности и об отмене чинов в армии приказом по армии, флоту от 22 апреля (9 мая) 1917 г. Приказ сформулировал декларацию прав солдат, которая уравнивала их во всех гражданских правах с военными и гражданскими чинами, предоставила им право участия в политической деятельности, отменила институт денщиков, обязанности нижних чинов отдавать честь офицерам и т. д. Этот приказ, автором которого называют мasona Н. Д. Соколова, усугубил раскол между офицерами и солдатами, поощрил массовое дезертирство с фронта под предлогом участия в политической деятельности, политических организациях и т. д. Фронт и тыл превратились в один сплошной митинг, где все говорили, но никто не слушал, где ничего не решалось. Социально-экономическая и политическая ситуация в России развивалась стихийно.

Тогда же Временное правительство начало серию процессов над руководящими деятелями последних дней монархии. Перед судом предстали деятели последних недель Кабинета министров А. Д. Протопопов, И. Л. Горемыкин и др. В свидетельствах этих морально сломленных людей, оказавшихся ничтожными личностями, обнаружилась вся бездна коррупции, существовавшая и процветавшая при дворе. Общественности стали известны лица выдающихся авантюристов: врача П. А. Бадмаева, князя М. М. Андронникова, дельца И. Ф. Манусевича-Мануйлова и др.

Временное правительство не понимало, что, поднимая волну ненависти к царизму, способствует тому, что часть народного гнева и недоверия адресуетея ему самому, тем более что и на фронтах, и в тылу, и в экономике, и в общественных отношениях царил хаос. Для многих в России становилась очевидной неспособность Временного правительства исправить ситуацию.

Вся драма переходного периода – от монархического режима к новому революционному состоянию – задокументирована в сотнях воспоминаний. Сошлемся лишь на книгу Л. Д. Троцкого «История русской революции», отличающаяся, на наш взгляд, достаточно хорошо прослеженной хронологией противодействия буржуазному перевороту, которым, по существу, явилась Февральская революция 1917 г. со стороны революционных пролетарских сил, организованных большевиками. И хотя, как всегда, в своих книгах Л. Д. Троцкий предельно биографичен и никогда не забывает выпячивать свою роль в качестве одного из главных «гениев» и «спасителей революции», в строго документальном изложении событий содержится убедительное свидетельство несостоятельности утверждений вроде тех, которые сделал Ф. А. Головин и несколько

других историков Февральской революции 1917 г.: «...против чувствующих, что физическая сила на стороне большевиков, действовало Временное правительство, подавленное ощущением своего бессилия» [9, с. 19].

Временное правительство не действовало ни против кого-то, ни даже за себя. В лице А. Ф. Керенского и других Временное правительство вряд ли представляло себе свое бессилие. Оно явно рассчитывало выжить в условиях возрастающих беспорядков, дотянуть до Учредительного собрания, используя свою репутацию «героев революции», получить мандат на дальнейшее управление. Деятели Временного правительства маскировали свою слабость (если они ее иногда и ощущали) в светливой пропагандистской кампании, обещающей после окончания войны все блага, но не делали ничего ни для улучшения положения рабочих, ни для организации производства и снабжения армии, ни для реализации земельной реформы, которую уже стихийно проводили крестьяне по всей России, захватывая помещичьи имения, подвергая их разгрому, уничтожая дворянские семьи, не успевшие бежать.

Временное правительство искало пути выхода из кризиса. Оно вынуждено было пойти на отчаянные меры – фактически на сговор с остатками монархической власти и монархических движений, когда практически уже все органы и учреждения имущих классов были за переворот военно-диктаторского типа. К этому Временное правительство подталкивали дипломаты из Антанты. Соответствующую подготовку финансировали банки. Это настроение преобладало в союзах земледельцев, промышленников, кадетской партии, земствах, Генеральном штабе, среде офицерства, прессе. «В столице все казалось подготовленным для успеха предприятия, – пишет Л. Д. Троцкий. – Рабочие разоружены властями при содействии соглашателей; большевики не выходят из-под удара, более революционные полки выведены из города. Сотни специально отобранных офицеров сосредоточены в ударный кулак с юнкерскими училищами и казацкими частями. Они должны составить внушительную силу. И что же? Заговор, которому покровительствовали, казалось, сами Боги, едва натолкнувшись на революционный народ, медленно рассыпался прахом» [12, с. 84].

Революционный вихрь смел Временное правительство и его союзников. Власть взяли большевики. Все это тоже весьма подробно задокументировано в марксистской и немарксистской литературе. Однако в условиях, возникших после развала Советского Союза, появилось много исследований, выдвигающих идею случайности Октября, трагичности фигуры А. Ф. Керенского, который якобы хотел, но не успел вывести Россию на путь демократических преобразований в мире.

Немало публикаций насчет загадки его личности. Он был действительно первым из российских демократических политиков, обожал говорить, мелькать, присутствовать, заботясь лишь о собственной славе и репутации революционера-демократа, наиболее популярного, наиболее обожаемого политического деятеля. В адрес «народного трибуна» говорили комплименты В. И. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский, звучал хвалебный хор артистов, художников, других деятелей культуры.

Первую неделю после февральских событий восторженная публика прощала ему все: и неосторожные аналогии, и чрезмерное фанфаронство, и самовлюбленность. На одном из выступлений, например в Одессе, А. Ф. Керенский воскликнул: «Мы много испытали, и сердце народа России бьется одним темпом. И нам суждено повторить великую сказку французской революции» [13, с. 63]. Любой мало-мальски образованный человек, знакомый с историей якобинского террора, был бы смущен подобным приглашением в «волшебный мир сказки», но современники не понимали или не хотели понимать и раздумывать над подобного рода тонкостями. Ликующая толпа по окончании выступления вынесла министра из зала на руках. Так часто заканчивались газетные отчеты о выступлениях А. Ф. Керенского.

Нет сомнения, что, появившись он на «политической тусовке» развала СССР в 1991 г., его судьба могла бы быть совсем иной, а ведь подобно нашим нынешним демократам, мельтешившим во многих программах, в шоу на всех телеканалах и пространно вещающим банальности по всей проблематике жизни – от сексуальной революции до миграции грачей, он ничем не рисковал бы.

Пребывая в виртуальном мире, такие люди чувствуют себя в безопасности и сегодня, ибо не знают реакцию слушателей на свои выступления. Он тогда не чувствовал «обратной связи». Он общался с постепенно революционирующейся толпой на фронтах и в городах России, но собственная политическая глухота не дала ему возможности услышать угрожающий гул неприятия его болтовни.

А. Ф. Керенский и его правительство упустили момент, когда еще что-то можно было поправить, и позорно бежал. Бегство его описано во многих мемуарах и исследованиях. Одни говорят, что он бежал за тем, чтобы привести надежные воинские части с фронта и подавить мятеж, другие – что за тем, чтобы организовать сопротивление большевикам. Но никто не отрицает того, что он бежал.

Послевоенная судьба А. Ф. Керенского была незавидной. Ни в белоэмигрантском движении, ни вообще в общественно-политических кругах страны, где он пребывал эмигрантом-изгоем, существенной роли играть он уже не мог. Горечь за свое поражение монархические и демократические си-

лы, эмигрировавшие из России, выливали на нем в бесконечных и очень убедительных упреках. Его попытки объяснить если не свою правоту, то хотя бы ту ситуацию наталкивались на сопротивление аудитории. Часто в таких встречах его обливали водой. Дамы разбивали букеты о его лицо.

Оценки его исторической миссии сегодняшними историками и другими исследователями в лучшем случае сдержанно негативны. Шумная, многообещающая революционная судьба А. Ф. Керенского закончилась провалом. Одобрения и восторгов у современников после Октябрьской революции он не

вызывал. У наших современников он тем более не может снискать себе сочувствия. Большая часть историков и социологов революции в белоэмигрантской среде в западных университетах, а после развала СССР – в Российской Федерации, Беларуси и других государствах постсоветского пространства пытаются найти оправдание руководителям Временного правительства в их патриотизме, в силу которого они якобы были больше озабочены судьбой своей страны, чем мира, и самой революцией, в то время как большевики были озабочены исключительно судьбой революции.

Библиографические ссылки

1. Шанин. Революция как момент истины. М., 1997.
2. Setton-Watson Q. The Russian Empire. 1801–1917. Oxford, 1989.
3. Платонов О. Терновый венец России. Святая Русь. М., 1996.
4. Большаков В. И. Грани русской цивилизации. М., 1999.
5. Игнатьев А. С. Пятьдесят лет в строю. М., 1989.
6. Монархия перед крушением, 1914–1917 / сост. В. П. Семенников. Москва ; Калининград, 1927.
7. Дневник императора Николая II. М., 1991.
8. Ильин И. О грядущей России. М., 1993.
9. Головин Н. С. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Тарту, 1937.
10. Колоницкий Б. С. Загадка Керенского. М., 1994.
11. Константинов Б. С. Временщик исторической минуты // Независ. газета. 8 июня, 2000. С. 4.
12. Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992.
13. Керенский А. Ф. Дневник политика. М., 2007.

References

1. Shanin. Revolyutsiya kak moment istiny. Moscow, 1997 (in Russ.).
2. Setton-Watson Q. The Russian Empire. 1801–1917. Oxford, 1989.
3. Platonov O. Ternovyi venets Rossii. Svyataya Rus'. Moscow, 1996 (in Russ.).
4. Bol'shakov V. I. Grani russkoi tsivilizatsii. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Ignat'ev A. S. Pyat'desyat let v stroyu. Moscow, 1989 (in Russ.).
6. Monarkhiya pered krusheniem, 1914–1917. Moscow ; Kaliningrad, 1927 (in Russ.).
7. Dnevnik imperatora Nikolaya II. Moscow, 1991 (in Russ.).
8. Il'in I. O gryadushchei Rossii. Moscow, 1993 (in Russ.).
9. Golovin N. S. Rossiiskaya kontrevolyutsiya v 1917–1918 gg. Tartu, 1937 (in Russ.).
10. Kolonitskii B. S. Zagadka Kerenskogo. Moscow, 1994 (in Russ.).
11. Konstantinov B. S. Vremenshchik istoricheskoi minuty. *Nezavisimaya gazeta*. 8 June, 2000. P. 4 (in Russ.).
12. Sorokin P. A. Dal'nyaya doroga. Moscow, 1992 (in Russ.).
13. Kerenskii A. F. Dnevnik politika. Moscow, 2007 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.02.2017.
Received by editorial board 20.02.2017.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ EDITORIAL

В год юбилея И. И. Антоновича готовятся к печати сразу две его монографии: «Геополитика в эпоху нестабильности» (в соавторстве с А. Н. Даниловым) и «Человек и мир на стыке эпох. Откровенно о главном». Вторая книга, предисловие к которой мы сегодня публикуем, включает воспоминания Ивана Ивановича о незабываемых встречах, работе в партийном аппарате, международных организациях и, конечно, о людях из мира науки, образования, культуры, с которыми его свела судьба. Иван Иванович всегда отличался откровенностью и открытостью. Он никогда не щадил себя и стимулировал других... Много открывается в этой книге интересного и ранее неизвестного: как злодейка-жизнь распорядилась жизнями многих известных и неизвестных вершителей наших судеб, казалось навечно прописавшихся на вершине олимпа власти, и как совершенно непредсказуемо была добра к потерявшим все шансы выбиться в люди. Автор описывает свое время, события, к которым был причастен, научно выверенно, эмоционально ярко и образно. Он открывает нам, его читателям, тайны новейшей истории, писанные и неписанные законы жизни и деятельности партийной элиты, вводит нас в святое святых – Центральный комитет КПСС, КПБ и КП Российской Федерации, приоткрывает закулисы развала СССР и укоренение суверенитета в Беларуси, дает очень точные портреты наших современников...

Для своей книги Иван Иванович выбрал из написанного ранее лучшие научные статьи последних лет. Они, с его точки зрения, точно характеризуют процессы, происходящие в наше беспокойное время. Избранные автором статьи составили три главы книги: «Треугольник геополитического равновесия», «Беларусь в глобальном мире», «Конфликтность и неустойчивость глобального мира». В книге также представлены его интервью белорусским средствам массовой информации, список монографий, изданных автором.

Как нам представляется, издание вызовет большой читательский интерес. Ведь автор – один из самых информированных современных политических аналитиков, активный участник государственного строительства суверенной Беларуси – откровенно делится своими мыслями о прошлом, настоящем и будущем. Во многих из описываемых в книге событий автор принимал личное участие, он – свидетель этой эпохи. Книга написана хорошим литературным языком, ярко и интересно.

Профессор И. И. Антонович является постоянным автором нашего журнала. Все его материалы, опубликованные в нашем издании, вызывают повышенный интерес читателей. Прежде всего своей убедительной аргументацией с привлечением большого числа научных источников, опубликованных в ведущих мировых изданиях на основных европейских языках, ясной личной позицией автора и ее эмоциональной окрашенностью. Иван Иванович – известный полемист, его позиции присущи открытость, аргументированность и достоверность.

«Эмоции страсти, определявшие человеческую жизнь как на индивидуальном, так и на общественном уровне, остаются прежними со времен Сенеки и Шекспира: “Мир во зле лежит”. В мире постоянно противодействуют силы добра и зла, попеременно одерживает победу то одна, то другая группировка. В этом перерыве постепенности и последующем установлении мирового равновесия и состоит мировая история, научно-технический прогресс, выдающиеся достижения человеческой мысли. <...> Идея прогресса с трудом пробивает себя через толщи противоречий и конфликтов мировой истории, так что иногда можно даже усомниться в ее существовании. Однако человеческая жизнь продолжается в катастрофических условиях конфликта, неуверенности и опасности новых мировых войн. Человек должен исполнять свою земную миссию: добывать пропитание себе и своим близким честным трудом, основать семью, растить детей и этим обеспечивать устойчивость и продолжительность жизни. Стоит помнить, что бесчестие и злость никогда не обладали созидательной силой», – завершает И. И. Антонович свою новую работу.

Здоровья Вам, Иван Иванович, и новых творческих свершений!

К СОЖАЛЕНИЮ, ПРИЧАСТНЫ И ВИНОВНЫ ВСЕ...

UNFORTUNATELY, EVERYBODY IS PARTICIPATING AND GUILTY...

Автор большую часть своей жизни прожил в XX в. На его долю пришлось и Вторая мировая война (раннее детство он провел под немецкой оккупацией), и послевоенная коллективизация Западной Беларуси, и медленное восстановление народного хозяйства, и мучительное, но тем не менее успешное преодоление разрушений Великой Отечественной войны в экономической, социальной и культурной жизни Белоруссии и Советского Союза, и период стагнации 1970–80-х гг., и перестройка, и, наконец, развал СССР.

Он прошел путь от простого деревенского паренька до доктора наук, профессора, занимал ответственные посты в партийной системе СССР, завершил свою партийную карьеру секретарем ЦК, членом Политбюро РСФСР. После развала СССР вернулся на родину – в Беларусь, занимался научной работой, работал на должности министра иностранных дел Республики Беларусь, был свидетелем первых хрупких и во многом противоречивых шагов белорусской независимости, участником президентской избирательной кампании 1994 г.

Сегодня многие издатели обращаются к нему с предложением написать мемуары. Однако следует сказать, что в результате развала СССР на читателя обрушилась лавина мемуаров участников событий тех лет. Они производят тягостное впечатление, так как посвящены бесстыдному самозахваливанию и оправданию: мол, они были свидетелями грандиозного развала СССР, который характеризуют сегодня как важнейшее событие XX в., понимали его последствия, но к разрушительным событиям не причастны. К сожалению, причастны и виновны все: руководящая верхушка Советского Союза и союзных республик, 20-миллионная структура КПСС, которая при первых серьезных испытаниях судеб Отечества самоустранилась и ушла в песок, народы Советского Союза, большинство из которых оказались под влиянием безответственных демагогов и говорунов, уверяющих, что развал СССР принесет им всем новое благополучие и они будут жить «как все». Не удалось тогда заметить одной простой истины: «как все» означало не только «благополучный миллиард» Запада (он же – Север в риторике современных радикалов из Азии, Африки и Латинской Америки), но и пять миллиардов населения Земли, охватывающих страны, где сегодня люди живут на один-два доллара в день.

Все хотели перемен, надеясь, что они обязательно будут к лучшему. Никто не хотел понимать, что любые серьезные реформы начинаются с разрушения старого. А это, несомненно, приносит новые трудности и новые испытания, и лишь затем, если

повезет, страна, народ, правительство могут выйти на новый успешный путь.

В Беларуси, в отличие от России, мемуарная литература, посвященная событиям развала СССР, была представлена узко. Обращают на себя внимание мемуары С. Шушкевича, П. Кравченко, В. Кебича, позиции которых весьма отличаются.

В этой триаде особняком стоят книги В. Кебича. Его издания выгодно отличаются объективной передачей фактической ситуации в Верховном Совете БССР, правительстве Республики Беларусь по обретению ею независимости, честным изложением перипетий нелегкой политической борьбы за будущее белорусского государства. С этой точки зрения книги В. Кебича служат ценным источником сведений о начальных этапах белорусского суверенитета и, несомненно, представляют большой интерес и для последующих поколений.

Автор уже достиг того возраста, когда «свет в конце тоннеля» означает не выход на какие-то новые рубежи, а приближение неизбежного и естественного конца, поэтому ему нет необходимости ни приукрашивать свою роль в тех многочисленных событиях, ни давать какие-то устойчивые прогнозы. Он решился предложить читателю свои мысли о мире, в котором мы жили и живем и который он изучал как ученый-исследователь более чем полвека. Кроме биографического очерка в книгу включены отдельные работы истекших лет, которые были опубликованы в монографиях, статьях, приводятся и некоторые интервью, дающие характеристику современной эпохе.

Автор называет современный мир бесплюсным. Это опасное историческое и геополитическое состояние, ибо борьба сил, формирующих миропорядок, принимает острые формы, чреватые для человеческой цивилизации трагическими последствиями. Он вспоминает знаменитую «сессию миллениума ООН» на стыке XX и XXI вв., в которой участвовали руководители большинства стран мира, стараясь определить перспективы новой эпохи и направить процессы развития в созидательное русло. Много говорилось о всеобщем мире, решительной борьбе с бедностью, предотвращении конфликтов и насилия.

Тем не менее XXI в. начался эпохой затяжных войн, которые не прекратились еще и сегодня. Параллельно этому и в явной связи с войнами на мировой арене возникла новая опасная сила – радикальный джихадизм, который ставит своей задачей разрушение существующей цивилизации методами террора и создания новой (монорелигиозной по своему характеру) структуры тоталитарной влас-

ти в мире, основой которой является истолкование лидерами этого движения отдельных положений Корана. Большая часть идеологического и политического обоснования действий международного терроризма не имеет ничего общего с Кораном. Достаточно только указать, что три мировые религии единобожия – иудаизм, христианство и ислам – категорически против насилия, а их нравственные кодексы примерно идентичны. Однако вышедшие из мира бедных орды террористов, рассчитывая установить себя в качестве самостоятельного субъекта исторического процесса, не утруждают себя знанием религиозных основ веры, о преданности которой они заявляют. Их целью является создание мировой структуры власти, в верхушке которой находились бы они. Это главная опасность современного мира, ибо она, вместо того чтобы объединить государства, против которых воюет, умело разделяет их по разным принципам, вызывая столкновения в рядах тех, кто способен положить конец радикальному террористическому экстремизму.

Сегодня в мировом общественном мнении заметна ностальгия по прошедшей эпохе биполярного мира, в котором две сверхдержавы – СССР и США, – соперничая друг с другом за влияние по итогам Второй мировой войны, разделили мир на сторонников и противников. Каждая из противодействующих сторон стремилась ограничить влияние другой. Однако с учетом того, что обе стороны владели смертоносным оружием, которое могло бы положить конец жизни на Земле, военное столкновение между ними в последнее десятилетие XX в. было немислимым. Это делало миропорядок устойчивым, исключая возможность военных катаклизмов мирового масштаба.

Надо, однако, отметить, что в биполярном противостоянии СССР так и не удалось создать равноценный противовес западной цивилизации, орудием воздействия которой стала вестернизация – формирование миропорядка по стереотипам, наиболее отвечающим геополитическим интересам группы ведущих западных государств.

Вестернизация – исторически длительный процесс. Она началась с первых кругосветных путешествий, осуществленных странами Западной Европы, и продлилась в вытеснении из сфер влияния ведущих цивилизаций мира (китайской, персидской, индийской и др.).

На стыке первого и второго тысячелетий мощный восточнославянский массив создал свое государство – Киевскую Русь, – которое развивалось такими же темпами и мотивировалось теми же ценностями, что и страны Западной Европы. Татаро-монгольское нашествие XII–XV вв. ничуть не разрушило христианскую цивилизацию в ее восточном, византийском, варианте, но создало для нее серьезную угрозу в западном, католическом,

варианте. Фактически за спасение стран Западной Европы Киевская Русь заплатила своей жизнью.

Восточнославянский массив оказался в условиях глубокого раскола: западная ее часть интегрировалась в Великое княжество Литовское, которое попало затем в зависимость от Королевства Польского в Речи Посполитой; восточная часть медленно преодолевала татаро-монгольскую оккупацию, и только к XV в. Московское царство сумело заявить о себе как о субъекте международного действия, поставившего своей целью возвращение православной ойкумены в свое лоно.

Это вызвало длительные войны на востоке Европы, которые шли с переменным успехом вплоть до конца XVI в. в основном между Московским царством, Польшей и Литвой, объединенными в Речь Посполитую. Западная Европа в это время тоже переживала бесконечные войны как геополитического, так и религиозного характера. Именно в этот период сформировались существенные этнико-религиозные и культурные различия между Западом и Востоком Европы, а также внутри восточнославянского массива.

Киевская Русь оказалась разделена надвое: на Западе она испытала на себе 400-летнее ассимиляционное давление католической Польши, на Востоке – 200-летнюю татаро-монгольскую оккупацию. Исторические различия этих двух компонентов обусловили становление этнически отличных русской, белорусской и украинской этнокультурных группировок восточнославянского массива. Эти отличия в ходе столетий вылились в создание достаточно автономных народных структур, создавших свой язык, культуру, образ жизни. И хотя родство русского, украинского и белорусского компонентов восточного славянства развивалось и развивается вплоть до сегодняшнего дня на единой культурно-нравственной основе православия, в ней сформировались различия, иногда принимающие, как мы видим в современной истории, формы довольно серьезных конфликтов.

Преодолев религиозные войны и другие межнациональные и межгосударственные конфликты, Западная Европа вошла в эпоху Просвещения XVII–XVIII вв., что позволило ей определить себя как отдельный исторический и культурно-религиозный регион человечества. Взлеты эпохи Просвещения, промышленно-технические и социальные революции закрепили господствующее положение Запада. Сегодня группа развитых государств Западной Европы и США старается поддерживать сложившийся на этой основе миропорядок, максимально отвечающий их интересам, продолжать вестернизацию, придавая ей в зависимости от изменений исторической обстановки различные формулировки: «становление миропорядка, благоприятного для демократии» (президент США Т. В. Уилсон),

«защита свободы и борьба против тирании» (президенты США Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр), «продвижение демократии и прав человека» (президенты США Дж. Буш-младший и Б. Обама).

Самим перечислением американских президентов, обозначавших тренды миропорядка, автор намерен показать, что лидером вестернизации являются сегодня Соединенные Штаты Америки.

Стремление создать однополярный мир после развала СССР им не удалось. Однако эта страна и сейчас намерена сохранить миропорядок, максимально отвечающий ее интересам, сложившийся после Второй мировой войны и закрепившийся после развала советской державы. Сегодня группа западных стран (США, ведущие страны Евросоюза – Великобритания, Франция, Германия, Италия), говоря о новом геополитическом различии (*The West and the rest* – «Запад и все остальные») рассматривает весь мир как сферу приложения их интересов.

Однако история не терпит линейного, однопорядкового измерения. В мире образуются новые силы, оспаривающие гегемонию Запада (Китайская Народная Республика), и силы, противостоящие его давлению (Российская Федерация и ее союзники). Это, к сожалению, обещает новые конфликты и новые геополитические столкновения. Мир пока не стал ни более безопасным, ни более благополучным. Человечество ищет пути своего развития,

самореализации в условиях непрерывной борьбы. В этих целях создаются региональные и глобальные союзы, коалиции, военные структуры.

Однако сегодня слышна позиция национальных государств, требующих для себя своего законного места в новом миропорядке и готовых принести в этот миропорядок свое созидательное, хотя порой и очень скромное, начало. Республика Беларусь принадлежит к числу этих государств. Со времени обретения независимости она ставит своей задачей привнести в мировое сообщество свой вклад, выступая за взаимовыгодное экономическое сотрудничество народов и государств, развитие миропорядка, суверенитет.

В своем исследовании автор хотел бы остановиться на наиболее важных процессах XX и XXI вв., как сформировавшихся, так и формирующих современный миропорядок. Однако дать единую общую картину цивилизационного многообразия мира ему явно не под силу. Поэтому в данную работу включены некоторые ранее опубликованные работы, посвященные наиболее острым, на взгляд автора, проблемам современного мира. С учетом того, что исследование носит мемуарно-публицистический характер, автор избегал цитирования источников, подробной библиографии. Тем, кто заинтересуется темой, можно обратиться к ранее опубликованным работам, где можно найти описание необходимой литературы.

УДК 316.2

РАСШИРЕННЫЙ ПОРЯДОК КАК МАНИФЕСТ РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается методологический подход к обоснованию расширенного порядка (свободного рынка) в работе известного представителя либерализма, лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайека «Пагубная самонадеянность». Анализируются представления автора о роли социологии, ее «социалистическом» характере, а также спонтанность рынка, моральные устои расширенного порядка.

Ключевые слова: порядок; свободный рынок; *laissez faire* – невмешательство; политаризм; спонтанность; мораль; альтруизм; смешанная экономика.

EXTENDED ORDER AS MANIFESTO OF MARKET FUNDAMENTALISM

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova street, 1, building 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus*

Considered is the methodological approach to grounding an extended order in the work «The Fatal Conceit» by F. A. von Hayek, a famous representative of liberalism, Nobel Prize laureate. Analysis is given to both the author's ideas about the role of sociology, its «socialistic» character, and market spontaneity, moral of the extended order.

Key words: order; free market; *laissez faire*; politarizm; spontaneity; moral; altruism; mixed economy.

Образец цитирования:

Шавель С. А. Расширенный порядок как манифест рыночного фундаментализма // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 52–63.

For citation:

Shavel S. A. Extended order as manifesto of market fundamentalism. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 52–63. (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.

В действительном мире значимость может иметь только то, что заключено в понятии народа. Нелепостью было бы навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в своем собственном развитии. То, что своевременно во внутреннем духе, происходит безусловно и необходимо.

Г. В. Ф. Гегель

Понятие «расширенный порядок» используется для раскрытия сложной, противоречивой и в чем-то действительно загадочной природы свободного рынка. Этот термин был введен в научный оборот и широко популяризирован лауреатом Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайеком, хотя идеи либеральной системы *laissez faire* (фр. – невмешательство; в данном случае – невмешательство государства в дела предпринимателей) выдвигали и разрабатывали многие авторы: от философов Дж. Локка и Д. Юма, экономистов А. Смита и М. Фридмана до католического богослова М. Новака и др. На первый взгляд расширенный порядок – это эвфемизм, позволяющий смягчить восприятие дефектов рынка и одновременно подчеркнуть и усилить его позитивные стороны. Этот момент, безусловно, присутствует в его семантике, как и в идеологической нацеленности на опровержение всех иных экономических укладов, отклоняющихся от либеральной модели: традиционных, кейнсианских, социалистических, этатистских, в том числе «государства всеобщего благоденствия». Однако поскольку термин «расширенный порядок» используется не только

в публицистике, СМИ и т. д., но и в серьезной экономической и политической аналитике, необходимо понять, как авторы обосновывают его категориальный статус. За основу можно взять известную работу Ф. А. фон Хайека «Пагубная самонадеянность», избегая, по возможности, обсуждения того, что автор обозначил в подзаголовке как «Ошибки социализма». Редактор трудов философа У. Бартли III назвал эту книгу «манифестом с изложением основных доводов в пользу свободного рынка» [1, с. 8]. В СССР работа (ссылки, цитаты, первые журнальные публикации) появилась в разгар перестройки и, несомненно, оказала определенное влияние на формирование тех или иных – положительных или отрицательных – представлений о предстоящем рыночном порядке. С тех пор в отечественной литературе мы все же не находим трудов, посвященных взвешенному, неидеологизированному анализу доводов автора, хотя сегодня сама жизнь дает основания для этого. Рассмотрим методологические предпосылки расширенного порядка и содержательные положения, раскрывающие этот феномен как эмпирическую реальность.

Инвективы Ф. А. фон Хайека в адрес социологии

Первые русскоязычные публикации книги австрийского философа появились в конце 1980-х гг. Это было время, когда полезная, спасительная идея спокойного и разумного реформирования, названная маловразумительным термином «перестройка», все более радикализировалась оппозиционными требованиями системного переворота – смены государственного устройства, «расчленения» страны, разгосударствления и приватизации и т. д. Работа Ф. А. фон Хайека рассматривалась теми, кто был ориентирован в таком направлении как своего рода интеллектуальный таран для разрушения существующего строя. Сам автор – известный экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (1974) – выделялся среди ангажированных советологов типа З. Бжезинского и других как объективный исследователь. Однако его инвективы (лат. *invective oratio* – бранная речь) не только в адрес социализма, но и таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Ж.-Ж. Руссо, а также многих современных ученых, развеивают или, по крайней мере, ослабляют первоначальные представления.

«Сама по себе социология, – замечает автор, – пожалуй, может называться наукой социалистической, поскольку ее открыто преподносили как способную создать новый социалистический порядок,

а во времена не столь отдаленные – как способную предсказывать дальнейший ход развития и придавать очертания будущему или же творить будущее человечества» [1, с. 91]. Нам странно читать о «социалистической социологии», ибо эта формулировка напоминает старое клише (стигму) «буржуазная наука», которым клеймили социологию во времена ее запрещения в нашей стране. Но поскольку Ф. А. фон Хайек не знает современной отечественной социологии, значит, он имеет в виду западную социологическую науку. Заметим, что о ней и сегодня иногда говорят, что именно социология в 1920-е гг. спасла капитализм, доказав необходимость и побудив верхи изменить свое восприятие низов, чтобы избежать повторения опыта революции в России. Речь идет о концепции оплаты труда Г. Форда, анализе и хронометраже рабочих движений (действий) Ф. У. Тейлора, теории человеческих отношений Э. Мэйо, репутационной теории стратификации У. Уорнера и др. И чтобы ни говорили, все-таки сотериологическая (спасительная) миссия социологии США имеет определенные основания. Жаль, что этого не заметил Ф. А. фон Хайек.

Автор предпринял попытки решительно очистить социогуманитарный словарь от всех терминов с прилагательными «социальное(ный)» или

«общественное(ный)». Он пишет: «Принимаясь за работу над книгой, я дал себе зарок никогда не употреблять слов “общество” (society) или “социальный” (social)» [1, с. 189]. Он составил список из более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальный» («общественный»), которые необходимо, по его мнению, выбросить из понятийного аппарата науки. На самом деле их намного больше, и они составляют ядро терминов социологии и других наук, разговорного языка. Они вполне удобны, эксплицитны и вошли в привычку. Конечно, такую форму образования понятий не назовешь идеальной, но чтобы их менять, нужно, во-первых, найти релевантную замену, что совсем не просто, а во-вторых, учесть, что аналогично образуются понятия с прилагательными «экономический» (рост, фактор, ресурс и пр.), «политический» (процесс, режим и т. д.), а также «физический», «химический», «биологический» и др. Понятно, что отказаться от данной схемы невозможно. Неслучайно предложение автора вызвало у социологов и других ученых не столько удивление, сколько бурю насмешек над «лингвистическими экзерцисами» лауреата.

Странным кажется и одобрительное цитирование Ф. А. фон Хайеком Л. фон Визе, который вспоминает, что в его время (перед Первой мировой войной) сильна была склонность рассматривать социальную сферу как суррогат религии, в связи с чем появились так называемые социальные пасторы [1, с. 197–198]. К сожалению, в западной со-

циологии понятие «социальная сфера» сегодня не используется, из-за чего Т. Парсонсу, например, пришлось выделить так называемую фидуциарную подсистему. В нашей литературе под социальной сферой понимают одну из четырех сфер общества наряду с экономикой, политикой и духовно-культурной жизнью. Религия при этом относится к сфере духовной жизни. Что касается социальных пасторов, то они, по-видимому, могут входить в состав социальных работников, а значит, выполнять те функции, которые предписываются им соответствующей работой с людьми (помощь, моральная поддержка и т. д.).

Как видим, инвективы Ф. А. фон Хайека в адрес социологии необоснованны и неубедительны. Еще Т. Парсонс, которого нет в списке цитируемых авторов в данной книге, писал: «В экономической литературе о *капитализме*, как радикальной, так и консервативной по своей идеологии, совершенно упускалась из виду проблема структурного несоответствия между предпринимательством и свободной профессией в современном обществе. В свою очередь, это вело к постановке таких вопросов, как <...> соотношение между личностью и ролью, в частности, включающее то, что выше было названо психологическим аспектом исторической проблемы рациональности» [2, с. 23]. Представление Ф. А. фон Хайека о том, что при капитализме все дееспособные заняты предпринимательством, не меньшая иллюзия, чем та, что при социализме все охвачены трудовым энтузиазмом.

Определение понятия «расширенный порядок»

Во введении Ф. А. фон Хайек отмечает, что тот феномен, от которого зависит возникновение нашей цивилизации и ее дальнейшее сохранение, «можно точнее всего определить как расширенный порядок человеческого сотрудничества – порядок, часто именуемый, хотя и не вполне удачно, капитализмом» [1, с. 15]. Обратим внимание на оговорку относительно капитализма. В дальнейшем автор поясняет ее следующим образом. Во-первых, по его мнению, «слово “капитализм” (все еще неизвестное Марксу в 1867 г. и никогда им не употреблявшееся) в полную силу зазвучало в политических дискуссиях как *естественный антоним* (курсив наш. – С. Ш.) социализму только после выхода в 1902 г. сенсационной книги В. Зомбарта «Современный капитализм» [1, с. 192]. Странно, что автор, «посвятивший жизнь борьбе с социализмом во всевозможных его проявлениях» [1, с. 7], не открыл первую страницу «Капитала» К. Маркса, где сказано: «Предметом моего исследования является капиталистический способ производства. <...> Классической страной капитализма является Англия» [3, с. 4]. В. Зомбарт был эпигоном, и не только в терминологии. По поводу его «сенсационной книги» М. Вебер отмечал, что

в ней «подчеркиваются те факторы, которые существовали во всем мире» [4, с. 60]. Это означало, что специфика западного капитализма, т. е. капитализма в точном смысле слова как формации, В. Зомбартом оказалась непонятой и нераскрытой.

Во-вторых, Ф. А. фон Хайек пишет: «Оно (слово «капитализм». – С. Ш.) было неудачным, т. к. намекало на столкновение интересов, которого на самом деле нет. <...> Владельцы капитала сделали возможным расширенный порядок человеческого взаимодействия, а термин лишь спровоцировал на противоборство тех, кто, как мы уже показали, были им наиболее облагодетельствованы: представителей пролетариата» [1, с. 192]. Как можно отрицать столкновение классовых интересов, если в Европе весь XIX в. прошел под знаком нарастающего революционного движения? Вспомним революции 1830, 1848 и 1871 гг., не говоря уже о таких конфликтах, как пенсильванский (1897), в котором были убиты 19 и ранены не менее 53 горняков, по данным М. Новака [5, с. 191].

Думается, что нежелание Ф. А. фон Хайека отождествлять расширенный порядок с капитализмом имеет иные причины. Прежде всего то, что

более прямо высказал М. Новак – убежденный защитник демократического капитализма и проповедник его духа. Он пишет: «Во всем мире капитализм вызывает ненависть. Его отождествляют с эгоизмом, эксплуатацией, неравенством, империализмом и войной. Даже на его родине – в Соединенных Штатах – для проницательного наблюдателя не может остаться незамеченным не очень-то высокий уровень морали среди бизнесменов, рабочих и публицистов» [5, с. 39]. Разумеется, М. Новак считает такие взгляды ошибочными, но само упоминание подобных фактов чуть не привело к остракизму автора. Как писал Р. Д. Нейхауз, «почти весь цвет христианского интеллектуального истеблишмента, как католического, так и протестантского, занялся изгнанием еретика из своей среды» [6, с. 63]. Ф. А. фон Хайек ничего подобного себе не позволяет, собственно, он и использует эвфемизм для того, чтобы дистанцироваться от всех, кто в малейшей степени критически затрагивает тему противоречий капитализма. В их числе не только социалисты и марксисты, но и такие выдающиеся ученые, как А. Эйнштейн, М. Борн, Ж. Моно, Дж. Нидэм, Б. Рассел и др. Теоретико-методологические цели «манифеста» отходят на задний план по сравнению с задачами разоблачения «пагубной самонадеянности» интеллектуалов, «высокомерных притязаний разума» и т. п.

Заявив о своей приверженности «эволюционной эпистемологии», Ф. А. фон Хайек широко использует понятие цивилизации. Он говорит, что расширенный порядок есть основа «нашей цивилизации». Какая цивилизация имеется в виду – ни ее название, ни пространственно-временные границы, – в работе не указывается. Напомним, что термин «цивилизация» был введен в 1776 г. А. Фергюсоном и использован Л. Г. Морганом для периодизации человеческой истории. По Л. Г. Моргану, эра цивилизации начинается с изобретения алфавитного письма [7, с. 209]. И если воспользоваться классификацией А. Тойнби, о котором автор не упоминает, то под «нашей цивилизацией» можно понимать западно-христианскую [8, с. 518], т. е. отличную от православно-христианской и иных. Ей уже более 2000 лет, в то время как капитализму большинство ученых дают около 250 лет. Даже если его датировать со дня первой буржуазной революции в Нидерландах (осень 1566 г.), то получается лишь 445 лет, хотя до капитализма в веберовском (как рациональной организации труда) или хайековском смысле (как свободном рынке) было еще далеко. С точки зрения периодизации экономических учений, сменяющих друг друга и сосуществующих, очевидно, что при господстве в теории и практике меркантилизма (богатство – это деньги), протекционизма (защита национальной экономики от внешней конкуренции), физиократов (источник богатства – земля и труд на ней) экономическая жизнь определяется и регули-

руется государством, как бы его ни именовали: феодальным, азиатским, буржуазным. Свободный рынок и система невмешательства государства в его процессы стали возможны только на основе классической политэкономии. Работа А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» вышла в 1776 г., но понадобилось время на освоение новых идей. Так что расширенный порядок со всеми механизмами и экономическими категориями – «рента», «прибыль», «процент», «конкуренция» – не мог появиться ранее чем начало XIX в. Если с этого времени начинается отсчет «нашей цивилизации», то «эволюционная эпистемология» с глубокими заходами Ф. А. фон Хайека в историю человеческого общества оказывается в лучшем случае еще одним вариантом понимания истории. Не стоит забывать, что даже если термин «капитализм» появился позже термина «социализм» как его «естественный антоним», то на исторической арене социализм как общественный строй возник значительно позже.

В связи с этим заслуживают внимания исследования российского философа, историка и этнографа Ю. И. Семенова, посвященные азиатскому способу производства. По К. Марксу, такой способ производства характеризуется отсутствием частной собственности на средства производства, но вместе с тем в нем существовали эксплуатация, общественные классы и государство. Ю. И. Семенов видит разгадку тайны «азиатского способа производства» в том, что в нем формировался особый господствующий класс, так называемые *политаристы*, образующие корпоративную *политсистему* и особый *политарный* (греч. *politic* – государство) порядок. Он пишет: «Я пришел к выводу о том, что в СССР и других странах так называемого социалистического лагеря существовал не социализм, а неополитаризм» [9, с. 333]. К сожалению, этот вывод не рассматривался ни в наших внутренних дискуссиях на рубеже 1990-х гг., ни в критических работах Ф. А. фон Хайека, З. Бжезинского и других советологов. Лишь Дж. К. Гелбрейт оптимистично заметил: «Мне кажется, мы уже преодолели эпоху капитализма и социализма, вступая в эру прагматизма» [10, с. 278]. Безусловно, эти термины давно утратили и идеологическую остроту, и дихотомичность. Можно было бы согласиться с Ф. А. фон Хайеком в том, что «оба они ведут к недоразумениям и политическим перекосам» [1, с. 192], если бы он не требовал устранения одного – социализма – в пользу другого – капитализма. Характерно, что П. Э. Самуэльсон говорит о смешанной экономике и иллюстрирует ее природу на примере освоения атомной энергии. В США этот вид деятельности правительство поручило компании *General Electric*. П. С. Самуэльсон спрашивает: «Каким же будет в данном случае предпринимательство – частным или государственным?» и отвечает: «Оно будет частным лишь с той точки зрения, что рабочие находятся на службе компании,

а не являются государственными служащими. Но вместе с тем все средства вложены государством, и оно, конечно, контролирует важнейшие решения. <...> На этом примере можно убедиться, как мало подходят традиционные слова и понятия, признающие только “белое и черное” для описания “серого” характера нашей жизни» [11, с. 199].

Необходимо учитывать то, что наряду с наукой, анализирующей проблемы порядка, в том числе и того, который назван Ф. А. фон Хайеком расширенным, существует массовое сознание, включающее не только научные знания, но и идеологические, мифологические, игровые и другие модулы [12]. И именно в определенных компонентах массового сознания дихотомия «социализм – капитализм» сохраняется и воспроизводится: не только на постсоветском пространстве, но и в странах Латинской Америки, Азии, Африки. Представим довольно дискуссионные данные социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2007 г. Так, при ответе на вопрос: «Какой строй нам нужен?» 71 % респондентов выразили уверенность в том, что социализм имеет преимущества в вопросах социальной защиты, 46 % – поддержали идею возвращения социализма и лишь 20 % – ответили, что социализм вообще не подходит для России. На вопрос: «Какой тип социализма Вам больше нравится?» 20 % опрошенных выбрали шведскую модель, 12 % – тот

тип, который был в СССР, 6 % – китайский путь, 1 % – модель Северной Кореи [13]. Нет сомнения в том, что шведская модель по сравнению с неополитаризмом вообще не является социалистическим строем, как его представляет Ф. А. фон Хайек, но именно она воспринимается многими как «хорошее общество», если не в смысле идеала, то в плане минимизации недостатков и капитализма, и советского социализма. Ф. А. фон Хайек не учитывает эти особенности восприятия, по крайней мере, не приводит каких-либо эмпирических данных. Его не смущает, что сам эпитет «расширенный» (в других местах этой работы – «бесконечно растяжимый», «вторгающийся») невольно ассоциируется с экспансией, захватом и т. п. Он не дефинирует понятие «расширенный порядок», а использует остенсивное его описание, т. е. прием, сходный с определением через указание признаков предмета, по которым он может быть интуитивно отнесен к конкретному классу. То есть под расширенным порядком понимается идеализированная экономическая модель свободного рынка, выведенная путем абстрагирования от политики, идеологии и всей системы человеческих отношений, кроме реципрокных («ты – мне, я – тебе»). Но это и не веберовский «идеальный тип», для создания которого требуется выделить и усилить наиболее существенные эмпирические признаки объекта или явления.

Спонтанность как жизненный принцип расширенного порядка

Тезис о спонтанности расширенного порядка – один из центральных в аргументации Ф. А. фон Хайека. Фактически он выполняет в его работе роль исходной методологической предпосылки. Во введении он заявляет: «Для понимания нашей цивилизации необходимо уяснить, что этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определенным традиционным и главным образом моральным практикам» [1, с. 15]. Учитывая огромную смысловую нагрузку и полисемию термина «спонтанность», уточним его значения. Спонтанность (лат. *spontaneus* – самопроизвольность) понимается как: а) врожденные автоматизмы человеческого организма – глотание, сосание и т. п.; б) импульсивные реакции на внешнее воздействие – моргание, одергивание руки от горячего и др.; в) непреднамеренные действия и поступки (например, водитель отвлекся и создал аварийную ситуацию); г) действия на основе инсайта (озарения), догадки, наития, без предварительного обдумывания; д) процессы в любой системе, вызванные внутренними факторами без какого-либо вмешательства извне; е) эмерджентное (новоявленное) качество человеческих действий, благодаря которому могут возникать неожиданные следствия. Ф. А. фон Хайек

использует два последних значения термина, заменяя его иногда такими словами, как «стихийность», «бессознательность», т. е. подчеркивая отсутствие заранее поставленной цели. Действительно, эмерджентность результатов человеческих действий наиболее наглядно проявляется в процессах обмена, купли-продажи товаров. Как писал В. И. Ленин, крестьянин, продающий пшеницу, вовсе не думает о воспроизводстве капиталистических отношений, но он это делает.

Поскольку человек – существо разумное, т. е. способное к абстрактному мышлению (рефлексии, проектированию, счету в уме), то самой природой он предопределен к рациональным действиям. Неслучайно отсутствие сознательного начала в поведении, поступках и действиях индивида называют невменяемостью. Спонтанность, понимаемая как импульсивность, рефлекторность, аффективность, безотчетность, стереотипность, безусловно, присутствует в индивидуальном поведении и действиях, но не как доминанта, а скорее как эпифеномен. Всякое человеческое действие, даже самое монотонное, многократно повторяемое, эмерджентно, но не в смысле отсутствия цели, непреднамеренности, а по другим причинам. Во-первых, каждое следующее (по времени) действие осуществляется в новой, хоть в чем-то изменившейся ситуа-

ции. Во-вторых, оно всегда производит больше, чем один результат. И все, что больше, можно считать спонтанными, т. е. непреднамеренными, незапланированными, заранее неучтенными следствиями действия, но не самим действием. Это особенно характерно для массовых действий, в которых побочные эффекты могут, постепенно кумулируясь, превысить – в положительную или отрицательную сторону – то, ради чего предпринимались эти действия. Кстати, такой вывод следует из «всеобщего закона изменений» Г. Спенсера, согласно которому «каждая действующая сила производит больше, чем одно изменение, каждая причина вызывает больше, чем одно следствие». В неопределенной ситуации предсказать результат крайне сложно. Например, выигрывает на бегах тех, кто впервые посетил ипподром и сделал ставку. Но профессиональные игроки, как отмечает Д. Уэлш, стремятся получить необходимую информацию, «обладание которой сводит так называемую “рискованную” деятельность до уровня нормальной, рутинной, предсказуемой, т. е. рациональной деятельности» [14, с. 133].

Ф. А. фон Хайек доказывает, что спонтанно возникли такие феномены человеческой культуры, как язык, деньги, мораль, право. Безусловно, этот перечень можно продолжить, включив в него, например, государство (разве оно создано по чьему-либо проекту?) или семью, институты воспитания, образования и др. Более того, можно утверждать, что таким же путем появились и важнейшие технические достижения: колесо, рычаг, клин, способ добытия огня и т. д. Во всяком случае, патентов на эти изобретения никто не имеет. В результате, как нам представляется, Ф. А. фон Хайек допустил ошибку, известную в логике как «аргумент, который доказывает слишком много» [15, с. 406]. Действительно, применяя данный аргумент, придется согласиться, что и государство возникло спонтанно, а значит, оно или должно входить в расширенный порядок как его структурный элемент, или несовместимо с ним. Но в первом случае разрушается хайековская модель, а во втором – теоретическая схема отрывается от эмпирической реальности и превращается в голую абстракцию, ибо вне конкретных государств никогда не было и быть не может ни свободного рынка, ни рыночного порядка. В этом смысле прав

П. Э. Самуэльсон, заметивший: «Такова сама экономическая теория, утверждающая, что при условии последовательности и логичности приводимых доказательств все действительно существующее безусловно разумно» [11, с. 20]. Можно лишь добавить, по Г. В. Ф. Гегелю, что все разумное должно стать действительным, но с этим Ф. А. фон Хайек решительно не согласен. Он пишет: «Мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование “разуму”. Таким образом, цели социализма фактически недостижимы и программы его не выполнимы» [1, с. 17].

Но во-первых, эмпирически, как показал П. Э. Самуэльсон, даже в США существует смешанная экономика, а не чистый рынок с виртуальной совершенной конкуренцией, идеальным механизмом ценообразования и т. п. Во-вторых, в странах третьего мира давно уже существует рыночная экономика, однако их отставание от «золотого миллиарда» не сокращается, а растет. В-третьих, сегодняшний Китай с его невиданными темпами роста никак не вписывается в хайековскую концепцию расширенного порядка. В-четвертых, если шведская модель – это подлинный социализм, то значит, какие-то цели достижимы и программы выполнимы. Одним словом, не доказано, что различия в знаниях и богатстве обусловлены только расширенным порядком, а не, например, колониальными приобретениями многих стран в прошлом или несправедливой торговлей в настоящем. Что касается дефектов той централизованной экономики, которую имеет в виду Ф. А. фон Хайек, то обсуждать их сегодня уже нет смысла. Тем не менее и здесь черная краска неуместна, особенно в научном анализе. Все-таки социальная ориентированность экономики, трудовое законодательство, пенсионная система, социальная защита, оптимизация уровня неравенства доходов через систему перераспределения, коллективные договоры и многое другое – все это взято из социалистических учений и по-своему ассимилировано капитализмом. Тем более что определенные гуманистические установки социализма сохраняют свою привлекательность для значительной части населения.

Моральные устои расширенного порядка

Проблема морального уровня свободного рынка как основы основ расширенного порядка и сегодня остается дискуссионной. Более того, в ней выявляются некоторые новые грани и аспекты, связанные с проведением рыночных реформ в бывших социалистических странах или государствах третьего мира. Понятно, что свободный рынок – это надличностное образование, но его субъектами (активными движителями) выступают частные предприниматели,

они же являются и носителями соответствующих нравственных ценностей, духа капитализма, по М. Веберу. Характерно, что во всех мировых религиях содержится осуждение некоторых крайностей предпринимательской деятельности и рыночного поведения как неприемлемых с точки зрения религиозной морали. Так, социальная доктрина христианства изначально направлена против культа денег (маманизма), ростовщичества, алчности, богатства

как самоцели, символа превосходства, власти над людьми и т. д. «Горе вам, – сказано у Исаии, – прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Ис. 5:8.). Вместе с тем не всегда оправданная генерализация нравственных отклонений, присущих некоторым личностям, создавала атмосферу, препятствующую вовлечению в предпринимательскую деятельность. М. Вебер, объясняя «незначительное участие католиков в капиталистическом предпринимательстве» по сравнению с протестантами, писал: «Здесь налицо следующее причинное соотношение: *своеобразный склад психики, привитый воспитанием*, определяет выбор профессии и дальнейшее направление профессиональной деятельности» [4, с. 64]. Заметим, что М. Вебер не пытается интерпретировать этот факт (различие в предпринимательской активности), выявленный на основе статистических данных, в моральных категориях. Наоборот, он критикует В. Зомбарта, который «впрочем, как и Brentano, постоянно цитирует сочинения моралистов, характеризуя эти сочинения как кодификацию жизненных правил» [4, с. 208]. По его мнению, не мораль как таковая – католическая или протестантская – определяет участие/участие в предпринимательстве, а психологические стимулы, созданные религиозной верой и религиозной жизнью, которые задавали определенное направление жизненному строю индивида и заставляли строго держаться его. Со временем различия в мотивационных ориентациях на бизнес (коммерцию, предпринимательство) между католиками и протестантами, как и представителями других религий, ослабевали. Сегодня они мало заметны, особенно в странах со смешанным конфессиональным составом населения (США, Швейцария, Германия и др.). Но если так, то тем большее значение должны приобретать системные факторы по сравнению с религиозными, этническими, гендерными и др.

Как ни странно, для радикального ниспровергателя капитализма именно К. Маркс был первым, кто отказался от персонификации и моральных оценок капиталистов. В работе «Капитал» он отмечает: «С моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [4, с. 208].

Попытаемся в свете приведенных положений классиков социологии понять, почему Ф. А. фон Хайек столь большое внимание уделяет морали и какое место отводит ей в своем расширенном порядке. Ответ на первый вопрос очевиден: любой порядок человеческого общежития может быть прочным только в том случае, если он принят (легитимирован) людьми, т. е. не унижает, не оскверняет общепризнанные моральные нормы и ценности, не противоречит им. Ф. А. фон Хайек знает

и приводит многие критические суждения интеллектуалов о капитализме, осуждение его крайностей теологами. Но самое главное, что в то время, когда готовилась публикация (1970–80-е гг.), существовала социалистическая система, которая хоть и отставала по уровню экономического развития, но воспринималась многими как имеющая преимущества в социальной защите и духовно-нравственном измерении. Этого более чем достаточно, чтобы книга, называемая манифестом свободного рынка, ставила задачи, по замыслу автора, укрепления моральных устоев расширенного порядка.

Как мы уже отмечали, по логике Ф. А. фон Хайека, расширенный порядок возник спонтанно благодаря непреднамеренному следованию традиционным, прежде всего моральным, практикам. Какие это практики? Почему одни люди (народы) им следовали, а другие – нет? А может быть, столь же непреднамеренно придерживались других моральных практик? На эти вопросы и пытался дать ответы автор. Казалось бы, он должен в первую очередь обратиться к трудам М. Вебера. Полное игнорирование М. Вебера, кажущееся на первый взгляд простым пробелом в образовании экономиста, на самом деле неслучайно. Именно М. Вебер был первым, кто раскрыл роль протестантской этики (наряду с другими факторами) в формировании духа современного западного капитализма в отличие от таких его исторических форм, как авантюристический, спекулятивный, меркантилистский, грабительский и др. Логика его достаточно обоснована и, в принципе, не подвергается сомнению, оспариваются или уточняются лишь детали. Действительно, протестантизм, особенно кальвинизм и близкие к нему ветви, радикально перестроил стимуляционное поле, создал новый тип мотивации творческого отношения к труду, ввел представление о долге, чести, обязательности в деловых отношениях, соблюдение которых дает высшую для верующего человека психологическую награду – спасение души через служение профессии как призванию. Но М. Вебер, будучи выходцем из протестантской семьи (его мать – преданная кальвинистка), не считает это учение единственно возможным, правильным, универсальным, абсолютным, как это пытается доказать Ф. А. фон Хайек относительно свободного рынка. От человека оно потребовало невероятных усилий – аскетизма, дисциплины, трезвости, напряжения, трудового подвига и пр. Кроме того, оно реанимировало и переопределило библейский «двойной декрет»: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай» (Втор. 23:19). Святой Павел выбросил этот декрет из Нового Завета: «Нет уже ни Иудея, ни язычника» (Галл. 3:28). Теперь же люди вновь стали делиться на «своих» и «чужих», но не по этносу или вере, а как «избранные» и «отверженные». И в отношении к каждой из этих категорий узаконивались разные моральные стандарты. «Это учение, – писал М. Вебер, – в своей

патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*» [4, с. 142]. Тем самым на вопрос, как возник пресловутый западный индивидуализм, от которого сегодня они и сами хотели бы избавиться, М. Вебер дал однозначный ответ. Его вывод, особенно слова о внутреннем одиночестве и патетической бесчеловечности, слишком чувствителен и бесконечное число раз опровергался как христианскими богословами, так и теоретиками рыночного порядка. Ф. А. фон Хайек избрал косвенный вариант опровержения позиции М. Вебера. Прежде всего он доказывает, что мораль – это то, что находится *между инстинктом и разумом*. Механизмами координации «жизни в небольших кочующих отрядах или стадах» были, как он считает, «инстинкты солидарности и альтруизма, действовавшие внутри своей группы, но не распространявшиеся на чужие. <...> Дикарь не был одинок и по своим инстинктам являлся коллективистом» [1, с. 25]. (Читателю позволено догадаться, что и сегодняшний коллективист, где бы он ни жил, все тот же дикарь со своими атавистическими инстинктами альтруизма и солидарности). Все эти утверждения относительно инстинктов весьма спорны, если не поверхностны, в свете современного уровня знаний. Установлено (этнологами, антропологами, археологами), что в процессе становления человека и общества – антропосоциогенезе – были подавлены зоологические инстинкты: пищевой и половой (имеются в виду каннибализм и промискуитет). «Вначале, – по словам Ю. И. Семенова, – был подавлен и введен в социальные рамки первый, а значительно позднее и второй. Половой инстинкт был окончательно поставлен под социальный контроль с появлением экзогамии, рода и группового дуально-родового брака. Вместе с родом возник и *Homo Sapiens*» [9, с. 329–330]. Специально организованные в целях решения вопроса об инстинктах исследования показали, что у человека нет инстинктов как генетических программ повеления [16, с. 63]. А. Маслоу писал: «Из всех психологических составляющих человеческого поведения только *мотивы* или *базовые потребности* могут считаться врожденными или биологически обусловленными (если не всецело, то хотя бы в определенной степени)» [17, с. 133]. Тем более некорректно относить солидарность и альтруизм к инстинктам.

В классическом исследовании типов солидарности Э. Дюркгейм рассматривал ее как моральное чувство (механическая солидарность) и как показатель сплоченности общества, его интегратор (органическая солидарность). Механическая солидарность в архаическом обществе – это не коллективизм, а только вынужденное силой обстоятельств агрегирование индивидов. Необходимой предпо-

сылкой коллективизма является разделение труда и возникающие на его основе формы кооперации и добровольной ассоциации независимых индивидов (групп). О том, что это состояние не атавизм и не пережиток прошлого, хорошо сказал Т. де Шарден: «Для человека нет будущего, ожидаемого в результате эволюции, вне его объединения с другими людьми. Вчерашние мечтатели это смутно предвидели» [18, с. 195]. Среди «мечтателей» не только те, кого называет Ф. А. фон Хайек, но и, например, князь П. А. Кропоткин, решительно выступивший против переноса на общество дарвиновских категорий, таких как «отбор», «борьба за существование», «выживание сильнейших» и проч., и академик В. И. Вернадский, критиковавший рыночную модель М. Фридмана, изложенную в книге «Капитализм и свобода» (аналогичную хайековской) с планетарных высот ноосферной методологии.

Что касается альтруизма как способности подумывать о другом, а не только о себе, проявить бескорыстную заботу и поддержку, то это вообще одно из высших человеческих чувств, присущее – увы – далеко не всем представителям частного предпринимательства, бизнес-элит и др. В период праобщества, о котором говорит Ф. А. фон Хайек (человеческое стадо, кочующий отряд), малейшие проявления альтруизма шли вразрез с инстинктом выживания. Стоит задуматься, зачем они (первобытные люди) однажды стали кормить своих иждивенцев (стариков, больных, покалеченных), хоронить своих погибших соплеменников, ведь на все это уходило и время, и скудные запасы пищи. Слова А. С. Пушкина: «Духовной жаждою томим...» – как раз о началах альтруизма, а также об истоках морали. Почти по А. С. Пушкину объяснял появление *homo sapiens* Т. де Шарден: «Поверх неандертальцев оказывается *homo sapiens*, совершивший внезапное нашествие, подгоняемый действием климата или *душевным беспокойством*» (курсив наш. – С. III.) [18, с. 162]. Неандертальцы, у которых все исследователи отмечают «наличие пламени настоящего разума» [18, с. 163], оказались тупиковой ветвью, в том числе и потому, что им показалось избыточной забота о других, о тех, кто стал «неэффективным».

Ф. А. фон Хайек многократно цитирует следующее высказывание Д. Юма: «Правила морали не являются заключениями нашего разума» [19, с. 604], подчеркивая, что замечание шотландского философа «будет играть главную роль в этой книге» [1, с. 20]. Обратим внимание, что у Д. Юма разум – это не творческий, поисковый тип мышления, а классифицирующий, т. е. рассудок, по терминологии И. Канта. Отсюда и вывод о том, что «разум сам по себе неактивен», «совершенно инертен» и, следовательно, никак не может быть основанием того, что активно, т. е. аффектов, чувств, действий. Утверждение, согласно которому моральные характеристики проистекают не из разума, а из чувства (А. Шефтсбери),

использовалось Д. Юмом двойко. Во-первых, для скрытого опровержения клерикальных концепций морали как данной человеку в готовом виде божественным разумом. Во-вторых, для объявления морально положительным принципа частной собственности, поскольку его незыблемость вызывает у всех людей приятное чувство уверенности в будущем. С точки зрения разума, с этим многие могли бы не согласиться, например жертвы печально знаменитых «огораживаний», когда «овцы поели людей», или изгнанные со своих земель индейцы, или – уже в наши дни – оставшиеся ни с чем владельцы так называемых ваучеров, вкладчики сбербанка и т. п. Разум допускает такие сомнения, а вот с чувствами не поспоришь: у одного они такие, у другого – иные. Характерно и то, что Д. Юм, по словам И. С. Нарско-го, «оперирует своеобразным набором аффектов и, соответственно, этических категорий. Среди них отсутствуют долг, совесть, счастье и т. д.» [20, с. 54].

Мораль, как и все другие формы общественного сознания, возникла исторически, но дифференцировать и свести к одному все ее источники невозможно. Что, например, породило запрет инцеста как моральную норму и экзогамию как форму брака? Можно предположить, что люди осознали опасность инбридинга (кровосмешения) для потомства, а может быть, возникали какие-то чувства отталкивания, антипатии и т. п. или действовали иррациональные, мистические, эзотерические, даже космические факторы – строго научного ответа на эти вопросы нет. Безусловно, верно, что никакой разум – ни божественный, ни коллективный, ни личностный – не мог дать одномоментно хотя бы одну моральную норму в законченной форме. К тому же в процессе изменения условий жизни неизбежны уточнения, модернизация, развитие, в том числе и отказ от устаревших норм. Можно вспомнить, что моральный кодекс строителей коммунизма не оказал решительного влияния на общественные нравы, хотя формулировал не нормы поведения, а лишь общие принципы и в значительной мере опирался на народные обычаи, включая религиозные.

Однако верно и другое: ничто явно неразумное не может утвердить себя в качестве всеобщего морального принципа, нормы, правила поведения. Рациональное зерно присутствует и в самых древних известных табу (для той общности, которой они касаются), и в религиозных заповедях, и в самых простых этикетных правилах, включенных в культуру поведения того или иного народа. Одним словом, критика Ф. А. фон Хайеком самонадеянности разума в сфере морали не вполне логична, тем более не понятна переадресация завышенных притязаний разума интеллектуалам или социалистам. Моральные ошибки, грехи, даже преступления допускали многие: конкистадоры и пилигримы (отцы-

основатели США), работоторговцы и миссионеры, О. Кромвель и М. Робеспьер, республиканцы и монархисты (например, в Испании), либералы и социалисты. Ленинский тезис: «Нравственно все то, что служит делу революции», конечно, дезориентировал молодежь, но он меркнет перед inferнальным девизом Гитлера: «Солдаты, я освобождаю вас от химеры, называемой совестью». Критика имморализма была бы полезной и конструктивной в плане социального порядка. Но она, очевидно, не входила в замысел Ф. А. фон Хайека, т. е. не соответствовала сверхзадаче манифеста – утверждения и обожествления, увековечения и глобализации расширенного порядка. На деле это обернулось фетишизацией свободного рынка как системы *laissez faire*. «Обнаружить исток такого необыкновенного порядка, – заявляет автор, – значит обнаружить и понять постепенно вырабатывающиеся правила человеческого поведения (особенно касающиеся честности, договоров, частной собственности, обмена, торговли, конкуренции, прибыли и частной жизни)» [1, с. 25–26]. В приведенном перечне только честность является моральным качеством личности, отражающим нравственные требования к поведению, остальное, можно сказать, «из другой оперы» и никакого отношения к нравственным правилам поведения не имеет. Все эти институты (частная собственность, семья, договор), виды деятельности (обмен, торговля), рыночные механизмы (конкуренция, прибыль) еще необходимо наполнить моральным содержанием в смысле «должного», а главное, каким-то образом обеспечить их легитимность, без чего они останутся пустой формой. Соблюдение норм, прежде всего моральных, но также и социальных, правовых, технологических, экологических, техники безопасности, сангигиены и др. – это и есть центральная проблема порядка, как бы он ни назывался. Т. Гоббс делал ставку на принуждение, право на которое подданные (граждане страны) делегируют государству и его органам. В теории Т. Парсонса эту роль выполняет интернализация норм и ценностей в процессе обучения и социализации, дополняемая социальным контролем за отклоняющимся поведением. В системе расширенного порядка как в идеализации свободного рынка не требуется никакого внешнего принуждения (государственного вмешательства); самонастройку процессов и институтов должны обеспечивать автоматические рыночные механизмы – «невидимая рука рынка», по А. Смиту. Классическая формула А. Смита звучит так: «Мы уверены в обеде не потому, что рассчитываем на расположение мясника, пивовара или хлебопека, а потому, что уверены: они будут действовать в соответствии со своими личными интересами. Мы рассчитываем не на их гуманность, а на их эгоизм и никогда не говорим им о наших потребностях, но всегда об их выгоде» [21, с. 14].

В период перестройки эти слова часто приводились некоторыми реформаторами в подтверждение того, что экономика свободна от моральных оценок, мол, что эффективно, то и морально. Ф. А. фон Хайек, однако, не приводит эти слова, хотя на А. Смита ссылается часто. Ведь то, что описывает А. Смит, это еще не капитализм, а лишь сцепление и некоторая координация интересов мелких собственников, ремесленников. Они не могут обманывать друг друга, ибо сама атмосфера их жизни моральна – в религиозном и светском смысле слова; они выступают друг перед другом как априори нравственные лица – личности. Ф. А. фон Хайек же имеет в виду иное время, образно говоря, ту форму жизни, при которой они (мелкие собственники) стали владельцами многих предприятий, на которых заняты тысячи наемных работников, а рынки сбыта вышли за пределы своей ойкумены, создав анонимных потребителей и т. д. В этих условиях объективно возможно все: обман, подкуп, дискредитация, воровство секретов фирмы. Конкуренция становится несовершенной и для того, чтобы не плодить «пауков в банке», чтобы охранные службы частных компаний, численность которых сопоставима, например в современной России, с органами милиции, не перебили друг друга, чтобы сохранить стимулирующие эффекты состязательности по правилам *fair play* (чистой игры). Необходим внешний контроль, который должен пресекать все эти слияния и поглощения, монополизацию и доминирование, лоббирование и подкуп. Ни одна страна не может отказаться от регулирования конкуренции, что само по себе опровергает тезис об идеальной самонастройке рыночных механизмов.

Ф. А. фон Хайек признает, что ко многим из моральных практик «люди испытывают неприязнь, осознать их важность они обычно не в состоянии, доказать их ценность неспособны» [1, с. 15]. Далее он говорит о «неохотном, вынужденном, даже болезненном привитии таких практик» [1, с. 15]. Что это значит в свете парадигмы спонтанности расширенного порядка, почему люди не только исполняли то, что им неприятно и болезненно, но сохраняли и передавали по эстафете поколений, понять трудно. Заметим, обращаясь к К. Марксу, что он не только бичевал капитализм, но одним из первых выделил и показал его цивилизационные функции, такие как устранение остатков феодализма, освобождение работника от крепостной зависимости, рациональная организация труда, промышленная революция и иные, в том числе и *дисциплинирование персонала*. Ф. А. фон Хайек об этом говорит невнятно, предпочитая обсуждать роль подражания, традиций, добровольного сотрудничества. Тем не менее он признает: «Конфликт между тем, что инстинктивно нравится, и прививаемыми правилами поведения, позволившими людям увеличить свою числен-

ность, – конфликт, возникающий из-за дисциплины, диктуемой “репрессивными или запретительными традициями морали” (выражение Д. Т. Кемпбелла) – это, пожалуй, главная тема истории цивилизации» (курсив наш. – С. Ш.) [1, с. 36].

На наш взгляд, данное объяснение с намеками на психоанализ трудно признать основательным. Скажем, крестьянин-единоличник или современный фермер принуждаются самими естественными условиями выполнять все полевые работы – пахать, сеять, убирать – быстро и качественно, но никаких конфликтов, ни с природой, ни с моралью, у них не возникает, хотя работать приходится от зари до зари. Капиталистическое дисциплинирование – это явление совершенно иной природы. Неслучайно аналитики не могли понять, как Запад с его декларациями прав и свобод человека сумел создать и поддерживать на каждом рабочем месте, во всех жизненных проявлениях человека такую дисциплину, которая была просто немислимой в СССР, несмотря на мощный контрольный аппарат и жесткие санкции за нарушения. Секрет прост. И он, конечно, известен Ф. А. фон Хайеку. Расширенный порядок поддерживается тем, что ставит индивида перед экзистенциальным выбором: или ты выполняешь точно, быстро и качественно то, что от тебя требуется, или лишаешься средств к жизни. За рационализацию – премия, за отклонение – благодарность (без угроз, оскорблений, проработок на собраниях, как в фильме «Афоня») и статус безработного. Вряд ли можно в такой дисциплине усмотреть борьбу инстинктов или моральные конфликты. Если работодатель объявляет локаут (закрытие предприятия и увольнение персонала) в ответ на требование повышения заработной платы или улучшения условий труда, то возникает трудовой конфликт как столкновение интересов и отражающих их позиций. С этой точки зрения более понятна настойчивость в защите либерального требования невмешательства государства в экономическую жизнь. Прежде всего нужно учесть, что все достигнутое в области трудового законодательства за несколько веков – от продолжительности рабочего дня до минимальной почасовой оплаты – воспетые А. Смитом субъекты рынка (мясник, пивовар, хлебопек и т. д.) отменили бы в один день, если бы государство действительно устранилось от регулирования трудовых отношений. Аналогичная ситуация – и в сфере ценообразования: свободные рыночные цены на многие товары и услуги, которые необходимы для жизнеобеспечения и в то же время не могут быть заменены другими (лекарства, коммунальные услуги и т. д.), взлетят до того уровня, который допустим не с точки зрения спроса и предложения, а ограничен только угрозой новой революции. П. Э. Самуэльсон относительно США отмечает: «Цены имеют все больше повыша-

тельную тенденцию, и после Второй мировой войны не было падения цен» [11, с. 331].

По Ф. А. фон Хайеку, главное преимущество свободного рынка в том, что он «сделал возможным передачу не бесконечного множества сообщений о конкретных фактах, а всего лишь информацию о конкурентных ценах, которые должны быть приведены во взаимное соответствие для достижения всеобщего порядка. <...> Поражает само существование такого механизма» [1, с. 152]. Позиция П. Э. Самуэльсона более сдержанная. Он предостерегает как от «предположений о хаотичности действия механизма цен», так и от его абсолютизации. «Однако, – подчеркивает П. Э. Самуэльсон, – не следовало бы впадать в противоположную крайность, уверовав в высшее совершенство механизма ценообразования, поддавшись его чарам и видя в нем только воплощение высшей, предопределенной и неподвластной человеку гармонии» [11, с. 48].

В целом расширенный порядок Ф. А. фон Хайека оказывается весьма абстрактной схемой рыночных отношений, находящейся вне времени и пространства. В ней доведены до крайности некоторые, безусловно правильные, послышки о «свободном рынке», «честной конкуренции», «идеальном механизме цен» и др. Он высмеивает диссертацию, в которой доказывалось, что «категория частной справедливости, пожалуй, существует» [1, с. 203]. Но его «идея частных денег» шокировала даже самых ортодоксальных либералов. По ключевым вопросам с хайековским рыночным фундаментализмом не согласен П. Э. Самуэльсон. Дж. Сорос также

признал, что рынок, способствуя обмену товарами и услугами, идеально подходит для создания частных богатств, но сам по себе не может обеспечить даже поддержание самих рыночных механизмов, не говоря уже об общественных благах, эффективном государственном управлении, правовой системе, безопасности и проч. [22]. Существует много определений понятия «рынок», но все они так или иначе рассматривают его как форму организации и функционирования экономики, т. е. относят только к одной из подсистем общества. И если бы даже в ней был возможен расширенный порядок, то распространить его на все общество, включая политику, идеологию, культуру, мораль, религию, личностные отношения, и невозможно, и крайне опасно. Все-таки народная мудрость права: за деньги не купишь здоровье, любовь, мастерство, знание. Ф. А. фон Хайек странным образом препарировал общечеловеческую мораль, подгоняя ее под свою модель расширенного порядка. Прежде всего он отбрасывает альтруизм и солидарность, затем расправляется с социальной справедливостью, высмеивает христианскую максиму любви к ближнему, абстрагируется, вслед за Д. Юмом, от понятий «долг» и «совесть». В конечном счете в качестве «благоприобретенных нравственных правил», адекватных свободному рынку, оказываются бережливость и уважение к частной собственности. Трудно согласиться с тем, что здание человеческой морали возведено на фундаменте собственности, по крайней мере, во всех мировых религиях мораль основывается на других критериях.

Библиографические ссылки

1. Хайек фон Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
2. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики : в 3 т. М., 1949. Т. III.
4. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.
5. Новак М. Дух демократического капитализма. М., 1997.
6. Нейхауз Р. Д. Бизнес и Евангелие. М., 1994.
7. Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура / под. общ. ред. Ю. В. Бромбея и Г. Штробахы. М., 1997.
8. Тойнби А. Постигание истории. М., 1992.
9. Интервью с профессором Ю. И. Семеновым // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. Вып. 4. С. 322–340.
10. Гелбрейт Дж. К. Мы уже преодолеваем эпоху капитализма и социализма // Трудный переход к рынку / под. ред. Л. И. Абалкина. М., 1990. С. 273–277.
11. Самуэльсон П. Э. Экономика : ввод. курс : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
12. Коршунов Г. П. Модельный подход к изучению социальной мифологии в структуре массового сознания // Социология. 2006. № 3. С. 81–85.
13. Социализм в России: возможен ли он? И нужен ли? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=4243> (дата обращения: 20.12.2016).
14. Уэли Д. Функционализм и теория систем // Новые направления социологической теории / под ред. Г. В. Осипова. М., 1978. С. 136–137.
15. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М., 1994.
16. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
17. Маслоу А. Г. Мотивация личности : пер. с англ. СПб., 2001.
18. Де Шарден Т. Феномен человека : пер. с фр. М., 1997.
19. Юм Д. Сочинения : в 2 т. М., 1966. Т. 1.
20. Нарский И. С. Давид Юм и его философия // Д. Юм. Сочинения : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 24–25.
21. Смит А. Исследование о природе и причине богатства народов. М., 1989.
22. Сорос Дж. 47 тезисов о глобализации // Вестн. Европы. 2001. № 2. С. 56–78.

References

1. Khaiek F. A. Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma. Moscow, 1992 (in Russ.).
2. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. Moscow, 2002 (in Russ.).
3. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekongomiki : in III vol. Moscow, 1949. Vol. III (in Russ.).
4. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. Moscow, 1990 (in Russ.).
5. Novak M. Dukh demokraticeskogo kapitalizma. Moscow, 1997 (in Russ.).
6. Neikhauz R. D. Biznes i Evangelie. Moscow, 1994 (in Russ.).
7. Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i sotsionormativnaya kul'tura. Moscow, 1997 (in Russ.).
8. Toinbi A. Postizhenie istorii. Moscow, 1992 (in Russ.).
9. Interv'y u s professorom Yu. I. Semenovym. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2004. Vol. 6, issue 4. P. 322–340 (in Russ.).
10. Gelbreit Dzh. K. My uzhe preodolevaem epokhu kapitalizma i sotsializma. *Trudnyi perekhod k rynku*. Moscow, 1990. P. 273–277 (in Russ.).
11. Samuel'son P. E. *Ekonomika* : in 2 vol. Moscow, 1993. Vol. 1 (in Russ.).
12. Korshunov G. P. Model'nyi podkhod k izucheniyu sotsial'noi mifologii v strukture massovogo soznaniya. *Sotsiologiya*. 2006. No. 3. P. 81–85 (in Russ.).
13. Sotsializm v Rossii : vozmozen li on? Nuzhen li? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=4243> (date of access: 20.12.2016 (in Russ.)).
14. Uelsh D. Funktsionalizm i teoriya sistem. *Novye napravleniya sotsiologicheskoi teorii*. Moscow, 1978. P. 136–137 (in Russ.).
15. Voishvillo E. K., Degtyarev M. G. *Logika*. Moscow, 1994 (in Russ.).
16. Shchepan'skii Ya. *Elementarnye ponyatiya sotsiologii*. Moscow, 1969 (in Russ.).
17. Maslou A. G. *Motivatsiya lichnosti*. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
18. De Sharden T. *Fenomen cheloveka*. Moscow, 1997 (in Russ.).
19. Yum D. *Sochineniya* : in 2 vol. Vol. 1. Moscow, 1966 (in Russ.).
20. Narskii I. P. David Yum i ego filosofiya. *Yum. D. Sochineniya* : in 2 vol. Moscow, 1966. Vol. 1. P. 24–25 (in Russ.).
21. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichine bogatstva narodov*. Moscow, 1989 (in Russ.).
22. Soros Dzh. 47 tezisov o globalizatsii. *Vestn. Evropy*. 2001. No. 2. P. 56–78 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 25.01.2017.
Received by editorial board 25.01.2017.

УДК 316.253+316.7

К ОБОСНОВАНИЮ ДЮРКГЕЙМИАНСКОЙ ПРОГРАММЫ В СОВРЕМЕННЫХ *MEMORY STUDIES*: КОММЕМОРАТИВНЫЙ РИТУАЛ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПАМЯТИ

И. С. СУЛЬЖИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Посвящена рассмотрению важности языка дюркгеймианской социологии для современных *memory studies*. Указывается на то, что тематика прошлого может раскрываться в дюркгеймианском проекте социальной эпистемологии и социологии знания, в рамках которой эпистемологический аргумент Э. Дюркгейма используется при обращении к понятию времени как категории понимания и феномену коммеморативных ритуалов. Показано, что ускорение темпов общественной жизни и распад единой временной перспективы приводят к появлению так называемых новых племен, а значит, и множественности темпоральных режимов. Рассмотрены возможности экспликации положений дюркгеймианской социологии знания в теоретическую рамку *memory studies*, а также особенности концептуализации понятий «коллективные представления» и «сакральное». Особое внимание уделено феноменам амбивалентности сакрального и трансгрессии. Предлагается возможная теоретическая модель, в которой коллективная память представлена как особо значимые коллективные представления о прошлом (сакральное), производимые в коммеморативных практиках и обладающие внутренней бинарной логикой и причиняющей силой.

Ключевые слова: коллективная память; Э. Дюркгейм; амбивалентность сакрального; коммеморативный ритуал; время; коллективные представления.

ON THE JUSTIFICATION OF DURKHEIMIAN PROGRAM IN CONTEMPORARY *MEMORY STUDIES*: COMMEMORATIVE RITUAL AND THE AMBIGUITY OF THE MEMORY

I. S. SULZHYTSKI^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article considers the importance of Durkheim's sociology language to contemporary memory studies. It is indicated that the theme of past can be disclosed in the Durkheim's project of social epistemology and the sociology of knowledge. In this case Durkheim's epistemological argument can be used when referring to the concept of time and understanding the phenomenon and commemorative rituals. It is shown that the acceleration of social life and the collapse of the temporal perspective gives rise to the so-called «Neo-tribes», that hence the multiplicity of time. Further, the article discusses the possibility of explication of the main provisions of Durkheim's sociology of knowledge in the theoretical frame of memory studies, as well as the features of the conceptualization of such concepts as collective representations and sacred. Particular attention is paid to the phenomenon of the ambiguity of the sacred and transgression. In the conclusions is suggested the possible theoretical model in which collective memory is presented as a very significant collective representations of the past (the sacred), that are produced in commemorative practices and have internal binary logic and causality power.

Key words: collective memory; E. Durkheim; the ambiguity of the sacred; commemorative ritual; time; collective representations.

Образец цитирования:

Сульжицкий И. С. К обоснованию дюркгеймианской программы в современных *memory studies*: коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 64–72.

For citation:

Sulzhytski I. S. On the justification of Durkheimian program in contemporary *memory studies*: commemorative ritual and the ambiguity of the memory. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 64–72 (in Russ.).

Автор:

Илья Станиславович Сульжицкий – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов.

Author:

Ilya Sulzhytski, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
ilya_sulzhickiy@mail.ru

Введение

Характер социологического теоретизирования на современном этапе развития науки предполагает выстраивание исследовательской логики поверх непрочных дисциплинарных и предметных границ, иллюстрацией чего могут служить различные повороты современной социологии, среди которых выделяются прагматический (Л. Болтански и Л. Тевено), культурный (Дж. Александер), поворот к материальному (Б. Латур, М. Каллон) и др.

Поворот к памяти, который, по словам Н. В. Романовского, «был подготовлен теоретически, методологически, в эмпирике, институциональной составляющей общественной (публичной) ролью социологии» [1, с. 14], успешно вписывается в обозначенную трансдисциплинарную логику. Конкретизируя актуальность мемориальных исследований для социологии, Е. Ю. Рождественская и В. В. Семенова отмечают: «Социологический интерес к феномену памяти с позиции “настоящего” продиктован поиском механизмов, порождающих и поддерживающих социальность» [2, с. 28]. Подобное внимание к вопросам коллективной памяти со стороны не только социологии, но и других дисциплин (истории, культурологии и психологии) привело к созданию нового исследовательского направления, получившего название *memory studies*. С 2008 г. начался выпуск одноименного международного журнала. Несмотря на институализацию и популярность этого исследовательского направления, само понятие «коллективная память» остается в достаточной мере размытым. Дж. Олик указывает на то, что данный термин является скорее экспликацией определенной исследовательской установки и способа восприятия ряда социальных явлений [3]. Решением данной проблемы видится уточнение парадигмальных границ современных *memory studies*.

Возможным теоретическим языком, позволяющим приблизиться к пониманию феномена коллективной памяти, на наш взгляд, оказывается язык дюркгеймианской социологии. Апелляция к наследию Э. Дюркгейма и его школы в лице М. Хальбвакса является общим местом большинства исследователей. Подтверждение этому можно обнаружить, например, у С. Гинсбургера, которая показывает, что М. Хальбвакс по сей день остается наиболее цитируемым автором в области *memory studies* [4]. Во многом это подкреплено тем, что именно М. Хальбвакс ввел в научный оборот понятие «коллективная память» [5; 6], а его произведения до сих пор фундируют исследования в данной области. Между тем непосредственно наследию Э. Дюркгейма уделяется сравнительно мало внимания. Публикации по указанной проблематике чаще всего ограничиваются упоминанием мысли-

теля как одного из основателей социологического направления, связанного с изучением памяти, прежде всего через обращение к таким категориям, как солидарность и коллективные представления. Для отечественной и российской социологии значение проекта позднего Э. Дюркгейма остается нераскрытым еще и потому, что одна из ключевых работ французского мыслителя – «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» – до сих пор до конца не переведена на русский язык.

Несмотря на это, некоторые успешные попытки пролить свет на значимость данного труда для *memory studies* уже предпринимались рядом российских исследователей. Так, А. Г. Васильев использует дюркгеймианскую традицию для того, чтобы увидеть «*memory studies* до *memory studies*» [7, с. 145], ретроспективно восстановив наследие классика применительно к проблематике памяти. А. Б. Гофман рассматривает творчество мыслителя в контексте изучения феномена традиции [8].

Среди англоязычных авторов можно отметить Б. Мишталь, одна из работ которой всецело посвящена значению социологического проекта Э. Дюркгейма для современных *memory studies* [9]. В свою очередь, представитель Оксфордского центра дюркгеймианских исследований У. В. Миллер рассматривает коллективную память в контексте социального происхождения категории времени, описанного в «Элементарных формах...» [10]. С другой стороны, итальянские исследователи Л. Мильорати и Л. Мори связывают социологию Э. Дюркгейма с линией изучения коммеморативных (мемориальных) практик [11]. Также нам хочется выделить хрестоматию Дж. Олика, посвященную коллективной памяти, в которой содержатся фрагменты из работы «Элементарные формы...» [12].

Культуросоциологическое направление, представленное Дж. Александером, Р. Айерманом и другими социологами и испытавшее на себе сильнейшее влияние работ позднего Э. Дюркгейма, позволяет по-новому взглянуть на предметную область *memory studies* с позиции изучения культурной травмы и коллективной идентичности [13–16].

С учетом сказанного попытаемся рассмотреть представленные в «Элементарных формах...» исследовательские интуиции в контексте современных *memory studies*. Отметим также, что тематика прошлого дополнительно раскрывается в дюркгеймианском проекте социальной эпистемологии (через обращение к феномену коммеморативных ритуалов и понятию времени как категории) и социологии знания (через обращение к коллективным представлениям и феномену сакрального).

Эпистемологический аргумент Э. Дюркгейма: коммеморативный ритуал и категория времени

Одна из центральных проблем, которую поднимает Э. Дюркгейм в «Элементарных формах...», отсылает нас к его проекту социальной эпистемологии. Критикуя современные ему эмпиризм Д. Юма и априоризм И. Канта, Э. Дюркгейм пытается отыскать социальные основания таких категорий мышления, как время, пространство, классификация, сила, причинность и всеобщность. Причины, по которым Э. Дюркгейм обратился к изучению категорий мышления, проявляются более отчетливо, если подойти к этому вопросу с точки зрения его трактовки социальных институтов, среди которых он выделял непосредственно социальные (образование, религия, правительство) и логические (категории, концепты, схемы мышления, идеи) [17]. Позитивистский взгляд, ставящий в центр внимания функции социальных институтов, которые они выполняют в обществе, стал для социологии доминирующим. Второй подход, который не получил такого широкого распространения (чему в достаточной мере способствовала критика Т. Парсонсом позднего Э. Дюркгейма), представлял социологию следующим образом: «...наука о логических институтах, стремящаяся продемонстрировать то, что категории мышления исходят из общественной жизни и что такое знание является по своей природе социальным»¹ [17, р. 9]. Другими словами, социология должна установить, каким образом коллективные представления и категории способны влиять на индивидуальное сознание.

В итоге рассмотрение Э. Дюркгеймом природы основных категорий мышления легло в основу его так называемого эпистемологического аргумента, который видится как «самый важный и самый недопонятый его аргумент» [18, с. 84]. Эпистемологический проект Э. Дюркгейма получил свое развитие в «Элементарных формах...», частично – в работе «Прагматизм и социология» и немного ранее в совместном с М. Моссом эссе «О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений». В последней работе Э. Дюркгейм и М. Мосс впервые обосновали идею о социальном происхождении базовых категорий мышления, означающую, что основным субъектом познания становится общество в противовес индивиду. В свою очередь, категории «соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей. Они представляют собой как бы прочные рамки, охватывающие мышление. Последнее не может освободиться от них, не подвергнувшись разрушению» [19, с. 185]. Данная позиция отчетливо проявляется при обращении к проблеме класси-

фикации. В своем эссе Э. Дюркгейм и М. Мосс указали на историчность и социальную укорененность способности к классификации, где люди «классифицировали вещи, потому что были распределены по кланам» [20, с. 68], т. е. социальные отношения между людьми легли в основу логических отношений между вещами. Подобная позиция означала, что «классифицировать, объединять предметы в группы по сходствам и различиям, соотносить, следуя принципу иерархии, на деле является результатом длительного социально-исторического процесса формирования познавательных возможностей» [21, с. 37].

В дальнейшем эти положения получили более подробное обоснование в «Элементарных формах...», где Э. Дюркгейм изложил свой проект социальной эпистемологии с позиций социомпиризма [18; 22]. Французский социолог связывал происхождение основных категорий мышления с «конкретными эмпирическими деталями исполняемых практик» [18, с. 84]. Э. Роуз раскрывает эпистемологический аргумент Э. Дюркгейма на примере категории классификации через ряд основных положений:

1) «способность воспринимать сходство и различие в грубых категориях, не имеющих эмпирической достоверности, это способность, общая для людей и животных» [18, с. 107];

2) «развитие социальных систем классификаций, или “космологий”, происходит в соответствии с делениями в социальных отношениях» [18, с. 107]. Данные системы являются предметом изучения социологии знания;

3) «категория классификации возникает вследствие прямого восприятия моральной силы при исполнении тех практик, которые создают бинарные отношения сакрального и профанного» [18, с. 107]. В данном случае указанная формулировка и является частью эпистемологического аргумента, где происхождение категорий имеет эмпирическую достоверность через связь с совместными практиками (ритуалами).

Ритуальный характер организации прошлого конкретизируется при рассмотрении так называемых коммеморативных ритуалов. Для Э. Дюркгейма прошлое играет существенную роль в укреплении групповой идентичности и солидарности. «Степень солидарности группы <...> зависит от мифических свойств коллективных воспоминаний, в особенности от их способности оживить энергию и пробуждать эмоции», – отмечает Б. Миштал [9, р. 125]. Общие верования, традиции, вос-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. С.

поминания о великом предке, миф об общем происхождении – все это является частью коллективной памяти. Прошлое реактуализируется и воспроизводится в коммеморативных ритуалах, не имеющих под собой никакого прагматического основания и проводящихся в целях «оживления» мифических событий, пробуждения «определенных идей и чувств, связывания настоящего с прошлым, индивида с коллективом. Они (обряды. – И. С.) не только не могут служить иным целям, сами их участники не требуют от них ничего иного» [23, р. 377]. В качестве примера коммеморативных ритуалов Э. Дюркгейм приводил ритуал племени *Warramunga* в честь змея *Wollunqua*, где эпизоды из жизни мифического змея воспроизводились исключительно в целях закрепления их в памяти. «Прошлое представлено здесь просто ради его репрезентации и более сильной фиксации в сознании, в то время как никакого определенного воздействия над природой от самого обряда не ожидается», – отмечает Э. Дюркгейм [23, р. 376]. Прошлое является неотъемлемой частью коллективных представлений, выступает как основание солидарности и моральной сплоченности племени и за счет этого способно влиять на настоящее. Прошлое и память не только воспроизводятся в коммеморативных ритуалах, но и присутствует в языке и культуре [9].

Более того, Э. Дюркгейм одним из первых конкретно указал на то, что не только репрезентации прошлого, но и сама категория времени имеет свое происхождение именно в обществе: «...необходимые ориентиры, в соответствии с которыми любые вещи классифицируются во времени, взяты из социальной жизни. Деления на дни, недели, месяцы, годы и т. д. соответствуют периодичности обрядов, праздников, общественных церемоний. Календарь выражает ритм коллективной деятельности, и в то же время его функция состоит в том, чтобы обеспечивать ее упорядоченный характер» [19, с. 187]. В «Элементарных формах...» обосновывается идея социального времени, что означает наличие связи между различными социальными общностями и теми способами, с помощью которых члены каждого конкретного сообщества структурировали свое групповое прошлое. «Категория же времени, наоборот, выражает время, общее для всей группы, социальное время. <...> Она сама по себе представляет собой настоящий социальный институт», – резюмирует Э. Дюркгейм [19, с. 187]. Человеческое восприятие времени не является в полной мере результатом лишь индивидуального опыта и имеет свое основание в социальном взаимодействии и практиках. То, что А. Ассман называла режимами времени (темпоральности) [24], вероятно, раскрывает это положение более детально. Время не является в данном случае некой метафизической

субстанцией, но видится как характеристика протекания социальных процессов и изменений, что выражается через ритмичность индивидуальной и общественной жизни.

На современном этапе развития общества совместно исполняемые практики в форме религиозных ритуалов потеряли свою причиняющую силу, характерную для первобытных сообществ, где религия играла определяющую роль в познании окружающего мира и регламентации социальных отношений. То есть социальная эпистемология должна включить в себя изучение неформализованных локальных порядков взаимодействия, что переносит внимание исследователя на социальные практики людей в их повседневности. «Дюркгеймовское понятие исполняемых практик можно проинтерпретировать <...> как обозначающее обыденное осуществление “порядка взаимодействия” в повседневной жизни», – замечает Э. Роулз [18, с. 132].

Ускорение темпов общественной жизни и распад единой временной перспективы в контекстах «текущей современности» приводят к появлению так называемых новых племен (М. Маффесоли), а значит, и множественности темпоральных режимов (данную исследовательскую интуицию можно обнаружить в работах У. Миллера [10]). Новые племена, т. е. непостоянные сообщества людей, выстроенные вокруг совместного досуга, общих впечатлений, вкусов и интересов, разрушают традиционную темпоральность европейского города, принося множество локальных временных режимов и перспектив, что означает принципиальную множественность прошлого, коллективной памяти и мемориальных нарративов. Прошлое для новых племен переносится в сферу эстетического и эмоционального, где эстезис, как форма переживания мира, превращает память в элемент развлечения, получения новых эмоций и опыта, что соответствует логике общества впечатлений. С позиции социальной эпистемологии Э. Дюркгейма указанная фрагментарность темпоральных режимов может пониматься через множественность и высокую эмоциональную интенсивность совместно исполняемых практик, где люди ощущают моральную силу не со стороны некоторого единого сообщества, а со стороны локализованных во времени племен. Появление подобных племен предполагает переориентацию исследователя на изучение социального времени в контексте локальных сообществ, взаимодействий и практик.

По замечанию Э. Роуз, Э. Дюркгейм обосновывал свой эпистемологический аргумент исключительно для указанных шести категорий, среди которых особый интерес для *memory studies* может представлять категория времени. Для теоретической концептуализации коллективных представлений, выходящих за рамки данных категорий,

Э. Дюркгейм разрабатывает специфический проект социологии знания, которая «изучает связи

между понятиями внутри космологий уже после появления категорий» [18, с. 93].

Социология знания Э. Дюркгейма и амбивалентность сакрального

Социология знания, характерная для «Элементарных форм...» и в целом для позднего Э. Дюркгейма, имела достаточно сильное влияние на множество западных интеллектуалов и в некотором смысле заложила основания структурализма (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс) и социального конструктивизма. Д. Ю. Куракин отмечает: «Дюркгеймианский социологический проект, особенно в той части, которая связана с «Элементарными формами...», представляет мощный теоретический ресурс для развития проектов, ориентированных на понятие смысла» [25, с. 15]. Следует отметить, что дюркгеймианская линия изучения религиозных (шире – культурных) феноменов в социологии развивалась и критиковалась различными авторами. Так, например, положения, выдвинутые в «Элементарных формах...», нашли отражение в контексте символической антропологии, представленной работами К. Гирца, В. Тернера и М. Дуглас. Отдельного внимания заслуживает важность позднего Э. Дюркгейма для современной культурсоциологии (более подробно эта тема раскрыта в работах Дж. Александера, Д. Ю. Куракина и В. Л. Абушенко). Феномен сакрального, первоначально представленный в трудах Р. Смита и воспринятый Э. Дюркгеймом, подробнее изучался в трудах М. Мосса, Дж. Агабмена, Р. Жирара, Р. Кайуа, Ж. Батая, Р. Отто, М. Элиаде. Возможности инкорпорирования данной исследовательской категории в теоретический язык современных социальных наук представлены такими исследователями, как Д. Ю. Куракин, Д. Г. Хумарян, М. А. Корецкая. С другой стороны, на сакральный (в терминологии Э. Дюркгейма) характер коллективной памяти указывали Б. Миштал (не связывая, однако, возможность подобного соотношения с феноменом амбивалентности сакрального) и А. Г. Васильев.

Э. Дюркгейм трактует коллективные представления не как совокупность индивидуальных представлений, а как реальность *sui generis*, результат кооперации и интеллектуального напряжения многих поколений. «Чтобы их создать, бесчисленное множество разнообразных умов соединяли, смешивали, комбинировали свои идеи и чувства; длинные ряды поколений аккумулировали в них свои знания и опыт», – резюмирует Э. Дюркгейм [19, с. 194]. Более того, реальность коллективных представлений отчетливо ощущается человеком через силу морального принуждения. Между тем коллективные представления не обладают эмпирической достоверностью, ибо «космологии реагируют на структурные изменения, но также обладают определенной инерцией, так что идеи, появившиеся впервые

в результате интерпретации социальных процессов, утрачивают те связи с социальными практиками, которые они могли когда-то иметь» [18, с. 92]. Это означает, что люди могут придерживаться различных суеверий, верований и привычек даже после того, как эпоха, для которой они были релевантны, сменилась другой. Язык и культура также относятся к коллективным представлениям и выражают коллективные объяснения социальной реальности и процессов, происходящих в ней. «Понятия, которые соответствуют различным элементам языка, таким образом, являются коллективными представлениями», – отмечает Э. Дюркгейм [23, р. 435]. Более того, коллективные представления не выступают некой метафизической абстракцией. Они носят символический характер, выражаются через различные материальные категории (слова, предметы, изображения, практики) и «делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира» [26, с. 91]. Это не означает, что отдельный человек не способен вкладывать в эти представления некий смысл, т. е. индивидуализировать их. Однако несмотря на способность индивидуального сознания по-своему осмыслять коллективные представления (к примеру, мораль), последние будут сохранять свое интеллектуальное влияние [27; 28].

Природа коллективных представлений раскрывается в «Элементарных формах...» более детально через анализ феномена религии и отсылает нас к понятию сакрального. С позиции Э. Дюркгейма верования, мифы, легенды и т. д. могут быть описаны как системы коллективных представлений, выражающие особенности сакральных (священных) явлений. Ритуалы, в свою очередь, выражают определенные способы коллективного действия, «призванные возбуждать, поддерживать или восстанавливать определенные ментальные состояния этих групп» [19, с. 186]. Религиозные представления являются единичными для группы и составляют ядро ее идентичности и солидарности. В основе всех религиозных представлений для Э. Дюркгейма находилось разделение мира на сакральное (священное) и профанное (мирское). Это разделение виделось им гораздо более фундаментальным, чем оппозиция, к примеру, добра и зла, ибо последние были явлениями одного порядка (мораль). Абсолютное разграничение сакрального и профанного исходило из разделения общественного (как причиняющей силы коллектива) и частного (как области личных интересов и потребностей). В некотором роде отношения между сакральным и профанным отражают отношения между общественным и личным, коллективными и индивидуальными представле-

ниями. «Отношения, охватывающие сакральное мир и профанный мир, характеризуются антагонизмом. Эти два мира соответствуют двум формам жизни, которые являются взаимоисключающими или как минимум не могут одновременно сосуществовать в одинаково отчетливой форме» [29, с. 53].

Природа данной оппозиции была отдельно раскрыта Э. Дюркгеймом через феномен двойственности человека, где в индивиде одновременно представлен как индивидуальный, так и коллективный опыт [28]. Профанное в этой оппозиции представляет собой повседневную жизнь индивида, его личные переживания и опыт, сферу утилитарных интересов и целей и характеризуется низкой эмоциональной интенсивностью, обыденностью, рутинностью. С этой точки зрения сакральное как исследовательская категория выходит для социологии на передний план, обозначая тем самым не столько сферу религиозных феноменов, сколько сферу «объектов, событий и процессов особой значимости» [29, с. 41], способных к пробуждению коллективных эмоций высокой интенсивности посредством ритуалов. Механизм возникновения и обновления сакрального описан через понятие *collective effervescence* (коллективное бурление). Бурление означает состояние группы, переживающей эмоции высокой интенсивности, при котором индивидуальное растворяется в общем потоке коллективной экзальтации. Формой упорядочивания коллективных эмоций служит ритуал, одновременно и ограничивая, и порождая их [22]. В этом контексте сакральное стало обозначаться «как стабильное либо преходящее свойство» [30, с. 152], которое приписывается реальности. Более того, сакральное вмещает в себя как светлые, чистые силы (сакральное чистое), вызывающие у человека чувства почтения, уважения и т. д., так и темные, опасные силы (сакральное скверное), пробуждающие негативные

эмоции и ведущие к разрушению. Между тем сакральное скверное не следует отождествлять с профанным, на что указывают Д. Ю. Куракин, Р. Кайуа и другие исследователи, ибо скверное остается элементом сакрального, одновременно противопоставляя себя чистому и профанному (Р. Кайуа). По мнению М. Дуглас, скверное может пониматься как нарушение границ между профанным и сакральным, а также между символическими классификациями, т. е. то, что невозможно вписать в установленный порядок либо что угрожает существованию данного порядка [31]. Подобное нарушение символических границ обозначается термином «трансгрессия» [29; 32]. Скверное также способно к пробуждению сверхинтенсивных эмоций, упорядочиванию ритуалов. Сакральное скверное может пониматься как «сфера неартикулированного» [29, с. 58], неоднозначного, неясного, трудного для восприятия или упорядочивания опыта. Д. Ю. Куракин, ссылаясь на Р. Жирара, указывает принципиально важный момент: основанием для возникновения сакрального может служить «учредительное насилие», опыт разрушения социального порядка (трансгрессии), приводящий к высокоинтенсивным коллективным эмоциям, тем самым порождая новый социальный порядок, новое сакральное [29]. Разрушительные события проходят мифологическую обработку, что приводит к возникновению символических классификаций. Таким образом, «базовой моделью для теории сакрального в современности становится трансгрессия, а не поклонение» [29, с. 65]. Д. Ю. Куракин также отмечает, что понимание смысловой структуры современного мира и значения символических классификаций для социологии возможно при изучении «публичных оскорблений и осквернения религиозных чувств» [29, с. 66] в большей степени, чем в результате изучения поклонения.

Коллективная память как элемент сакрального

Опираясь на достаточно детальное исследование значения амбивалентности сакрального для культурсоциологии, представленное в работах Д. Ю. Куракина, попытаемся рассмотреть эту проблему с перспективы *memory studies* и социологии памяти. Для этого вынесем в качестве предварительных следующие тезисы:

1) коллективная память может пониматься как элемент сакрального. Это система особо значимых коллективных представлений о прошлом, разделяемая членами одного сообщества, группы, лежащая в основе их идентичности и солидарности. Коллективная память ограждена от индивидуальных воспоминаний и представлений о прошлом символическими границами. Следовательно, она не может быть сведена к сумме индивидуальных представлений о прошлом и является в этом смысле социальным фактом;

2) в основании коллективной памяти могут лежать события, которые посредством ритуального взаимодействия обусловили возникновение высокоинтенсивных коллективных эмоций. Однажды возникнув посредством ритуала как часть сакрального, репрезентации прошлого становятся элементом космогонии, т. е. начинают обладать собственной (бинарной) логикой и влияющей на индивидуальное сознание силой. Коллективная память способна обновляться и создавать новые символические классификации путем коллективно исполняемых практик, где новые символы приобретают эмпирическую достоверность;

3) принимая в качестве отправного высказывание Дж. Александера о том, что «культура – это классификационная система, состоящая из бинарных оппозиций» [33, с. 25], также можно утверждать, что коллективная память является системой

символических классификаций, в основе которой лежит различие между чистым и скверным. Это означает, что коллективная память содержит в себе как триумфальные (сакральные чистые), так и травмирующие (сакральные скверные) события, способные переходить из одного состояния в другое (к примеру, в результате смены государственного строя, аномии, появления нового социального и культурного порядка).

На наш взгляд, в контексте указанных положений некоторой детализации требует понятие скверного. Как было указано, в качестве скверных могут быть представлены события, связанные с разрушением социального порядка, что приводит к возникновению коллективной травмы. Однако они остаются в коллективной памяти и даже периодически воспроизводятся в искупительных ритуалах (Международный день памяти жертв холокоста). С другой стороны, нарушение границ символической классификации как внутри коллективной памяти, так и между индивидуальной (профанной) и коллективной (сакральной) памятью способно порождать скверное. Так, к примеру, истории о «добрых немецких солдатах и злых партизанах» при апелляции к событиям Великой Отечественной войны могут существовать только в качестве либо индивидуальной (семейной) памяти, либо памяти различных маргинальных – по отношению к существующему порядку (социальному или политическому) – групп, что активизирует институциональные механизмы забвения. Воспроизводство подобных версий прошлого в публичной сфере чаще всего вызывает серьезный общественный резонанс именно потому, что нарушает общепринятый порядок классификации и обозначается как скверное. Данное положение радикализирует

М. Дуглас, говоря о том, что «институты систематически управляют индивидуальной памятью и загоняют наше восприятие в формы, совместимые с санкционированными ими отношениями» [34, с. 199]. Более того, это означает, что гипотеза об учредительном насилии требует дополнительного внимания. К примеру, связанные с насилием события прошлого, которые привели к разрушению старого и возникновению нового социального порядка, воспринимаются не в качестве скверного, а, наоборот, в качестве светлого сакрального (День Великой Октябрьской социалистической революции в СССР или День взятия Бастилии во Франции). Следовательно, события, связанные с насилием, не несут ни скверного, ни чистого элемента, обретая его в дальнейшем в ходе коллективных ритуальных практик. Это подтверждает тезис Э. Дюркгейма о том, что реальные события могут лежать в основе коллективных представлений о прошлом, а истинной порождающей силой коллективной памяти оказывается ритуал (коммеморативные практики). Более того, положение о скверном характере различных событий (в том числе учредительного насилия) должно быть скорректировано с учетом возможности/невозможности угрозы существующему социальному порядку. Таким образом, для советского общества события революции и гражданской войны легли в основание «героического нарратива» именно потому, что служили легитимации существующего общественного строя. С этой же позиции события холокоста воспринимаются как культурная травма, однако не подвергаются забвению, потому что лежат в основании «новой», «постколониальной» Европы, помнящей об ужасах фашизма и тоталитаризма.

Заключение

Обозначим ряд обобщающих положений. На наш взгляд, идеи Э. Дюркгейма о коллективных представлениях и в целом его эпистемологический проект повлияли на развитие *memory studies*, что нашло отражение в научных трудах М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, А. Ассман и т. д. Между тем возможности применения дюркгеймианского теоретического языка в социологии памяти и *memory studies* можно условно разделить на несколько направлений.

Первое – связано с обозначением в «Элементарных формах...» эпистемологического аргумента Э. Дюркгейма о социальном происхождении основных категорий мышления (в том числе категории времени) в коллективно исполняемых практиках высокой эмоциональной интенсивности. Раскрытие указанного аргумента приводит к пониманию значимости коммеморативных ритуалов в репрезентации и возобновлении прошлого. В этой объяснительной модели коллективная память стано-

вится основанием групповой идентичности и солидарности, а коммеморативные ритуалы не несут никакой практической цели, кроме реактуализации прошлого и пробуждения в группе чувства общности и единства. Прошлое, таким образом, находит свое отражение в коллективных представлениях, культуре и языке сообщества, его традициях. Для современного общества аналогом указанных ритуальных практик становится порядок взаимодействия, что открывает перспективы этнометодологических исследований в социологии памяти и *memory studies*.

Второе направление непосредственно связано с дюркгеймианской социологией знания и его концепцией коллективных представлений, оппозицией сакрального/профанного и чистого/скверного. Использование данных категорий в качестве основных элементов теоретического языка социологии памяти и *memory studies* позволяет концептуализиро-

вать коллективную память в терминах сакрального, описать механизмы возникновения коллективных представлений о прошлом, а также принципы структурирования прошлого вокруг чистого и скверного.

Данные положения открывают возможность изучения коллективной памяти с позиции культурсоциологии [14; 16]. Указанная позиция предполагает изучение того, как прошлое классифицировано, какие события вызывают коллективную ностальгию и воспринимаются как светлые, а ка-

кие – подвергаются запрету и забвению либо становятся культурной травмой. В этом контексте значимым становится раскрытие смысловой структуры коллективной памяти, а дюркгеймианская оптика позволяет концептуализировать коллективную память как социальный феномен, что делает социологическое направление в *memory studies* приоритетным. В то же время многие положения настоящего исследования остаются дискуссионными и нуждаются в дополнительных экспликациях.

Библиографические ссылки

1. Романовский Н. В. Новое в социологии – бум памяти // Социол. исслед. 2011. № 6. С. 13–23.
2. Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР. 2011. № 6. С. 27–48.
3. Олик Дж., Хлевнюк Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социол. обзор. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
4. Gensburger S. Halbwachs' studies in collective memory: a founding text for contemporary 'memory studies'? // J. Class. Sociol. 2016. Vol. 16, issue 4. P. 396–413.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
6. Halbwachs M. On Collective Memory / ed., trans. and with an introduction by L. A. Coser. Chicago, 1992.
7. Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социол. обзор. 2014. Т. 13, № 2. С. 141–167.
8. Гофман А. Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма // Социол. журн. 2007. № 4. С. 63–73.
9. Misztal B. Durkheim on Collective Memory // J. Class. Sociol. 2003. Vol. 3, issue 2. P. 123–143.
10. Watts Miller W. Durkheimian Time // Time Soc. 2000. Vol. 9, issue 1. P. 5–20.
11. Мильорати Л., Мори Л. Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // Социол. исслед. 2014. № 1. С. 108–115.
12. Olick J. The collective memory reader. New York, 2011.
13. Айерман Р., Хлевнюк Д. Социальная теория и травма // Социол. обзор. 2013. Т. 12, № 1. С. 121–138.
14. Александр Дж., Ольховиков Г. «Уотергейт» как демократический ритуал // Социол. обзор. 2012. Т. 11, № 3. С. 77–104.
15. Александр Дж., Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социол. журн. 2012. № 3. С. 5–40.
16. Alexander C. J. Culture trauma, morality and solidarity. The social construction of «Holocaust» and other mass murders // Thesis Eleven. 2016. Vol. 132, issue 1. P. 3–16.
17. Oegin A. Durkheim as a sociologist of knowledge. Rudiments of a reflexive theory of the concept // J. Class. Sociol. 2016. Vol. 16(1). P. 7–20.
18. Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обзор. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140.
19. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Классики мирового религиоведения: антология: в 2 т.; сост. А. Н. Красникова. М., 1998. Т. 2: Мистика. Религия. Наука.
20. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост. А. Б. Гофман. М., 1996. С. 55–124.
21. Хумарян Д. Г. Место политического в социальной эпистемологии Эмиля Дюркгейма: трансгрессия, аффект, субъективация // Социология власти. 2016. № 28(4). С. 35–56.
22. Rawls A. W. Durkheim's treatment of practice: concrete practice vs. representations as the foundation of reason // J. Class. Sociol. 2001. Vol. 1, issue 1. P. 33–68.
23. Durkheim E. The elementary forms of religious life / trans. by J. W. Swain, introduction by R. Nisbet. London, 1976.
24. Ассман А. Трансформации нового режима времени // Новое лит. обзор. 2012. № 4. С. 16–31.
25. Куракин Д. Ю. На пути к позднедюркгеймианской программе культурсоциологии: перцепция «Элементарных форм» Э. Дюркгейма в социологической мысли // Социол. журн. 2009. № 3. С. 15–28.
26. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.
27. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Э. Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
28. Дюркгейм Э., Юдин Г. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социол. обзор. 2013. Т. 12. № 2. С. 133–144.
29. Куракин Д. Ю. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социол. обзор. 2011. № 3. С. 41–70.
30. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003.
31. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
32. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М., 2006.

33. Александр Дж., Смит Ф., Джакупова С. Сильная программа в культуросоциологии // Социол. обозр. 2010. Т. 9. № 2. С. 11–30.
34. Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. 2012. № 4–5 (1) С. 188–217.

References

1. Romanovsky N. V. New in sociology – memory boom. *Sotsiologicheskije issled.* 2011. No. 6. P. 13–23 (in Russ.).
2. Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. Sotsial'naya pamyat' kak ob'ekt sotsiologicheskogo izucheniya. *INTER.* 2011. No. 6. P. 27–48 (in Russ.).
3. Olik J., Khevnyuk D. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2012. Vol. 11, No. 1. P. 40–74 (in Russ.).
4. Gensburger P. Halbwachs' studies in collective memory: a founding text for contemporary 'memory studies'? *J. Class. Sociol.* Vol. 16, issue 4. P. 396–413.
5. Halbwachs M. Sotsial'nye ramki pamiati [Social frames of memory]. Moscow, 2007 (in Russ.).
6. Halbwachs M. On collective memory / ed., trans. and with an introduction by Lewis A. Coser. Chicago, 1992.
7. Vasil'ev A. G. Embodied memory: commemorative ritual in sociology of Emile Durkheim. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2014. Vol. 13. No. 2. P. 141–167 (in Russ.).
8. Gofman A. B. Problems of tradition in the works of E. Durkheim. *Sotsiol. zhurn.* 2007. No. 4. P. 63–73 (in Russ.).
9. Misztal B. Durkheim on collective memory. *J. Class. Sociol.* 2003. Vol. 3. P. 123–143.
10. Watts Miller W. Durkheimian time. *Time Soc.* 2000. Vol. 9, issue 1. P. 5–20.
11. Milorati L., Mori L. Memory of resistance movement and conflict potential of memorial festivities. *Sotsiologicheskoe issled.* 2014. No. 1. P. 108–115. (in Russ.).
12. Olick J. The collective memory reader. New York, 2011.
13. Eyerman R., Khlevnyuk D. Social theory and trauma. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2013. Vol. 12, No. 1. P. 121–138 (in Russ.).
14. Alexander J., Kurakin D., Olkovikov G. Watergate as a democratic ritual. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2012. Vol. 11, No. 3. P. 77–104 (in Russ.).
15. Alexander J., Kurakin D. Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurn.* 2012. No. 3. P. 5–40 (in Russ.).
16. Alexander J. Culture trauma, morality and solidarity. The social construction of «Holocaust» and other mass murders. *Thesis Eleven.* 2016. Vol. 132, No. 1. P. 3–16.
17. Oegin A. Durkheim as a sociologist of knowledge. Rudiments of a reflexive theory of the concept. *J. Class. Sociol.* 2016. Vol. 16 (1). P. 7–20.
18. Rowlz A. W., Korbut. A. Durkheim's Epistemology: the Neglected Argument. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2014. Vol. 13, No. 2. P. 84–140 (in Russ.).
19. Dyurkgeim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii. *Klassiki mirovogo religiovedeniya : antologiya : in 2 vol.* Moscow, 1998 (in Russ.).
20. Dyurkgeim E., Moss M. O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavlenii. M. Moss. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'.* *Trudy po sotsial'noi antropologii.* Moscow, 1996. P. 55–124 (in Russ.).
21. Khumarian D. G. Place of the political in Emile Durkheim's social epistemology: transgression, affect, subjectivation. *Sotsiologiya vlasti.* No. 28 (4). P. 35–56 (in Russ.).
22. Rawls A. W. Durkheim's treatment of practice: concrete practice vs. representations as the foundation of reason. *J. Class. Sociol.* 2001. Vol. 1, issue 1. P. 33–86.
23. Durkheim E. The elementary forms of religious life. London, 1976.
24. Assman A. Transformations of the Modern Time Regime. *Novoe literaturnoe obozr.* 2012. No. 4. P. 16–31 (in Russ.).
25. Kurakin D. Towards late-Durkheim program in cultural sociology: the elementary forms perception in sociological thought. *Sotsiologicheskii zhurn.* 2009. No. 3. P. 5–21 (in Russ.).
26. Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Moscow ; Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
27. Durkheim E. Predstavleniia individual'nye i predstavleniia kollektivnye. In Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie.* Moscow, 1995 (in Russ.).
28. Durkheim E., Yudin G. The dualism of human nature and social conditions. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2013. Vol. 12, No. 2. P. 133–144 (in Russ.).
29. Kurakin D. Eluding sacred: ambiquity of the sacred and its importance for the «strong program» cultural sociology. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2011. No. 3. P. 41–70 (in Russ.).
30. Caillois R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe. Moscow, 2003 (in Russ.).
31. Duglas M. Chistota i opasnost'. Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu. Moscow, 2000 (in Russ.).
32. Bataille G. Prokliataia chast'. Sakral'naia sotsiologiya. Moscow, 2006 (in Russ.).
33. Alexander J., Smith F., Dzhakurova S. Strong program in cultural sociology. *Sotsiologicheskoe obozr.* 2010. Vol. 9, No. 2. P. 11–30 (in Russ.).
34. Duglas M. How institutions think. *Sotsiologiya vlasti.* 2012. No. 4–5 (1). P. 188–217 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.01.2017.
Received by editorial board 17.01.2017.

СТИГМАТИЗАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, 220050, ул. Зыбицкая, 27, г. Минск, Республика Беларусь

Посвящена анализу теорий стигматизации и степени их применимости к процессу стигматизации новых религиозных движений. Представлены основные результаты фундаментальных исследований девиации Эдвина Лемерта, Говарда Пола Беккера, Эрвина Гоффмана, Лесли Уилкинса и Джеймса Аго, а также некоторые работы, посвященные реакции религиозных организаций на публичное отнесение их к числу девиантных групп. Проводится авторский анализ процесса идентификации религиозных организаций, в качестве составного элемента которого позиционируется стигматизация новых религиозных движений. Последняя полагается в качестве периодически возникающего сбоя в процессе идентификации религиозных групп, приводящего к публичному наделению их ярлыками, перегруженными в общественном дискурсе негативными коннотациями. Анализируются нестандартные ситуации, при которых группа может почувствовать себя объектом стигматизации без соответствующих стимулов и оснований со стороны общества. Выявляются факторы социокультурного контекста, способствующие ограничению масштабов негативного влияния стигматизации новых религий в XX–XXI вв.

Ключевые слова: девиация; стигматизация; расширение девиации; нетрадиционная религиозность; новое религиозное движение; секта.

STIGMATIZATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Spiritual Academy, Zybizkaya street, 27, 220050, Minsk, Belarus

The present article is devoted to the analysis of the variety of stigmatization theories and the possibilities of their application to the process of stigmatization of new religious movements. The main fundamental works of Edwin Lemert, Howard Becker, Erwin Goffman and James Aho are represented, as well as a group of minor studies of the reaction of religious groups to the public characterization of them as deviant groups. Special attention is paid to the author's theory of the process of identification of religious organizations as a master level of the stigmatization of new religious movements. The last one process is presented as regular appearing malfunction of the process of identification of religious groups, which leads to the public attribution to them of different labels with negative connotations. Several irregular situations are analyzed in which a particular religious group can imagine itself as being persecuted or stigmatized without relevant foundations for this self-perception. There are identified main factors of socio cultural context influencing the limitations of the negative influence of the process of stigmatization of new religious movements in XX–XXI centuries.

Key words: deviation; stigmatization; deviancy amplification; unconventional religiosity; new religious movements; sect.

Теории стигматизации занимают особое место в границах социологии девиантного поведения. Они обогатили понимание данного феномена, перенеся акцент с анализа доминирующей системы норм

и отклонений от них на изучение самого процесса определения обществом девиации и его влияния на девианта. Несмотря на то что общее количество научных работ, посвященных стигматизации, уже

Образец цитирования:

Мартинович В. А. Стигматизация новых религиозных движений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 73–81.

For citation:

Martinovich V. A. Stigmatization of new religious movements. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 73–81 (in Russ.).

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics. nrmsect@yandex.ru

в 2005 г. превышало 3 тыс. наименований [1, с. 394], эти теории не получили существенного распространения в отечественной науке и оставили целый ряд открытых вопросов. Попытаемся проанализировать, в какой степени специфика общественной реакции на религиозные организации в целом и новые рели-

гиозные движения (далее – НРД) в частности укладываются в существующие теории стигматизации и обладают потенциалом их уточнения и корректировки. Вне всякого сомнения, данный материал не может претендовать на полноту анализа заявленной темы.

Классические теории стигматизации

Родоначальником теории стигматизации считается Эдвин Лемерт [2, р. 2–58]. В 1951 г. он проводит различие между первичной и вторичной девиацией. При первичной совершение человеком отдельных отклоняющихся поступков имеет случайный характер и не оказывает существенного влияния на его самоопределение, жизнь и поведение. По мнению Э. Лемерта, большинство людей совершают девиантные поступки не в результате осознанного выбора, а в результате случайного стечения обстоятельств. Однако общественная реакция на первичную девиацию в виде закрепления за человеком стигмы или ярлыка девианта, призванного свидетельствовать о его моральной и/или иной неполноценности, приводит к формированию вторичной девиации. Человек начинает воспринимать самого себя в качестве девианта и перенимает навязываемую ему извне роль, которая начинает занимать центральное место в жизни. Стремясь приспособиться к образу девианта, он корректирует свою иерархию ценностей, норм и допустимых средств их достижения. У него постепенно ослабевает напряжение, возникающее из-за невозможности достичь желаемых идеалов и целей, а традиционные наказания и вознаграждения начинают восприниматься иначе, сквозь призму новой роли девианта. Принятие на себя образа девианта позволяет ему смягчить негативное воздействие стигматизации. Человек стремится взять самое лучшее из той ситуации и роли девианта, в которую был помещен окружающими. На определенном этапе девиация становится для него привычкой, которой начинает не хватать при любых попытках возврата к прежним ролям и системам норм. Таким образом, вторичная девиация, острое чувство несправедливости стигматизации, а также увеличение социального контроля над теми, кто случайно совершил девиантный акт, обладают серьезным потенциалом укрепления и развития девиации. При этом Э. Лемерт особо отмечает возможность стигматизации посредством «публичного распространения информации» о моральной и/или иной неполноценности человека или группы лиц [2, р. 42]. Концепция вторичной девиации Э. Лемерта во многом применима к особенностям реакции членов НРД на стигматизацию, хотя сам ученый нигде не говорит о стигматизации религиозных организаций и их членов.

Говард Беккер, второй из классиков теории девиации, акцентирует внимание на обусловленности

восприятия какого-либо акта или действия в качестве девиантного целым рядом переменных: а) периодом истории и/или времени; б) социокультурным контекстом; в) исполнителями девиантного акта; г) их жертвами; д) «предпринимателями на морали», отвечающими за контроль над исполнением тех или иных норм и т. д. [3, р. 1–40]. Девиация, по мнению ученого, является не характеристикой совершаемого человеком действия, а следствием применения по отношению к нему санкций в результате этого действия и закрепления за ним самим и за его поведением ярлыка девиации. В результате в общественном дискурсе к девиантам могут относиться люди, которые не нарушают никаких норм поведения, а настоящие нарушители могут не восприниматься в качестве таковых и образовывать категорию так называемых тайных девиантов. Некоторая произвольность в прикреплении ярлыка девианта различными институтами общества приводит ученого к мысли о том, что девианты не образуют какой-то гомогенной категории населения, для которой можно было бы выявить общие причины, закономерности и факторы, влияющие на их отклоняющееся поведение. Единственное, что, по Г. Беккеру, объединяет девиантов, это сам факт их стигматизации. Последняя ведет к радикальному изменению публичного имиджа и статуса человека, сопровождающемуся его изоляцией, исключением из ряда привычных групп, отказом от ряда привычных ролей. Эти процессы вынуждают человека искать альтернативные пути выживания и поддержки, которую он чаще всего находит среди разных девиантных групп. Г. Беккер также полагал, что стигматизация не только иницирует девиацию, но и способствует ее увеличению. Вслед за Э. Лемертом он отмечает, что процесс стигматизации начинается с публичного именованья девиантов. При этом особое внимание ученый уделяет «предпринимателям на морали», которые берут на себя инициативу по формированию и продвижению тех или иных норм, а также по контролю над их исполнением и стигматизации всех тех, кто их нарушает [3, р. 121–176].

Последующие разработчики теории стигматизации в большинстве своем уточняли и развивали идеи Э. Лемерта и Г. Беккера, лишь изредка внося в них какие-то новые компоненты. При этом в них уже не так активно подчеркивается, а порой и отрицается эфемерный характер девиации как

искусственно созданного в процессе стигматизации конструкта.

Эрвин Гоффман понимал под стигматизацией процесс лишения человека полного социального признания на основании установления существенных различий между нормативно зафиксированными представлениями о том, каким он должен быть (виртуальная социальная идентичность), и тем, какой он есть (актуальная социальная идентичность) [4, р. 1–3, 126–139]. В основании этих различий лежит стигма человека в одном из трех основных измерений: а) физические недостатки (нарушения слуха, зрения и т. д.); б) индивидуальные характеристики (трусость, тюремный срок, алкоголизм, лечение в психиатрической клинике, *экзотические верования* и т. д.); в) групповые характеристики (принадлежность к конкретной расе, нации, *религиозной группе* и т. д.). По Э. Гоффману, представления о «норме» и «стигме» во многом обусловлены социальным контекстом, а стигматизация является «двусторонним социальным процессом», в котором вовлеченные в него люди достаточно часто выступают в обеих ролях одновременно. Так, одни люди, стигматизированные по каким-либо причинам, могут сами стигматизировать других, но уже по несколько иным поводам и основаниям. Э. Гоффман отмечает, что принадлежность к религиозной организации и религиозные верования вполне могут стать основанием для стигматизации человека. Однако проблематику стигматизации на основании религиозной принадлежности ученый не развивает. Интересно, что его концепция применима к НРД лишь в части психологии реакции на них и их членов со стороны внешнего мира. Размышления ученого о психологии стигматизированного не соответствуют портрету большинства членов НРД, которые, например, достаточно часто не просто не боятся говорить о своей принадлежности к группе, но открыто ее подчеркивают и призывают всех войти в нее – немыслимая ситуация для людей с теми же физическими недостатками, которым и посвящена основная часть работы Э. Гоффмана. Стигматизация «в качестве сектанта» вызывает чаще всего совсем иные реакции по сравнению со стигмами, связанными с ограничениями в области физического здоровья либо социально неодобряемыми типами поведения (наркомания, алкоголизм, проституция и т. д.). Здесь необходимо видеть различие между стигматизированными членами общества и представителями субкультур. Последние также чувствуют себя иными по отношению к обывателям и обществу. На это существенное различие указывает и сам автор в последней части книги, посвященной группам социальных девиантов [4, р. 140–147]. В ней НРД не упоминаются, но они полностью укладываются в концепцию социальной девиации Э. Гоффмана. При этом ученый отмечает, что члены групп социальных девиантов в определенных кон-

текстах могут чувствовать себя стигматизированными, но их поведение требует отдельного анализа. При этом Э. Гоффман говорит о том, что функция стигматизации по национальным, расовым или религиозным характеристикам состоит в устранении конкурентов в соответствующих полях [4, р. 139].

Лесли Уилкинса не относят к числу значимых разработчиков теории стигматизации, хотя именно на его работу в первую очередь ссылаются исследователи общественных реакций на феномен НРД. Анализируя особенности влияния толерантности общества на развитие существующих в нем отклонений от нормы, Л. Уилкинс разработал модель расширения девиации [5]. Ученый проводит различие между культурными и индивидуальными определениями девиации. Они взаимосвязаны друг с другом, но первые конструируются различными группами и институтами общества и определены социокультурным контекстом, а вторые обусловлены опытом переживаний конкретным человеком явлений, воспринимающихся в качестве отклонений от нормы. В XX веке в силу высокого уровня дифференциации общества все разновидности девиаций достаточно эффективно изолируются обществом, что приводит к резкому уменьшению опыта непосредственного столкновения с ними у населения. В результате представления о девиации все чаще формируются под влиянием СМИ, активно рассказывающих о всевозможных отклонениях от нормы [5, с. 64]. Благодаря СМИ девиация, особенно в крупных городах, начинает восприниматься в рамках набора стереотипов, оторванных от реальности. В то же время в малых и слабо дифференцированных коммунах сохраняется живой опыт соприкосновения с девиантами.

Л. Уилкинс полагает, что степень культурной и индивидуальной толерантности общества и его членов по отношению к девиации влияет на ее общий объем и распространенность. Чем менее толерантно общество реагирует на разные девиации, тем сильнее и активнее они развиваются и выходят из-под контроля. Ключевым фактором, влияющим на расширение девиации, ученый считает сам факт негативной реакции на нее со стороны общества. Для описания данного процесса Л. Уилкинс разработал модель расширения девиации, включающую набор связанных положительной обратной связью элементов, которые образуют морфогенетический контур, усиливающий отклонение системы от изначального состояния [5, р. 90–93]. В упрощенном виде модель выглядит следующим образом. Увеличение количества групп, определяемых в качестве девиантов, ведет к росту количества групп, увеличивающих свою дистанцию с обществом, а затем и изолирующихся, отчуждающихся и воспринимающих себя в качестве девиантов. Отчужденные от общества группы перестают считать себя его частью и активнее

развивают собственные ценности и нормы, вступающие в противоречие с доминирующими нормами, что приводит к увеличению их дистанции с обществом. Это, в свою очередь, способствует подтверждению изначальных опасений общества, развитию представлений о девиантной природе означенных групп и ужесточению мер в их отношении. Далее система двигается по кругу, все сильнее способствуя изоляции групп и расширению девиации. Выход из ситуации Л. Уилкинс видит, помимо всего прочего, в удержании девиантов в рамках общей системы ценностей, а также в минимизации количества людей, групп и актов, относимых к девиации, до дисфункциональных и объективно вредных для общества. Высокий уровень толерантности общества к девиации считается залогом низкого уровня девиации в нем.

Достаточно интересное развитие теория стигматизации получила в «социологии врага», основные положения которой были предложены Джеймсом Аго в 1994 г. По его мнению, эта дисциплина должна заниматься проблемой социального конструирования и деконструкции общественных представлений о враге [6]. Ученый далек от того, чтобы утверждать, что в обществе отсутствуют явления, сообщества, группы лиц, являющиеся источником насилия, жестокости и целого ряда объективно обусловленных проблем. Однако не все эти проблемы воспринимаются в качестве таковых и вызывают реакцию в виде конструирования образа врага, равно как и далеко не всякому создаваемому образу врага что-то соответствует в реальности. Дж. Аго не останавливается на анализе факторов, влияющих на выбор тех или иных внутренних и внешних для общества «врагов», но предлагает модель их формирования. В основании конструирования образа врага лежит «процесс овеществления» – постепенного восприятия людьми плодов своего интеллектуального творчества в качестве вещей и явлений, не подконтрольных им и представляющих угрозу и опасность для них же. Ученым выделяются следующие этапы овеществления:

а) *именование (приклеивание ярлыка)* людям или группам, которые считаются нарушающими существующий порядок, общепринятые нормы, устойчивой морали и т. д.;

б) *легитимация* – публичный процесс обоснования ярлыка, приводящий к закреплению его за людьми или группами, вне зависимости от того,

были они признаны соответствующими такому именованию или нет;

в) *мифотворчество* – конструирование исторических и иных сведений об оклеветанных людях и группах, обосновывающих и подробно расписывающих их испорченность и злой умысел;

г) *седиментация* – закрепление в сознании населения или отдельной группы сконструированной информации о враге, а также трансляция ее следующему поколению и людям, ранее не имевшим отношения к ее созданию. Легенды о враге обрастают новыми «фактами», начинают жить своей собственной жизнью, превращаются в часть само собой разумеющегося знания о мире;

д) *ритуал* – реализация содержания мифов и легенд о враге в реальной войне и/или наборе действий, направленных на нанесение какого-либо вреда сконструированному врагу, что приводит к появлению настоящих врагов [6, р. 28–32].

Означенный процесс может быть одно- либо двусторонним. В последнем случае антагонизм между сторонами противостояния будет усиливаться по мере увеличения затрат времени и ресурсов на борьбу. Парадоксальность конструирования образа врага и отчаянной борьбы с ним состоит в следующем. Во-первых, она осуществляется во имя порядка, добра и справедливости, стремление к которым в данном контексте фактически и порождает насилие и жертвы. Во-вторых, война и противостояние с врагами, особенно внешними, способны консолидировать, примирять и объединять общество, по крайней мере, временно стирать внутренние противоречия. В-третьих, вне зависимости от того, насколько реален или иллюзорен сам враг и исходящие от него угрозы, он конструируется по образу характерных для самого общества пороков и проблем. Общество и отдельные его группы формируют врагов по своему образу и подобию. Проецируя, таким образом, свой негатив вовне, они обеляют себя в собственных глазах, полагая себя в качестве справедливых и праведно борющихся со злом. Конструирование врага может протекать на уровне общества в целом либо отдельных его групп и сообществ. При этом необходимость во внешнем враге отпадает, если общество или группа успешно справляется с внутренними проблемами и открывается внешнему миру. Примечательно, что значительное количество примеров, на которые опирался Дж. Аго, взяты из жизни религиозных организаций и общностей США.

Проблематика новых религиозных движений

Спустя несколько десятилетий после появления первых теорий стигматизации был поставлен вопрос о степени их применимости к НРД. При этом мнения ученых по данному вопросу разошлись. Одна группа исследователей заявила о возможности безоговорочного применения теорий стигма-

тизации и проистекающего из них эффекта расширения девиации к НРД. Согласно этому подходу на пустом месте при активном участии СМИ создается и всемерно раздувается массовая истерия вокруг НРД. Ни в чем не повинные религиозные организации необоснованно стигматизируются и подвер-

гаются всяческим преследованиям. Под влиянием общественного давления у них развивается девиантная составляющая, оказывающая разрушительное воздействие как на самих членов группы, так порой и на внешний мир [7–9]. Известные трагедии вокруг таких НРД, как Аум Синрикэ, Народный Храм, Ветвь Давида, Небесные Врата и др., приведшие к многочисленным жертвам, интерпретировались как следствие процесса стигматизации означенных групп.

Вторая группа исследователей, к которой принадлежит и автор данной статьи, заявила о том, что специфика самих НРД и их взаимодействия с обществом не позволяет без существенных поправок применить теории стигматизации к реакции общества на феномен НРД. Перед описанием авторского видения вопроса кратко представим основные работы исследователей этой группы.

В 1983 г. Адам Хампшир и Джеймс Бэкфорд первыми подвергли сомнению безоговорочную применимость концепции расширения девиации к НРД [10]. Ученые предположили, что враждебность со стороны окружающего общества к НРД является одним из элементов механизма социального контроля над отклоняющимися формами их поведения. При этом следствием такого контроля может быть не только увеличение девиации, но и ее уменьшение. Вопреки теории расширения девиации реакция на критику со стороны НРД не предполагает автоматического усиления девиации, но может, наоборот, вызвать у группы стремление ослабить и нивелировать все спорные и проблемные вопросы. В контексте этой теории как активная критика, так и стигматизация сектантства являются факторами, стабилизирующими конфессиональное пространство, а не расшатывающими его. Размышления этих ученых верны, особенно если учитывать следующее обстоятельство: многие НРД столь сильно интегрированы в различные институты современного общества, что диалог и постепенное снижение градуса напряжения являются естественной реакцией на случайно возникающие очаги их стигматизации.

В 1991 г. Стивен Кент отметил, что НРД для смягчения негативных последствий стигматиза-

ции прибегают к целому ряду стратегий, начиная от стигматизации своих оппонентов в качестве «нетолерантных экстремистов», инициирования судебных процессов против них и завершая масштабным продвижением в общественном дискурсе альтернативного имиджа и наименований самих себя, направленных на подрыв и дискредитацию любых попыток их стигматизации [11]. Активно и успешно сопротивляясь стигматизации, НРД избегают подавляющего большинства ее негативных последствий.

Достаточно оригинальные идеи относительно функции стигматизации членов НРД высказал Лоуренс Ианнаконе [12]. Ученый отмечает, что в религиозных организациях вообще, и прежде всего в НРД, есть значительное количество правил, предписаний и ограничений, норм поведения, элементов внешней атрибутики, которые не просто выделяют их носителей из общей массы населения, но и создают серьезный потенциал для их стигматизации. Например, необходимость брить голову, постоянно выделять себя яркими символами и знаками отличия, экстравагантная форма одежды, запрет на алкоголь и курение, необычные пищевые практики, жизнь в изолированных общинах и т. д. Однако на уровне самой группы эти, не только кажущиеся бесполезными по сути, но порой и сильно ограничивающие свободу и возможности человека, правила исполняют весьма важную функцию. Создавая хорошую платформу для стигматизации ее членов, они одновременно являются фактором, привязывающим человека сильнее к группе, активизирующим его работу в ней. Вместе с этим правила отталкивают пассивных и малополезных членов, не желающих ради организации чем-то жертвовать, а жаждущих лишь пользоваться всеми позитивными последствиями от принадлежности к ней. Группа становится гомогенна в плане мотивации, уровня активности и готовности членов работать на ее благо. В этом контексте очевидный потенциал стигматизации ее членов является фактором, во многом упрощающим ее работу с ними и помогающим ей разрешить ряд внутренних проблем и вопросов, стимулирующим ее рост и развитие.

Идентификация новых религиозных движений

Наши исследования показывают, что религиозные организации стигматизировались в разных обществах на протяжении всей истории человечества. Однако основная проблема состоит не в том, почему стигматизация религиозных организаций существовала в разных обществах, ситуациях и контекстах, а в селективности общественной реакции на НРД, приводящей к тому, что из набора религиозных групп, которые действуют в одном обществе в одно и то же время и обладают аналогичными

структурными и содержательными характеристиками, одни клеймятся в качестве девиантов, другие игнорируются, к третьим же общественность относится с благорасположением. Ученые убедительно объясняют разность отношения к однотипным группам в обществах с отличающимся социокультурным контекстом. Однако они не поясняют причины дифференцированного отношения одних и тех же институтов общества к однотипным религиозным группам. По нашему мнению, ключ

к разрешению проблемы лежит в рассмотрении стигматизации религиозных организаций в несколько иной перспективе, а именно как частного случая более широкого и масштабного процесса идентификации религиозных организаций вообще и НРД в частности.

Идентификация религиозных организаций является неотъемлемой составляющей осмысленной реакции различных институтов общества на увеличивающуюся дифференциацию религиозного пространства любой страны либо на его фактическое разнообразие. Позитивное, нейтральное или негативное отношение к любой религиозной группе неизменно предполагает выделение ее из общего контекста и позиционирование в границах той или иной системы представлений об устройстве общества в целом и религиозного пространства в частности. Идентификация религиозной группы является существенной составляющей такого позиционирования. Несущий каркас этого процесса сохраняется неизменным независимо от того, в какую эпоху и в каком регионе мира он протекает, а также кем и как определяется религиозность. Не имеет принципиального значения, с использованием какой терминологии религиозные группы относятся к одному из типов традиционной или нетрадиционной религиозности. Термины «традиционная религия», «мировая религия», «секта», «культ», «новое религиозное движение» выступают наиболее узнаваемыми маркерами как того, какой конкретно сегмент религиозного пространства имеется в виду, так и того, в рамках какой системы представлений об устройстве общества осуществлялся процесс идентификации. Именно поэтому методологически обязательным условием анализа самого процесса идентификации НРД является «вынесение за скобки» всех определений НРД, которые неизменно сопровождают их идентификацию и во многом зависят от особенностей самого процесса.

Под идентификацией НРД здесь и далее будет пониматься процесс установления полного совпадения характеристик конкретной религиозной организации с характеристиками одного из типов НРД. В каждом акте идентификации можно выделить следующие ключевые элементы:

а) *субъект процесса идентификации НРД* – различные институты общества и частные лица, которые в силу разных причин полагают в той или иной степени необходимым как-то отреагировать на деятельность НРД;

б) *критерии отнесения группы к числу НРД*, которые формируются субъектами на основании их собственных целей и задач;

в) *материалы о какой-либо организации, сообществе или явлении* в виде письменных, вещественных, аудиовизуальных или иных источников, появившихся в процессе деятельности НРД.

Все компоненты соединены процессом, в рамках которого субъект идентификации НРД улавливает соответствие материалов о какой-либо организации собственным критериям отнесения групп к числу НРД. Каждый из элементов является переменной с разным количеством значений, все многообразие комбинаций и взаимных пересечений которых в совокупности со спецификой их взаимодействия друг с другом образуют целостную систему идентификации НРД. В ходе исторического развития менялись как значения переменных, так и доминирующие комбинации их соединений. В Древнем мире, Античности, Средневековье и в Новое время эта система вслед за нетрадиционной религиозностью в целом приобретала свой уникальный и неповторимый портрет, отражающий уровень и характерные особенности внимания различных институтов общества к этому феномену.

В подавляющем большинстве случаев процесс идентификации НРД протекает без их стигматизации. Так, в науке идентификация НРД является одним из инструментов, упрощающих анализ как религии и религиозности в целом, так и конфессионального пространства той или иной страны мира в частности. Отнесение тех или иных организаций к числу НРД здесь значимо не само по себе, а лишь в той степени, в какой оно способствует более объективному, глубокому и точному пониманию феномена нетрадиционной религиозности в границах профильной для конкретного ученого дисциплины. Для государства этот процесс является инструментом, значение которого во многом зависит от конкретной страны и ее актуальной политики в области религии. Например, он может служить средством, упрощающим понимание специфики конфессионального пространства вообще и взаимоотношений между религиозными группами в частности. В этом случае интересы госорганов и науки во многом будут совпадать. Для самих религиозных организаций данный процесс является средством размежевания с иными формами религиозной жизни и опыта, инструментом защиты собственных членов от внешних нежелательных влияний, а также фактором, стимулирующим внутреннюю рефлексию и развитие богословской мысли. Для СМИ идентификация НРД имеет преимущественно информационно-развлекательную функцию, которая реализуется прежде всего в рамках критических материалов против сект. При этом даже критика сектантства для СМИ важна лишь в той степени, в которой она способна поддерживать и развивать интерес аудитории. Для общественных организаций и инициатив идентификация НРД может являться средством достижения самых разных целей, начиная от борьбы с сектами, помощи людям, пострадавшим от сект, и заканчивая целенаправленной защитой прав и свобод религиозных мень-

шинств, направленной во многом против антисектантских организаций. При этом и борьба с НРД, и их защита выступают равнозначными по значению, так как и та и другая ведет к осмыслению дифференциации религиозного пространства. Наконец, для частных лиц идентификация сектантства практически всегда является одним из средств объяснения тех или иных событий, которые произошли или продолжают развиваться с ними самими или с кем-то из их ближайшего окружения.

Реализуя собственные цели и задачи, различные институты общества формируют собственные наборы критериев данного процесса, большинство из которых изначально не претендует на объективность и обоснованность. Некоторые из них скорее запутывают тех, кто к ним обращается, чем помогают разобраться во всем многообразии форм религиозной жизни общества. Вне всякого сомнения, самые проработанные и обоснованные критерии появляются в границах науки. С точки зрения последней большинство остальных критериев будут неприемлемы. Таким образом, для системы идентификации НРД внутренняя противоречивость, эмоциональность, необоснованность критериев, а также терминология, отягощенная негативными коннотациями, – норма, а нейтральный и обоснованный понятийный и терминологический аппарат – исключение из правила.

Реагируя на дифференциацию религиозного пространства, общественные институты и отдельные группы лиц нередко столь сильно запутываются в собственных представлениях о НРД, что осуществляют ее по отсутствующему основанию. Иначе говоря, установление совпадения как существенных, так и второстепенных структурных, содержательных и иных характеристик отсутствует вообще. Вместо этого имеет место процесс стигматизации НРД в виде публичного присвоения им ярлыков «секта», «культ», имеющих в общественном дискурсе ярко выраженные негативные коннотации и др. В этой ситуации выпадают критерии идентификации, а сам процесс, не обусловленный какими-либо правилами и принципами, сводится к демонстрации инаковости тех или иных религиозных групп. Процесс стигматизации в своей полноте предполагает, что сама группа узнает о нем и воспринимает его соответствующим образом. О стигматизации НРД можно также говорить в тех случаях, когда приведенные обоснования в пользу «сектантскости» организации воспринимаются ей самой в качестве надуманных, оторванных от реальности, в действительности отсутствующих. Она считает себя незаслуженно стигматизированной вне зависимости от того, что ни у кого изначально не было стремления как-то заявить о ее неполноценности. В этих случаях можно сказать, что первый этап модели расширения девиации

Л. Уилкинса – «определение в качестве девианта» – фактически заменяется «самоопределением в качестве девианта» или «стигматизацией самих себя» с сохранением всей последующей динамики развития модели. Если учесть, что целый ряд НРД изначально исходит из допущения о враждебности окружающего мира по отношению к группе, становится понятно, почему даже нейтральные материалы о них в публичном пространстве могут восприниматься как попытка стигматизации.

В этом контексте особый интерес представляют ситуации, при которых в качестве основного критерия отнесения какой-либо группы к числу НРД используются ее вредоносность и деструктивность. При этом весь процесс идентификации сводится к демонстрации реального и/или придуманного негатива как аргумента в пользу квалификации группы в качестве секты. С позиций науки установление опасности религиозной организации является возможной и вполне допустимой операцией, которая, однако, вне зависимости от ее результата не является свидетельством ее сектантства. Точно так же установление безопасности организации не является аргументом в пользу ее несектантского характера. В результате второстепенный с позиций науки критерий опасности/безопасности имеет первостепенное значение для целого ряда субъектов идентификации. В случае если такое надделение религиозных организаций признаками неполноценности и вредоносности будет осуществляться на публичных площадках, оно также может иметь эффект стигматизации вне зависимости от того, какие конкретно термины будут при этом использоваться и насколько обоснованы будут заявления о вреде группы.

Процесс идентификации НРД не регулируется искусственно, а протекает спонтанно в форме реакции на деятельность НРД. Ни для одного института общества реакция на феномен НРД и, как следствие, процесс идентификации НРД не являются сколько-нибудь приоритетными и важными направлениями. Все субъекты идентификации находятся как бы в пассивном модусе реакции на нетрадиционную религиозность и не предпринимают активных попыток разобраться во всем многообразии ее форм и разновидностей. Сам процесс выстраивается с опорой на минимально достаточные основания для завершения акта идентификации. Отсюда же проистекает специфика их работы с материалами самих НРД и всего процесса в целом; замечается только то, что по каким-либо параметрам начинает сильно выделяться на общем фоне, мешать, требовать внимания либо траты ресурсов. Например: а) НРД вырастает до таких размеров, что игнорировать его уже невозможно; б) в НРД случается какое-то происшествие криминального характера; в) НРД слишком активно привлекает

внимание к своим политическим, социальным и иным проектам. Любая аномалия вынуждает одного или нескольких субъектов идентификации как-то отреагировать на группу, что неизменно предполагает ее предварительную идентификацию в общем контексте религиозного пространства страны. Однако эта идентификация интенционально направлена на конкретную организацию и изначально не стремится к целокупному охвату всех аналогичных сообществ страны. В результате другие, сходные по типу, НРД могут оставаться незамеченными, а какие-то из них в то же время будут стигматизироваться. При этом само общество будет реагировать на аномалию и оставаться при этом совершенно не чувствительным к противоречивости своих реакций на один и тот же тип НРД, представленный разными группами. Чем более заметна аномалия, тем большее количество институтов общества вынужденно обращают на нее внимание. Чем менее профессионально они подходят к этому процессу, тем выше вероятность того, что какие-то группы будут стигматизированы. Конечно, из правила пассивной реакции есть свои исключения в виде отдельных ученых, общественных активистов, представителей тех или иных институтов общества, которые вопреки общей тенденции начинают заниматься не некоторыми наиболее заметными НРД, а всем феноменом в целом. Однако их работа не приводит к стигматизации НРД просто потому, что сама по себе предполагает серьезный подход, далекий от навешивания штампов и ярлыков.

В то время как идентификация религиозных организаций является непрерывно протекающим с разной степенью интенсивности процессом, лежащим в основании взаимодействия общества с религиозными группами и сообществами, стигматизация НРД не является логически необходимой его составляющей. Она случайна по своей природе и не поддается искусственному регулированию. Тем не менее сама специфика социокультурного контекста, в котором она с определенной периодичностью проявляется, может нивелировать ее негативные последствия. Так, например, в XX–XXI вв. в большинстве стран Запада простое акцентирование принципиальной инаковости религиозной группы уже более не является надежным основанием для ее стигматизации. Конституциями большинства

стран мира зафиксирован принцип свободы вероисповедания, полагающий различия в религиозных учениях и культовых практиках в качестве нормы. То, что еще 200 лет назад считалось серьезным нарушением порядка, морали и нравственности, трансформировалось в охраняемую законом норму общества. Последовательная реализация принципа свободы вероисповедания в сфере массмедиа со своей стороны значительно усложнила стигматизацию НРД. Произошло многократное увеличение общего объема рекламной, положительной и нейтральной информации в СМИ об НРД, что создало серьезный позитивный для НРД информационный фон, противодействующий процессу их стигматизации. Открытость и высокий уровень толерантности большинства информационных площадок растворяет и обезвреживает подавляющее большинство случайных информационных акций против конкретных НРД. Высокий уровень дифференциации современного общества привел к тому, что в конкретном акте идентификации религиозных организаций и стигматизации НРД участвует не общество в целом, как это имело место в прошлые столетия, а в лучшем случае отдельные институты и группы лиц. Им достаточно часто противостоят иные институты общества, занимающие нейтральную или альтернативную позицию в отношении НРД. В результате многократно уменьшилось значение и эффективность целенаправленных кампаний по стигматизации НРД: в XXI в. им гораздо проще противодействовать, чем естественным образом возникающим волнам стигматизации религиозных групп, у которых нет конкретного инициатора и четких целей, а сам процесс протекает спонтанно и неконтролируемо. НРД в целом не перестали стигматизироваться, но количество таких случаев в странах Запада значительно уменьшилось.

Таким образом, специфические особенности самого феномена НРД, социокультурный контекст и механизмы реакции на НРД со стороны общества не только налагают серьезные ограничения на возможность применения теорий стигматизации к НРД, но и обладают некоторым потенциалом их дополнения и корректировки. В этом отношении особый интерес представляет анализ стигматизации НРД как составной части более широкого и масштабного процесса идентификации религиозных организаций.

Библиографические ссылки

1. Major B., O'Brien L. T. The social psychology of stigma // *Ann. Rev. Psychol.* 2005. Vol. 56. P. 393–421.
2. Lemert E. M. *Human deviance, social problems and social control.* Englewood Cliffs, 1967.
3. Becker H. S. *Outsiders. Studies in the sociology of deviance.* New York, 1963.
4. Goffman E. *Stigma. Notes on the management of spoiled identity.* Englewood Cliffs, 1963.
5. Wilkins L. T. *Social deviance. Social polity, action and research.* Abingdon, 2001.
6. Aho J. A. *This thing of darkness. A sociology of the enemy.* Seattle, 1994.
7. Hall J. R. *Apocalypse observed. Religious movements and violence in North America, Europe and Japan.* London ; New York, 2000.

8. Hill H., Hickman J., McLendon J. Cults and sects and doomsday groups, on my. Media treatment of religion on the eve of the millennium // *Rev. Relig. Res.* 2001. Vol. 43, No. 1. P. 24–38.
9. Wessinger C. How the millennium comes violently. New York, 2000.
10. Hampshire A. P., Beckford J. A. Religious sects and the concept of deviance. The Mormons and the Moonies // *Br. J. Sociol.* 1983. Vol. 34, No. 2. P. 208–229.
11. Kent S. Deviance labelling and normative strategies in the Canadian «New Religions» // *Can. J. Sociol.* 1990. Vol. 15, No. 4. P. 393–416.
12. Iannaccone L. R. Sacrifice and stigma. Reducing free-riding in cults, communes, and other collectives // *J. Polit. Econ.* 1992. Vol. 100, No. 2. P. 271–291.

References

1. Major B., O'Brien L. T. The social psychology of stigma. *Ann. Rev. Psychol.* 2005. Vol. 56. P. 393–421.
2. Lemert E. M. Human deviance, social problems and social control. Englewood Cliffs, 1967.
3. Becker H. S. Outsiders. Studies in the sociology of deviance. New York, 1963.
4. Goffman E. Stigma. Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, 1963.
5. Wilkins L. T. Social deviance. Social polity, action and research. Abingdon, 2001.
6. Aho J. A. This thing of darkness. A sociology of the enemy. Seattle, 1994.
7. Hall J. R. Apocalypse observed. Religious movements and violence in North America, Europe and Japan. London ; New York, 2000.
8. Hill H., Hickman J., McLendon J. Cults and sects and doomsday groups, on my. Media treatment of religion on the eve of the millennium. *Rev. Relig. Res.* 2001. Vol. 43, No. 1. P. 24–38.
9. Wessinger C. How the millennium comes violently. New York, 2000.
10. Hampshire A. P., Beckford J. A. Religious sects and the concept of deviance. The mormons and the moonies. *Br. J. Sociol.* 1983. Vol. 34, No. 2. P. 208–229.
11. Kent S. Deviance labelling and normative strategies in the Canadian «New Religions». *Can. J. Sociol.* 1990. Vol. 15, No. 4. P. 393–416.
12. Iannaccone L. R. Sacrifice and stigma. Reducing free-riding in cults, communes, and other collectives. *J. Polit. Econ.* 1992. Vol. 100, No. 2. P. 271–291.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2017.
Received by editorial board 03.03.2017.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 80(072)

ПРОГРЕСС КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

В дискуссионной форме, в жанре размышления-анализа исследуется современное состояние общества, стереотипы, мифы массового сознания. Затрагиваются проблемы высшего образования, его содержания и формальных требований к нему. Рассматривается действие положений Болонского протокола в учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Указываются особенности информационной сферы в России и Беларуси.

Ключевые слова: научно-технический прогресс; нравственный прогресс; парадигма прогресса; наука; система образования; стереотипы мышления; здравый смысл; капитализм; энтропия; Болонская декларация.

PROGRESS AS A PARADIGM OF SOCIAL AND COMMON SENSE

T. I. SHAMYAKINA^a

^a*Belarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

A modern state of the society, stereotypes and myths of mass consciousness are studied in the form of discussion, in the genre of reflection-analysis. The problems of higher education, its content and formal requirements to it are touched upon. The Bologna regulations' functioning in higher educational institutions of the Republic of Belarus is considered. The peculiarities of the IT-sphere in Russia and Belarus are highlighted.

Key words: scientific and technical progress; moral progress; progress paradigm; science; education system; patterns of thinking; common sense; capitalism; entropy; the Bologna Declaration.

Образец цитирования:

Шамякина Т. И. Прогресс как социальная парадигма и здравый смысл // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 82–90.

For citation:

Shamyakina T. I. Progress as a paradigm of social and common sense. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 82–90 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета.

Author:

Tat'yana Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; head of the department of theory of literature, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

Современная система образования не направлена на формирование у молодежи диалектического мышления, которое отвечает за здравый смысл. В результате молодые люди находятся во власти многочисленных стереотипов, коллективных мифов и словесных шаблонов, усвоенных в основном из СМИ, частично – от учителей и преподавателей, среди которых все реже встречаются личности яркие, неординарные, оригинально мыслящие.

Реально действующие идеологические постулаты (хотя официально идеология не провозглашается), как бы они ни назывались, работают в одном направлении – либеральном. Смысл его заключается в следующем: утвердившаяся общественно-экономическая формация, нынешняя система жизнеустройства – единственно возможные, и других просто не может быть, ведь уже через все уклады (монархизм, социализм) общество проходило, и все они рухнули.

Между тем люди ощущают *ненормальность* установившегося в мире порядка. Так, не может не пугать экологическая обстановка, которая постоянно ухудшается. Обычно это объясняется повышенной нагрузкой на природу все более увеличивающегося населения Земли. Однако доктор физико-математических наук С. Г. Рубин объясняет, что давление на среду возрастает тогда, когда растет количество, говоря по-простому, одинаковых людей. Когда же растет число разных этносов с разным укладом жизни, отходы одной жизнедеятельности могут стать ресурсами другой жизнедеятельности, т. е. демографический рост не страшен [1, с. 12].

Ресурсы, конечно, истощаются, но в то же время прирастают, например леса. Оказывается, возобновляется даже нефть – заработали некоторые, уже, казалось бы, исчерпанные месторождения. В мире острая нехватка пресной воды. Но когда Муаммар Каддафи обнаружил под пустыней Сахарой четыре огромных водоема пресной воды и провел водопровод длиной в 2000 км для ее перекачки, лидера Ливии просто казнили, а его страну «вбомбили» в Средневековье. И что сейчас будет с пресными озерами подземной Сахары (их увидели со спутников), неизвестно. Безусловно, кто-то ими завладеет. Характерно, что М. Каддафи, за 27 лет потратив на ирригацию 30 млрд долл., скрывал информацию о своем водном богатстве, считая ее стратегической, и был совершенно прав, зная ситуацию в мире.

Таким образом, дело не столько в истощении ресурсов, сколько в их бездумном, варварском, хищническом, что как раз характерно для капитализма, использовании. Впрочем, слово «капитализм», как правило, ни в официальных документах, ни в СМИ не употребляется. Лукаво – «рыночная экономика». Хотя «экономика» с древнегреческого языка – «домостроительство». Рынок же не строит, не производит материальные ценности, а перераспределяет их.

Еще один непререкаемый постулат пропаганды, в том числе в Беларуси, звучит так: прогресс остановить невозможно. Это аксиома. Спорить нельзя, чтобы не сойти ретроградом. Причем имеется в виду исключительно научно-технический прогресс. Потому у нас в стране разными ведомствами-монополистами без долгих размышлений и всякого общественного обсуждения активно и даже лихо внедряются самые, как нас убеждают, прогрессивные технологии. И если, скажем, лет 20 назад в России движение православных верующих против присвоения каждому из граждан индивидуального номера было довольно мощным, поскольку считалось сатанизмом, то в Беларуси робко выступила лишь одна религиозная община. Между тем, как многие подозревают, эта массовая акция, наряду с биодиагностикой на таможне, является подготовкой (или даже уже началом) всеобщей чипизации. То же – с насаждением банковских карточек. Международным банкам виртуальные деньги выгодны. А население становится все более зависимым от банков. Не исключено, что это также этап приучения жителей разных стран к будущему *техногенному концлагерю*, когда человек без индивидуальной карточки (в конце концов без чипа) вообще становится никем, выпадает из социума, ни на что не имеет права. Как стадо баранов, человечество бездумно движется в том направлении, в котором указывают мировые вершители людских судеб.

Хотя достаточно включить *здравый смысл* и признать, что существует прогресс не только научно-технический, доставляющий удобства, но и моральный, социальный, направленный на рост в человеке не материальных, а духовных потребностей. Собственно, опыт истории подсказывает, что социальный прогресс и возможен только вместе с нравственным прогрессом или вслед за ним. Советский Союз рухнул во многом и потому, что люди морально не дозрели до совершенного общества: духовные личности, коллективисты погибли, были выбиты, а то и переродились, зато вызрела масса обывателей, ставшая в конце концов критической. Помню из детства, как поразило моего отца, человека исключительно, причем совершенно искренне, идейного, заявление его коллеги – известнейшего драматурга: «Я воевал. Я – победитель. Я все отдал обществу. Я никому ничего не должен. *Мне все должны*». С такого перерождения лучших из лучших, действительно героев-победителей, и начиналось обуржуазивание массового сознания, приведшее в начале 1990-х гг. к ликвидации самого удивительного в истории социального проекта – социалистического государства.

Итак, соглашаясь с тем, что прогресс не остановить, можно представить, хотя бы в мечтах, изменение его вектора, направленного в сторону улучшения нравов, утверждения высоких нравственных ценностей и принципов.

Неоднократно доказано, что в современных людях чрезвычайно сильна зависимость от чужого мнения, СМИ, интернета – до такой степени, что внедрить психологическую установку можно иногда одним словом, а ввести в мозг новую программу – одной фразой. В этих условиях особенно возрастает роль государственных структур и патриотической интеллигенции, заинтересованных в полноценном, образованном и сознательном населении.

Конечно, изменить уже внедренную в сознание человека ментальную программу бывает очень сложно, и все же с молодежью это возможно: дети поддаются. Тут, кстати, огромную роль играет образное, красивое, метафорическое художественное слово, в целом воздействие искусства на сознание.

В наше время *истинная* культура, кажется, никому не нужна. Какая от литературы *практическая* польза? Еще один стереотип коллективного сознания. А польза – как раз в улучшении нравов, в воспитании души, в формировании познавательной потребности, общей культуры человека, без которой никакое нормальное производство невозможно. Писатели, как и ученые, повышают *качество* народа.

Кроме того, литератор обогащает словарь общенародного языка, вводит новую лексику, крылатые слова. Новый словарь – во многом новое мышление. Ведь человек овладевает реальностью с помощью языка: явление названо – значит оно существует. И наоборот.

Отечественная поэзия, классическое мировое искусство, очарование природы сохраняют в нас угасающий вкус к жизни, снимают душевную усталость в условиях вечной борьбы за существование, непрерывного мучительного выживания, давления вербальной интервенции – иностранных слов и выражений.

Мир вообще энтропичен. И давно бы погиб, если бы квантовые структуры – *души* человеческие – распаду не сопротивлялись. В целом противостоят энтропии гармония и порядок. Неупорядоченность возрастает в условиях *управляемого хаоса*, о котором как о способе воздействия неких наднациональных структур на землян политологи говорят все чаще. Значит, нужно искать средства, противодействующие энтропии в новых, чрезвычайно сложных условиях. Впрочем, основные средства давно известны. Только не нужно их глушить и загонять на задворки общественной жизни.

Зачем уничтожать *красоту* там, где она еще теплится? Например, среду наших городов. Нет слов, во многом они становятся иными, как полагается считать, краше. Но и порча идет активно. Скажем, психологи давно доказали, что человек чувствует себя комфортно среди зданий, соразмерных его росту и объему – домов не выше четырех-пяти этажей.

Небоскребы, тем более из сплошного стекла, подавляют психику (блестящие, отражающие поверхности действуют угнетающе и примитивизируют мозг, ведь неслучайно в произведениях жанра ужасов нередко фигурируют зеркала). Подсознательно все понимают, что небоскребы – явление иррациональное. Но почему-то считается (еще один стереотип массового сознания), что столица без огромных стеклянных параллелепипедов – не столица. Ладно, земля дорогая – понятно. Так стройте очередные «сити» на окраинах Минска. Нет, милый, совершенно неповторимый в своей традиционной застройке город, уникальный, потому что возводился по единому плану после Великой Отечественной войны, изуродован в самом центре примитивными «небочесами» ради престижа, удовлетворения честолюбия их владельцев и архитекторов. В свое время проспект (Сталина, Ленина, Скорины, Независимости) представлял собой единый комплекс, гармоничный, стройный ансамбль, каковых мало в мировом зодчестве. Он заслуженно был удостоен Ленинской премии. Но современному нуворишу понадобилось возвести нечто неудобоваримое в самом красивом месте – вблизи цирка. Ансамбль разрушен.

В то же время молодые люди, взрослые среди примитива, не понимают архитектуру в классических стилях. Впрочем, о стилях они не имеют никакого понятия, ведь дисциплину «История и теория мировой культуры» у нас на факультете ликвидировали. Думаю, не только у нас. И вот мой студент скрупулезно проследил и отобразил в письменной работе, **что** из советского прошлого осталось в городской застройке. Ему *ненавистно* все, даже балконы. Молодому человеку невдомек: чем разнообразнее, историчнее застройка города, тем он притягательнее для жителей и туристов, тем интереснее в нем жить. Во всех странах свое наследие берегут и лелеют.

В последние десятилетия укрепилась хорошая традиция устанавливать на улицах декоративные скульптуры в качестве эстетических акцентов. В Минске эти скульптуры в целом художественны и украшают городской интерьер. В других городах, видимо, в угоду таким молодым, о представителе которых я сказала выше, появилась тенденция делать скульптуру исключительно юмористической, более того, карикатурной. Ладно, если это безымянные персонажи. Но хуже, когда в издевательском облике предстает известный человек. Например, чудовищна скульптура артиста Евгения Леонова в Москве. Я специально просмотрела памятники знаменитым писателям в разных городах России. В возведенных в последние годы монументах Антону Павловичу Чехову и Федору Михайловичу Достоевскому, писателей для русского человека знаковых, их образы просто безобразны.

Это широко применяемый манипуляторами сознания прием «осмеяния символа». Ведь «информационные установки, проводимые вместе со смехом, “усваиваются” подсознанием гораздо сильнее и эффективнее, чем поданные в нейтральной форме. Установка, заложенная в “смешном тексте”, проникает в подсознание, подобно начинке “троянского коня”; фильтры критического восприятия работают в этом случае менее эффективно или не работают вовсе» [2, с. 42]. В связи с этим вспоминается время перестройки, когда в электронных СМИ расплодилось огромное количество юмористических передач и сатириков, высмеивалось все и вся: население готовили к развалу страны, который действительно был воспринят спокойно и даже радостно. Уже позже многим стало ясно, что капиталистический выбор – помрачение разума у большинства населения.

Сейчас же многое не просто смешно, а уродливо. То есть, чтобы помрачение оставалось, нужны более мощные раздражители психики. Вполне можно говорить о *монстрофилии*, внедряемой очень активно. К уродству приучают с детства – достаточно посмотреть на персонажей современной анимации. А начиналось все в 1990-е гг. с многочисленных рисунков, мультфильмов и сомнительных игрушек, изображающих динозавров (совсем не факт, что ящеры выглядели именно так). Сейчас как апофеоз данной тенденции распространены игрушки в виде мертвецов, зомби и т. п.

Визуальные объекты, которые прохожий видит каждый день, особенно мощно действуют на сознание. Потому скульптуры культурных и исторических деятелей по всему миру предстают в лучшем случае в привычных для обывателей образах комиксов. Неудивительно: в позднем, *разлагающемся*, капиталистическом обществе хорошо продается всяческая патология и объекты, искажающие реальность. А вот в СССР культивировалась здоровая нормальность – для дурного, уродливого, сомнительного существовала цензура. Цензура как нравственная и эстетическая *экспертиза*.

Внешняя среда, подаренная нам *прогрессом*, это также и дизайн. В общественных зданиях, ресторанах, офисах интерьеры или помпезные, по-купечески аляповато-роскошные, или – якобы в стиле минимализма – никакие, т. е. примитивные до последней степени. Хотя есть, конечно, и удачное оформление внутренних помещений. Мои попытки добиться от студентов описания-анализа разных видов интерьеров окончились полным провалом. Молодые люди в большинстве своем на такой анализ не способны.

О воспитании эстетического вкуса молодого поколения вообще никто не заботится. Даже сами термины «эстетический вкус», «художественное образование», кажется, полностью исчезли из педа-

гогики. Зачем? Ведь нынешним молодым людям суждено жить в «термитнике», где каждому будет отведена строго определенная функция. И как оформлять свое жилище, им обязательно укажут.

Что касается креативности *современной* молодежи, то немало среди нее и поэтов, и изобретателей. Ведь пока еще студентам есть у кого учиться. Президент Беларуси поддерживает юные дарования, существует образованный им фонд, в течение года неоднократно устраиваются конкурсы, смотры, выставки достижений школьников и студентов. Они радуют. И все же очень многие из их разработок вторичны, хотя и нужны. Например, разного рода новые компьютерные программы для многих сфер жизни. В 2017 г. учащийся гимназии № 6 г. Минска Владислав Горбач создал 3D-принтер на основе школьных парт. Или, скажем, в Санкт-Петербурге активные туристы построили настоящий корабль-драккар, чтобы плавать на нем по рекам России. Мои студенты восхищаются. Да только я помню точно такой же опыт 30-летней давности – строительство молодыми энтузиастами корабля викингов и путешествие на нем по пути «из варяг в греки», благо границы государств тогда не нужно было пересекать и Днепр воспринимался общей для русских, белорусов, украинцев рекой.

Вообще, многие изобретения нынешних молодых и даже маститых технарей мне помнятся по *советским* журналам «Техника – молодежи», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Знание – сила». Особенно прорывными были научные идеи, технологии, технические разработки 1960-х гг. На них-то нынешний прогресс, все те бытовые удобства, среди которых сегодняшнее поколение привыкло жить, и произошел. В настоящее время явствен отказ от по-настоящему *масштабного прогресса*. Суррогаты в науке, образовании, любой другой сфере – вместо подлинно значительных проектов, которые облегчили бы *душевную* жизнь людей и сменили парадигму общественного развития.

Не просто насаждаются суррогаты – уничтожается красота. Ломка традиций и издевательство над авторитетами идут по всем направлениям. Сошлюсь на мнение относительно российских телевизионных передач известного русского писателя Михаила Чванова: «Если в страшные 90-е годы прошлого века во время разгула на телевидении гнусности откровенную порнуху, по преимуществу, показывали глубокой ночью, все-таки детей жалели, то теперь все наоборот: самые хорошие передачи поздней ночью, чтобы их как можно меньше людей видело, так пятая колонна, прочно держащая с тех печальных времен в оккупации телевидение, вершит свое черное дело. А в самое удобное вечернее время – сплошной “юмор” и парад попугаев, правда, еще бесконечные, в разных вариантах “менты”. В свое время министр культуры России

Соколов при вступлении в должность дерзнул посягнуть на “святое”: в своей программной речи заявил, что первое, что сделает, – закроет пошлейший “Аншлаг” и “Смехопанораму” Евгения Петросяна. Увы, кончилось тем, что министр в скором времени лишился кресла, а пошлейший <...> сменил вывеску, и господин Петросян по-прежнему не “вылазит” из экрана. <...> Апофеозом попугайства стало шоу “Точь-в-точь” на Первом канале. Я полагаю, что господин Эрнст за него получит очередную высокую награду. Жюри! Бывший “учащийся кулинарного техникума”, ликующий, светящийся от довольства: наконец, свершилось, дали возможность осуществить в полном объеме попугайское счастье! Бездарный и пошловатый Ярмольник, прочно и ядовито, как клещ, впившийся в отечественное телевидение. Эти двое от природы способны быть только попугаями. К моему удивлению, в их попугайском обществе нашла счастье бывшая оперная дива, с каждой передачей меняющая свое яркое оперение, – Любовь Казарновская. Все трое буквально сияют от счастья: пир попугаев! А на сцене – парад попугаев. Торжество, апофеоз, ликование пошлости, возведенной в ранг искусства! Не щадят никого, завтра нарядаются в недавно ушедшую из жизни великую певицу Елену Образцову и запросто докажут, что попугай талантливее ее...» [3, с. 249–250].

Писатели негодуют, а тот же господин Эрнст, хозяин канала, всегда может сослаться на высокие рейтинги передачи. Действительно, население за 30 лет приучили к пошлости. Причем до такой степени, что когда объясняешь, в чем пошлость, тебя не понимают.

В медиасфере происходит много удивительного. Хорошо хотя бы, что в России можно об этом писать. У нас тоже можно, но как-то не принято. Особенно критиковать. Считается неприличным. Белорусы вообще очень застенчивые. Потому и мне приходится ссылаться на опыт российского телевидения.

Различные ток-шоу типа «Прямой эфир», «Говорим и показываем» преследуют, по-моему, несколько целей. Во-первых, это обязательно пиар разных медиаперсон, которые выступают либо героями, либо экспертами многочисленных передач. Для них очень важно как можно чаще появляться на экранах. Во-вторых, это публичное перетряхивание грязного белья в семьях, что дискредитирует институт семьи, унижает русский народ, представляет простых людей быдлом, о чем как раз либеральная «элита» постоянно трубит, и что играет на руку ненавистникам России. В-третьих, конечно, реклама.

Не только концепция конкретных передач, но и многие пассажи смешат и удивляют. Например, на якобы географическо-этнографическом канале «Моя планета», который на самом деле для бога-

теньких, поскольку служит турфирмам, как-то прозвучало: «Красный цвет у нас, русских, ассоциируется с определенной политической ориентацией». Такие мелкие укольчики в прошлое, а по существу беспросветную глупость, слышишь по телевизору каждые полчаса. Но это уже прогресс – раньше было чаще и в лоб.

Белорусским каналом «СТВ» ежедневно транслируется российский канал «РенТВ», в частности проекты Игоря Прокопенко («Территория заблуждений», «Самые шокирующие гипотезы» и др.). Это очень интересный деятель, методы которого стоило бы студентам-журналистам внимательно изучать. Серьезные ученые осуждают часть его проектов за антинаучность. С другой стороны, сама наука требует обновления и очень многие постулаты с точки зрения здравого смысла и новых находок и фактов, безусловно, требуют пересмотра. Ну не могли пирамиды в Гизе построить египтяне в официально признанную эпоху – четыре с половиной тысячи лет назад, так как там применены такие технологии, которые и сейчас нам недоступны. То есть накопилось немало совершенно очевидных фактов, свидетельствующих о существовании працивилизации, уничтоженной природным катаклизмом. Об этом у И. Прокопенко – много, часто и интересно. Но когда речь заходит об инопланетянах, об уже происшедшем заселении(!) американцами Луны, Марса и тому подобных вещах, то здесь больше веришь официальной науке. На самом-то деле описания невероятных чудес лишь наживка, приманка для любознательных зрителей, чтобы завладеть их вниманием, заставить думать, приучить к своим увлекательным, хотя и неправдоподобным фильмам ради того, чтобы россияне доверяли главному проекту – передаче «Военная тайна». Она явственно патриотична и прославляет русских людей, русское оружие и русское производство.

В то же время в проектах И. Прокопенко немало выпадов против советской эпохи, Сталина и т. д. Почему? Потому что нужно противопоставить советское руководство (пусть при нем и произошел тот научный и технический задел, который сейчас эксплуатируется) нынешнему – успешному, по крайней мере в военной области. Так талантливый журналист верой и правдой служит режиму.

Однако медиасфера – вся *на парадоксах*. Потому что любой, даже очень популярный журналист, зависим от хозяина телеканала. Хозяином может быть частное лицо, государство, но главным образом тот, кто оплачивает рекламу. Во многом ради рекламы существуют электронные СМИ. Не угодишь заказчику рекламы – вылетит с работы. Возможно, отсюда выпады И. Прокопенко против советского прошлого. Ведь для хозяев жизни главное – сохранить нынешнее положение вещей, потому необходима дальнейшая деградация населения,

чтобы у людей не возникало мыслей о социализме, при котором национализация награбленного ворами-капиталистами неизбежна. Для оглупления людей служит массовая «культура» – те самые пошлые передачи – и реклама.

Вернемся к сфере образования, потому что это, по существу, та же тема. Поменялся у нас министр, однако чиновники на местах продолжают свои содержательно противоречивые новации. Сотрудники Республиканского института высшей школы (РИВШ) уже готовы не только к себе на улицу Московскую зазывать, а сами выезжают на факультеты для проведения курсов лекций, посещать которые обязаны даже деканы. И цель этих курсов одна – пропаганда Болонской декларации. Ведь так много и часто преподаватели РИВШ ездили по заграницам, набирались опыта. Не должен этот драгоценный опыт пропасть втуне!

Если серьезно, то с самого начала всему образовательному сообществу было абсолютно ясно, что западный опыт, т. е. Болонскую систему, необходимо было либо переносить к нам целиком, что невозможно в принципе (иные структуры, финансирование и т. д.), либо основываться на собственных традициях, при этом осторожно, не торопясь, с учетом требований времени вносить коррективы в собственную систему. Внедрение западного опыта, бездумное смешение разных систем произвело, как мы и предупреждали чиновников, настоящий хаос, на что, скорее всего, западные кураторы и наши внутренние ретивые западники как раз и рассчитывали.

То, что Болонская декларация не предполагает жесткого протокола, мягко говоря, неправда. Есть не только вкрадчивые советчики, но и строгие надзиратели. Видимо, неслучайно профессора из разных стран, также испытывавшие на себе Болонский «прогресс», обвиняют Организацию экономического сотрудничества и развития, тесно сотрудничавшую с Международным валютным фондом, в попытках установления контроля над национальными системами образования. То есть речь идет, по сути, о «мировом министерстве образования».

Чем хуже прежние выпускники университетов – специалист и аспирант – нынешних бакалавра и магистра? Любой опытный преподаватель скажет, что всем были лучше. В прежней системе существовали дисциплины по выбору – спецкурсы и спецсеминары. Правильно и логично. Они остались, например, в австрийских университетах, где ни от одной собственной традиции не отказались. Наши же фундаментальные, академические дисциплины, без которых невозможно обеспечить классическое образование, перевели в курсы по выбору. Однако в западных университетах этот выбор осознан, так как везде работает опытный методист

на ставке – так называемый тьютер, который до начала учебного года, до момента выбора, знакомит каждого студента с системой учебных предметов и с каждым *индивидуально* обсуждает, что ему более всего *подходит* (а не просто интересуется его). Ведь достаточно включить *здравый смысл*, чтобы стало ясно: молодой человек не представляет содержание дисциплин и, если его не просветить, выбирает на авось. У нас в выборе полный хаос, зато присутствует видимость демократии.

Сам принцип выбора в классическом университете на самом деле абсурден – это обратная сторона провозглашаемой во всем свободы. Однако свобода в сфере *культуры* на практике очень жестко ограничена (это система табу), и только поэтому можно говорить о прогрессе общества. «...Категория “свобода” в христианском понимании предполагает ответственность, сдержанность и самоограничение...» [4, с. 36]. Но не является ли принцип выбора еще и проявлением духовной *педократии* (термин философа С. Булгакова), когда молодежь диктует взрослому сообществу свои взгляды и пристрастия? Ученики Конфуция, Платона и Аристотеля никогда не указывали своим наставникам, **что** хотели бы от них услышать.

В образовании нарушено главное – *системность* в подаче ранее связанных между собой дисциплин; знания (скорее, уже просто информация) даются клочковато, разрозненно, мозаично. В образовании, как и везде, копируется худшее из *умирающего общества*. Словно мы аккуратненько, любовно убираем свою каюту, находясь на погружающемся в пучину «Титанике»...

Конечно, руководство университетов, в частности БГУ, пытается нейтрализовать негативное воздействие смешения разных образовательных систем, можно сказать, бьется в поисках приемлемых решений. Однако далеко не все в их силах. А сколько нервов, времени затрачивается... Впрочем, полагаю, что и сами чиновники – заложники ситуации.

У Министерства информации Республики Беларусь свои заботы. Однако пользователя СМИ не может не волновать вопрос: неужели данное ведомство – только для распространения информации? А кто озабочен воспитанием населения? Не только детей, молодых людей, но и населения страны в целом? Обыватель нередко озлоблен против властей. Но ведь достаточно всего лишь объективно и непредвзято информировать об *истинных* виновниках наших бед – о собственно *капиталистической формации*, куда нас загнали после развала СССР, о транснациональных корпорациях и международных банках, которым принадлежит более 90 % всех мировых богатств, о подоплеке действий наших соседей. Наивно? Но некоторые издания, например газета «Коммунист Беларуси», не боятся говорить правду. Так, Олег Степаненко

убедительно показал нарушение российской стороной всех прежних договоренностей между Россией и Беларусью, о буквально удушении некоторыми фирмами России конкурентов из Беларуси с их высококачественной продукцией, что снова-таки противоречит прежним соглашениям. Сошлемся, например, на его статью с характерным названием «Гильотина для интеграции» [5, с. 4–5].

Олег Степаненко – журналист-обозреватель чрезвычайно опытный, осведомленный и авторитетный. Почему бы, скажем, белорусским массовым газетам не перепечатывать его материалы, появляющиеся первоначально в «Правде». То же касается лидера украинских коммунистов Петра Симоненко, который также активно печатается в газете «Коммунист Беларуси» и очень доказательно показывает роль Международного валютного фонда в развале экономики Украины (как, впрочем, и многих других государств). Между тем белорусские банки свято следуют рекомендациям именно этой глобалистской структуры. Точно так же, как система образования – советам с «той стороны». Энергия направлена куда-то не туда, если исходить именно из *здравого смысла*.

Для меня символом-предупреждением отношения к нам, преподавателям, в течение века стала история переселения нашего факультета в новый корпус.

Филфак БГУ размещается в здании бывшей Высшей партийной школы по ул. Карла Маркса, 31. Сразу после передачи корпуса БГУ (в начале 1992 г.) исчезла часть имущества: ковры, дорожки, мебель с гобеленовой обивкой, вазоны с цветами и т. д. Причем разграбление происходило фантастически нагло и исключительно быстро. Вот мы появляемся в первый день – знакомимся с новым корпусом, изъятым у старой коммунистической власти, которая ликвидирована пьяной тройкой в Беловежской пуще. Восхищаемся обстановкой. Начинаем переносить бумаги и вещи. Буквально через два дня вся роскошь в новом для нас здании куда-то улетучивается, а комендант тут же увольняется. Деканам университетских факультетов не до того. Вернее, люди от науки (а наш тогдашний декан – еще и поэт) вообразить не могли, что можно вот так воровать на глазах у всех. Но наступало время всеобщей «растаскиловки»: еще и не такое пришлось нам всем наблюдать на сломе эпох. Причем главная кража – кража нашей истории...

Самое главное богатство – люди. С них и начинать. Преподавательское сообщество также огромное богатство любого государства. Каждый год нас, преподавателей, трясут по разным бюрократическим поводам. Скажем, относительно программ. То главное внимание – типовым, то по 20 раз переделываем учебные. То рецензии нужны, то не нужны. Причем приносишь программу на проверку к одному

чиновнику – говорит одно, приносишь, уже выправленную, к другому – оказывается, неправильно, снова переделываешь.

Программы нужны. Но так ли важна исключительная скрупулезность – до точки – в их оформлении? Важнее *неизменяемость* разных правил. Но еще важнее то, что у меня, профессора, в голове. И кстати, мы, как и наши студенты, тоже развиваемся, растем, возникают новые мысли. Я должна иметь полное право уже в течение года обновлять в чтении дисциплины то, что считаю нужным. Догм нет. Да и информационное пространство изменяется очень быстро. Нередко возникает необходимость сконцентрировать внимание на иных проблемах, не отраженных в программе, потому что они не были актуальны вчера. Конечно, в математике, химии, биологии теоремы и законы не изменяются. Но в гуманитарной сфере, в областях знания, связанных с социумом, иначе. К сожалению, чиновники не учитывают нашу специфику. Как не учитывают и то, что литературоведы читают не только научную литературу, подобно преподавателям других факультетов, но и художественные тексты в большом количестве. На это нужно время. О подготовке новых курсов лекций я уж и не говорю. Когда я, молодой преподаватель, после аспирантуры пришла работать на кафедру, за разработку нового курса в индивидуальном плане ставили сразу двести часов. Эту привилегию убрали еще в советское время. Но ведь было. Было понимание и *забота* о специалисте.

В «тоталитарном» Советском Союзе нами, преподавателями, управляло одно министерство образования, РИВШ и другие подобные учреждения еще не были созданы. Конечно, мы не обходились без ряда обязательных документов, но никто особо на них не заикливался. Зато хотелось искать и творить – инициатива приветствовалась.

Ясно, что в начале XXI в. структура общества очень усложнилась, и это требует более изощренных методов управления. К тому же происходит глобализация. При этом действует парадоксальный закон: чем больше стремление бюрократических органов жестко подчинить, упорядочить руководимые ими общественные институты и страты, тем больше как раз дисгармонии, разлаженности в работе, нарастания элементов хаоса. Все же какие-то вещи должны исходить снизу, «от станка».

За 40 лет моей педагогической деятельности чиновники никогда ничем в моей работе не помогли – я сама искала, испытывала. Педагогика – изумительный творческий процесс. Моими коллегами и мною разработано достаточно много методических и психологических форм, приемов, способов преподавания. Бюрократические указки нам вообще не нужны. Нам нужны лишь традиции наших наставников, которым мы стремимся следовать и которые развиваем в соответствии с требованиями

времени. А вот мы чиновникам нужны – что они без нас, практиков? Так можно хотя бы считаться с нами?

Добиться этого несложно. Приведу пример. При одном из ректоров БГУ, который после своей отставки чрезвычайно, до страсти, увлекся политикой, представители некоторых структур университета (секретари, бухгалтеры, технический персонал) с преподавателями разговаривали высокомерно, пренебрежительно, нередко грубо. Достаточно было прийти к руководству другим людям – положение изменилось: в последние годы с чиновниками приятно общаться, они вежливы и интеллигентны.

Чиновникам, прежде чем идти на кардинальные реформы, вызывающие протест у педагогов, необходимо собрать у практиков их размышления, предложения, итоги педагогического опыта. Это было бы по-настоящему демократично. Кроме того, в советское время и факультетам было предоставлено больше самостоятельности, хотя и тогда существовал обязательный набор дисциплин типа «Истории КПСС». Но такой предмет, как оказалось, был необходим. А вот сегодня молодые люди не знают истории, как и географии. Однако, чтобы мало-мальски знать историю, молодежи нужно не только читать, но и говорить с родными и педагогами. Проблема имеет много аспектов. В частности, воспитательный. О нем не забывают никогда, но, к сожалению, как раз здесь продолжается худшая советская традиция – оценивать уровень идеологической, воспитательной работы по количеству проведенных мероприятий. А со студентами нужно говорить, просто говорить по душам каждый день. О жизни, о семье, о Боге. Однако сугубо практическая направленность образования, резкое сокращение гуманитарных дисциплин не предполагают подобных разговоров.

О равнодушии можно говорить и по отношению к профессорско-преподавательскому составу. Простой доцент, профессор никому не интересны. Чем самочувствие, здоровье, время профессора, более важно то, что напишут студенты о нем в интернете. А от внимания к нему, заботы о нем и начинался бы тот *нравственный прогресс* общества, о котором мы все мечтаем. Где и возникать новому подходу к специалисту, как не в интеллектуальной, самой образованной среде?..

Мы чрезвычайно озабочены проверками бизнеса, индивидуальных предпринимателей. Неважно, что они будут нас травить просроченными продуктами и оказывать некачественные услуги. Более важно держать на контроле преподавателей. Это требование Болонской системы. Причем сами проверяющие на аудитах говорят, что стандарты требований к деловой документации разработаны для иной сферы – производственной. Но не для образовательной. Или, скажем, представлены в учебный

отдел инструкции по подготовке нами, преподавателями, учебных программ. Но сами чиновники далеко не все понимают в этих инструкциях. Они написаны неудобоваримым языком и запутанны. Встает вопрос: кто их составляет? Почему не привлекают филологов для их проверки, хотя бы стилистической?

Каждый из нас – *неповторимая индивидуальность*. Но иногда создается впечатление, что это не порядок. Вообще-то при капитализме труд – товар, человек обезличен и неинтересен как личность. Конечно, в Беларуси еще остались гуманистические традиции. Но законы рынка в условиях глобализации неумолимы. Вернее, неумолимы чиновники из соответствующих международных структур и олигархи.

Однако в людях нарастает раздражение. Главным образом потому, что система (капитализм) вытраивает в них *человеческое*, а все больше насаждает *технологическое*. *Запредельная бюрократизация в образовании как раз такая инженерия*. И все же неизбежно грядет новая эпоха – пострыночных, посткапиталистических отношений, когда *научно-технический прогресс будет базироваться на этических принципах*. Иначе человечество просто вымрет. Эта эпоха обязательно наступит, несмотря на заклинания либеральной элиты, которая изо всех сил стремится сохранить свое господствующее положение. Когда-то великий провидец Ф. М. Достоевский говорил, что Россию погубят «проклятые либералы». Можно надеяться, этого не случится.

Уже сейчас слышен какой-то подземный гул. Некоторые процессы идут не так, как задумали властители мира. Хотя пока власть и деньги в их руках. Деньги шальные. В начале 2017 г. в состояние шока людей Земли привела информация о том, что половина мирового богатства принадлежит восьми личностям. Такое вообще невозможно себе вообразить. Это и есть показатель чудовищного морального *регресса*, невиданного в истории. Естественно, на эти деньги можно где угодно организовать революцию и смести любое правительство, вообще уничтожить границы между государствами. Ведь границы мешают деятельности транснациональных корпораций.

Собственно, механизм научно-технического прогресса уже исчерпан. Произошел кризис эффективности капитала. У капитализма после поглощения СССР и социалистической системы нет больше географического ресурса развития. Значит, ресурсом станет собственное население в каждой стране и мире в целом.

В то же время концентрация планетарного богатства в руках немногих позволяет бросать все силы на подавление остатков социалистического проекта в постсоветских странах. Это приглушение, осмеяние и очернение проигравшего, но неисчезнувшего проекта происходит ежедневно и ежечасно

в разных формах. Между тем развитие, прогресс возможны только тогда, когда общество, в том числе молодежь, будет принимать *все* прошлое, над которым следует размышлять, а не осуждать его. Судьи кто? Почему не знающие прошлого его судят? Фридрих Ницше говорил: «Человек будущего – это тот, у которого самая длинная память». То есть именно то, что у молодого поколения отсутствует.

Ныне утверждает себя социал-дарвинизм, согласно которому выживает сильнейший. Государство, как может, помогает слабому. Но каждый из нас все-таки глубоко внутри себя ощущает социальную незащищенность, постоянный психологический дискомфорт, тревогу. Эти чувства не заглушить доводами рассудка и всеобщей «развлекаловкой».

Как правило, на любом производственном совещании услышишь только негативную информа-

цию – бесконечные требования и непонятные новации. Ради чего? Участники XVII Всемирного русского народного собора в обращении к населению СНГ заявили: «Страсть к безостановочному реформированию во имя пушшего реформирования по сути своей, безусловно, патологична. Такая страсть рано или поздно становится смертельно опасной и для тех, кто ею обуян, и для тех, кому аритмию реформирования непрестанно навязывают» [6, с. 3].

Ради кучки студентов, надеющихся учиться за рубежом (смогут ли – еще вопрос) или приехавших из-за рубежа к нам, уничтожена десятилетиями, даже веками, сложившаяся система. А у нас, обучающихся, отнято состояние социального и душевного благополучия. *Но ведь у нас миссия – выработать новую парадигму прогресса!..*

Библиографические ссылки

1. Рубин С. Г. Что там, в глубинах Вселенной? / Беседовала М. Марговская // Наука и религия. 2013. № 1. С. 3–5.
2. Кара-Мурза С. Г., Смирнов С. Манипуляция сознанием – 2. М., 2009.
3. Чванов М. Неудобные мысли // Наш современник. 2017. № 1. С. 248–255.
4. Плащинский А. А. Реализация парадигмы нового мирового порядка: теоретико-методологические и практические аспекты // Социология. 2016. № 2. С. 28–38.
5. Степаненко О. Гильотина для интеграции // Коммунист Беларуси. 2017. № 8. С. 4–5.
6. Что почем? Из обращения писателей, участников XVII Всемирного русского народного собора // Лит. газ. 2013. № 45. С. 1–3.

References

1. Rubin S. G. Chto tam, v glubinakh Vselennoi? Besedovala M. Margovskaya. *Nauka i religiya*. 2013. No. 1. P. 3–5 (in Russ.).
2. Kara-Murza S. G., Smirnov S. Manipulyatsiya soznaniem – 2. Moscow, 2009 (in Russ.).
3. Chvanov M. Neudobnye mysli. *Nash sovremennik*. 2017. No. 1. P. 248–255 (in Russ.).
4. Plashchinsky A. A. Realizing the new world order paradigm: metodological and practical aspekts. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 28–38 (in Russ.).
5. Stepanenko O. Gil'otina dlya integratsii. *Kommunist Belarusi*. 2017. No. 8. P. 4–5 (in Russ.).
6. Chto pochem? Iz obrashchenie pisatelei, uchastnikov XVII Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. *Lit. gaz.* 2013. No. 45. P. 1–3 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.02.2017.
Received by editorial board 06.02.2017.

УДК 314.748

САЛЬДО МИГРАЦИИ БЕЛАРУСИ: ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ?

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Республика Беларусь

Рассматриваются особенности миграционных процессов современной Беларуси. Показана роль национальных переписей населения 1999 и 2009 гг. в определении реальных масштабов международной миграции Беларуси. Дана характеристика векторов миграции населения Беларуси. Изучается влияние белорусской трудовой миграции на демографические процессы в стране. Проанализированы противоречия и проблемы белорусской миграции. Показано влияние белорусской миграции на перспективы демографического развития страны.

Ключевые слова: миграция; международная миграция; безвозвратная миграция; демографическое развитие; трудовая миграция; белорусская миграция; экспаты; противоречивый характер белорусской миграции.

BALANCE OF MIGRATION IN BELARUS: POSITIVE OR NEGATIVE?

A. G. ZLOTNIKOV^a

^aBelarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives,
Oktyabr'ya avenue, 50, 246029, Gomel, Republic of Belarus

The features of migration of modern Belarus are regarded. The role of the national censuses of 1999 and 2009 years in determining the true extent of international migration in Belarus is proved. The characteristic vectors of migration the population of Belarus is given. The influence of the Belarusian labor migration on demographic processes in the country are shown. The contradictions and problems of Belarusian of migration are analyzed. The influence of Belarusian migration on the prospects of demographic development of the country is considered.

Key words: migration; international migration; return migration; demographic development; labor migration; Belarusian migration; expats; contradiction of the Belarusian migration.

Среди главных демографических показателей – рождаемость, смертность и миграция – последняя является самым массовым явлением. Так, если в 2015 г. в Республике Беларусь родилось 119 028 младенцев, а ушло из жизни 120 026 граждан, то миграционными процессами было охвачено в несколько раз больше населения. Только по неполным материалам текущего учета, предоставлен-

ным в статистические органы паспортными службами внутренних дел, более 280 тыс. чел. были включены в миграционные процессы. Самую значительную часть из них (96,5 %) составляют внутренние мигранты, т. е. те, кто поменял место жительства внутри страны. В данном случае речь идет об областной, межрайонной и урбанистической (из сельской местности в городскую или из

Образец цитирования:

Злотников А. Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 91–97.

For citation:

Zlotnikov A. G. Balance of migration in Belarus: positive or negative? *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 91–97 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры экономики агропромышленного комплекса, сферы услуг и статистики факультета экономики и управления.

Author:

Anatoly Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of economy of agro-industrial complex, service trade and statistics, faculty of economics and management.
zlot@tut.by

городской – в сельскую) миграции. Кроме того, есть и внешняя миграция: речь идет о населении, покинувшем пределы Беларуси, и населении, прибывшем в страну на постоянное местожительство. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2015 г. внешняя миграция по сравнению с внутренней составила всего 3,5 % в общем миграционном обороте Беларуси. Тем не менее на эту миграцию больше всего внимания обращают политики, чиновники и ученые, ибо она влияет на прирост или уменьшение численности населения страны.

Динамику численности населения Республики Беларусь характеризуют следующие данные. Численность населения Республики Беларусь на начало 1991 г. составляла 10 189,8 тыс. чел., 1996 г. – 10 177,3 тыс. чел., 2001 г. – 9 956,7 тыс. чел., 2006 г. – 9 630,4 тыс. чел., 2011 г. – 9 481,2 тыс. чел. [1, с. 27]. Это значит, что наблюдается постоянный рост сокращения численности населения: за 1991–1996 гг. – на 12,5 тыс. чел., 1996–2000 гг. – на 220,6 тыс. чел., 2001–2005 гг. – на 326,3 тыс. чел., 2006–2010 гг. – на 149,2 тыс. чел. Это во многом обусловлено ролью миграции.

Формулировка «по неполным данным» нами использована потому, что в отличие от медицинского и юридического факта фиксации рождений и смертей в миграционные подсчеты попадают не все факты перемены места жительства. Так, по данным миграционных служб Беларуси, в 2015 г. 3176 белорусов сменили гражданство, переехав в страны вне СНГ [1, с. 419]. По данным Евростата, только страны Евросоюза (а это меньше, чем страны «вне СНГ») приняли 82 024 белоруса [2], т. е. налицо – расхождение более чем в 25 раз. Добавим разночтения и миграционного белорусско-российского обмена, который дает львиную долю белорусской миграции в масштабах СНГ. По данным белорусских миграционных служб, в 2015 г. в Российскую Федерацию на постоянное местожительство выбыло 5137 граждан Республики Беларусь, а оттуда к нам прибыло 7837 чел. [1, с. 418–419]. Российские же миграционные службы дают несколько иную картину масштабов белорусско-российской миграции. По материалам Росстата, численность граждан, переехавших на постоянное местожительство в Россию из Беларуси, оказалась более чем в три раза выше аналогичных белорусских данных – 17 741 чел. По тем же российским данным, к нам на постоянное местожительство переехали 12 832 чел. [3, с. 210–211]. Эта цифра почти в 1,5 раза превышает аналогичный показатель белорусской статистики.

Приводя такие разночтения, мы не вправе обвинять ни белорусские, ни российские миграционные службы, ни тем более статистические органы, обрабатывающие данные паспортных служб. Учет внутриреспубликанской миграции в Беларуси жестко балансируется на основе только талонов прибытия, по которым определяется и место выбытия,

и место прибытия. Это дает возможность обеспечить балансовую увязку внутриреспубликанской миграции, а значит, получать более достоверную информацию.

В отношении оценок учета внешней миграции населения существуют многие жизненные проблемы, вызывающие определенные нестыковки. Главное, отсутствует информация по месту прибытия белорусских эмигрантов в другие страны. По прибытии в Республику Беларусь учитываются только лица, получившие право на регистрацию. Беженцы, незаконно прибывшие мигранты, не получившие соответствующего статуса, не учитываются. Но с точки зрения социологического подхода важны не только цифровые показатели, но и сами эти процессы, и тенденции в этой сфере. Иногда расхождения в цифрах дают больше представлений о сущности протекающих процессов.

Скажем, гражданин прибыл из г. Гомеля в г. Минск. Этот факт фиксируется дважды: в первом городе он подсчитывается в качестве ушедшего, а во втором – в качестве прибывшего (на основе талонов прибытия в Минск). То есть данные о внутренней миграции балансируются. Во внешней миграции (к примеру, Гомель – Москва) белорусскими миграционными службами он однозначно фиксируется как выбывший. Но факт прибытия его в Москву белорусской миграционной службы уже не касается. Его прибытие может растянуться на несколько лет. А может, он прибыл на постоянное местожительство в другой населенный пункт России? Или никуда и никогда официально не прибыл. Или прибыл в другую страну. Вспомним эмиграцию евреев в советские времена. В СССР их выезд фиксировался как выезд в Израиль, а в Вене многие из них меняли маршрут на США, Канаду, Германию или другое государство. Но для страны выбытия их статус не менялся – они из нее выбыли. О прибытии этих мигрантов мы можем знать из данных израильской статистики.

Данные белорусских миграционных служб не позволяют в полной мере оценить масштаб трудовой миграции. Эта информация может быть предоставлена только странами прибытия. Поэтому чтобы оценить масштабы миграции в Беларуси, необходима статистическая информация других стран. Так, по данным российских миграционных служб, 307,5 тыс. белорусских граждан (можно предположить, что это неполные сведения) в 2015 г. получили разрешение на временное жительство в различных регионах Российской Федерации [4, с. 34], т. е. получили статус трудовых мигрантов. Суммируя информацию о миграционных потоках Беларуси (а это более 280 тыс. чел., по данным паспортных столов Беларуси; более 82 тыс. чел., по данным Евростата; более 30 тыс. чел., по данным паспортных столов России, а также более 307 тыс. белорусских трудовых мигрантов в Российской Федерации, по

данным российских миграционных служб), можно сделать следующий вывод: масштаб белорусской миграции значительно превышает 700 тыс. чел. (это соответствует, например, численности населения трех крупнейших городов Гомельской области – Гомеля, Мозыря и Жлобина – или численности родившихся в Беларуси за последние семь лет). Проблема миграции сегодня занимает особое место в социальной и демографической политике Беларуси.

Специфика миграции обусловлена ее тесной связью со всеми сферами общественной жизни: внутренними и международными отношениями, социально-экономическими и политическими, личностными и общественными процессами, этническими и конфессиональными, расселенческими и экологическими факторами, уровнем жизни и ситуацией на рынках труда и др. Вопрос усложняется также и тем, что различные силы во внутривнутриполитической борьбе используют информацию о миграционных процессах в своих целях или налагают запрет на публикацию информации о масштабах миграции. Миграционные процессы являются объектом изучения статистических, экономических, демографических, социологических, философских, географических, юридических, исторических и политологических наук.

О сложности проблемы миграции свидетельствует и история демографических исследований в Беларуси. В начале 1960-х гг. пионеры белорусской демографии – сотрудники Научно-исследовательского института экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане БССР (сегодня – Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь) – столкнулись с определенными трудностями. Так, в монографии А. А. Ракова «Население БССР» (1969) информация по миграции была неполной: миграционное движение населения Беларуси было представлено в межреспубликанском разрезе по городской местности. Работа А. Н. Пешковой «Миграция населения Белоруссии» (1973) была опубликована под грифом «Для служебного пользования». Первая кандидатская диссертация по проблемам миграции «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» Л. Е. Тихоновой (1982) вышла под таким же грифом [5].

Несмотря на то что сегодня для научного сообщества нет искусственных преград, тема миграции выступает сложным и противоречивым объектом исследования, является своеобразной кентавр-проблемой. И речь идет не только о миграции в целом, но и о белорусской миграции в частности. Затруднение вызывает вопрос определения реальных масштабов этого явления. Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий

характеризуется устойчивой тенденцией снижения численности населения. И хотя в последние годы благодаря активной социальной политике в репродуктивной сфере наблюдается рост рождаемости, численность населения снижается. Это, на наш взгляд, обусловлено последствиями миграционных процессов.

Отметим, что в плане масштабов, прежде всего положительного или отрицательного сальдо, белорусской миграции наблюдаются значительные различия. Чиновники, ссылаясь на данные текущего учета паспортных столов органов внутренних дел, считают, что миграционные процессы Беларуси характеризуются положительным сальдо. Так, в журнале «Экономический бюллетень» заведующий Центром социально-демографических исследований НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь Н. И. Красовская утверждает, что в течение последних 20 лет Беларусь имеет положительный миграционный прирост [6, с. 9]. К сожалению, и в нашей статье, опубликованной в этом же издании, но кардинально отредактированной (в связи с чем смысл оказался искаженным), проскользнула непонятная даже для автора фраза: «...вместе с тем *отрицательный естественный прирост, который компенсируется миграцией*¹, выдвигает миграционную проблему на первый план в демографической политике республики» [4, с. 33]. В оригинале было написано иначе: «но *рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости*, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на ведущее место в демографической политике Республики Беларусь». Заметим, это существенное отличие.

Не будем пока вести речь о последних шести годах, но ситуация в миграционных процессах Беларуси периода 1990–2009 гг. заставляет усомниться в размерах положительного сальдо миграции. По данным белорусских миграционных служб, текущая статистика последней четверти века постоянно давала и продолжает давать информацию о положительном сальдо белорусской миграции за эти годы. Результаты национальных переписей населения 1999 и 2009 гг. опровергли выводы о белорусском положительном миграционном сальдо, выявив, что Беларусь имеет устойчивое отрицательное сальдо миграционного обмена с другими странами.

По данным паспортных служб органов внутренних дел, отражающих текущий статистический учет миграционного движения Республики Беларусь, за период между переписями населения 1999 и 2009 гг. миграционный прирост оценивался в 54,5 тыс. чел. Перерасчет динамики движения населения на основе материалов переписи 2009 г. за период 1999–2008 гг. выявляет иное – отрицательное миграционное сальдо в 97 тыс. чел. (табл. 1).

¹Здесь и далее курсив наш. – А. З.

Общая численность населения и сальдо миграции населения Республики Беларусь в 1999–2008 гг., по материалам текущего учета и пересчета после переписей населения, тыс. чел.

Table 1

Comparative data for 1999–2008 on the total population and the balance of migration of the population of the Republic of Belarus based on materials of current accounting and recalculating after population censuses (thousand persons)

Год	Данные текущего учета		Данные после пересчета переписи	
	Численность населения	Сальдо миграции	Численность населения	Сальдо миграции
1999	10 045,2	–	10 045,2	–
2000	10 019,5	+12,1	10 002,5	–4,6
2001	9990,4	+9,1	9956,7	–17,7
2002	9950,9	+5,6	9900,4	–11,8
2003	9898,6	+5,2	9830,7	–13,2
2004	9849,1	+2,1	9762,8	–14,2
2005	9800,1	+1,9	9697,5	–15,8
2006	9750,5	+5,6	9630,4	–9,2
2007	9712,5	+4,7	9579,5	–7,7
2008	9689,8	+8,2	9542,4	–2,8
2009	9671,9		9513,6	
1999–2008	–370,3	+54,5	–531,6	–97,0

Примечание. Составлено на основе источников [1; 7].

Такая ситуация была характерна и для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь в предыдущий (1989–1999) межпереписной период. Тогда, по данным текущего учета, считалось, что численность населения Беларуси на начало 1998 г. составила 10 203,8 тыс. чел. Положительное миграционное сальдо за период 1989–1998 гг. составило 120,1 тыс. чел. Но результаты переписи 1999 г. зафиксировали численность населения Беларуси в 10 045,2 тыс. чел., в результате чего численность на начало 1998 г. с 10 203,8 тыс. чел. была скорректирована в сторону снижения до 10 093,0 тыс. чел. Показатель естественной убыли населения за этот период составил 81,3 тыс. чел. (при 1162,8 тыс. родившихся и 1244,1 тыс. умерших). Соответственно, оставшаяся убыль населения Республики Беларусь пришлось на миграцию, т. е. миграционное сальдо дало отрицательную величину в 25,3 тыс. чел. [8, с. 38–39].

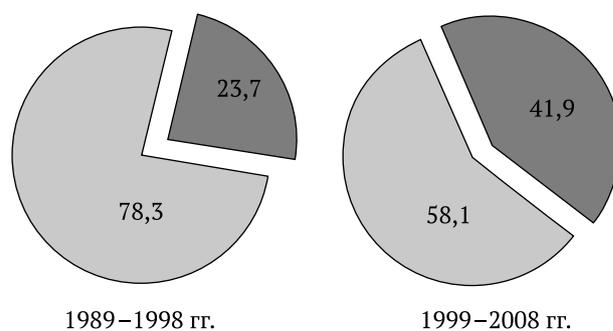
Наибольшая численность населения в истории Беларуси составляла 10 367,5 тыс. чел. (на начало 1994 г.), которой международная статистика оперирует и ныне (после двойного пересчета в национальной статистике наивысшей численностью населения страны на начало 1994 г. считается 10 243,5 тыс. чел. [8, с. 35]). Лихие 1990–1993 гг. – период самых высоких темпов прироста населения Беларуси. Это было вызвано массовым оттоком русскоязычного населения из стран Балтии, Закавказья и Средней Азии в связи с национальными конфликтами в этих регионах. Но многие из них не

задержались надолго в Беларуси. С 1994 г. Беларусь стала характеризоваться отрицательным сальдо миграции. Это было обусловлено рядом объективных (не зависящих от самой Беларуси) факторов. Прежде всего это сокращение рынка труда в стране. Развал единого экономического пространства вызвал падение занятости населения: численность занятых в экономике Беларуси за 1990–1995 гг. сократилась на 740 тыс. чел. Наибольшим масштабом сокращения занятости подвержены ведущие градообразующие отрасли экономики: в промышленности количество рабочих мест сократилось почти на 377 тыс. чел., строительстве – на 268 тыс. чел., на транспорте – на 57 тыс. чел. [8, с. 165]. Этот небывалый обвал национального рынка труда привел к трудовой миграции почти в миллионном масштабе. Во многих случаях трудовая миграция стала безвозвратной, образовался новый слой мигрантов – экспатов.

На начало 2016 г. численность населения Беларуси составляет 9498,4 тыс. чел., т. е. почти за два десятилетия население страны сократилось на 900 тыс. чел. При этом темпы и размеры этого сокращения в последнее десятилетие значительно увеличились. Так, за межпереписной период 1989–1999 гг. это сокращение составило 106,6 тыс. чел., за 1999–2009 гг. – 541,4 тыс. чел. Таким образом, за последний межпереписной период это сокращение оказалось в пять раз больше, чем за предыдущие межпереписные интервалы.

Показательной является тенденция изменения роли составляющих демографических процессов в сокращении численности населения страны. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7 %, а за 1999–2008 гг. данная пропорция составила 58,1 и 41,9 % (рисунок). Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, за счет миграционных потерь – в 8,8 раза. Это свидетельствует о том, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния отрицательного сальдо миграции на депопуляционные процессы. Именно это выдвигает миграционную проблему на первый план в демографической политике страны.

Такая ситуация свидетельствует о сложности определения масштабов и тенденций белорусской миграции в целом, а значит, и выборе основных направлений демографической политики. Это подтверждают данные миграционного движения между Россией и Беларусью за последние годы (2010–2015). Согласно сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь величина международной миграции Беларуси за годы XXI в. характеризуется стабильным положительным сальдо, которое в 2010 г. составило 10 303 чел., 2011 г. – 9900 чел., 2012 г. – 9328 чел., 2013 г. – 11 643 чел., 2014 г. – 15 722 чел. и 2015 г. – 18 494 чел. Положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза в 2010 г. составило 10 561 чел., в 2011 г. – 10 048 чел., в 2012 г. – 7590 чел., в 2013 г. – 10 293 чел., в 2014 г. – 13 943 чел., в 2015 г. – 15 826 чел. Из них, по данным национального текущего статистического учета, на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь, составившее 24 755 чел. (в 2010 г. –

Соотношение факторов снижения численности населения Республики Беларусь, по данным переписей населения Беларуси 1989, 1999 и 2009 гг., %:
■ – миграционный фактор; ■ – фактор естественного движения

Ratio of factors of population decline in the Republic Belarus according to the population censuses of Belarus 1989, 1999 and 2009, %

5031 чел., 2011 г. – 4713 чел., 2012 г. – 3067 чел., 2013 г. – 4772 чел., 2014 г. – 4662 чел., 2015 г. – 2700 чел.).

Казалось бы, положительная динамика. Но, напомним, подобная тенденция, по данным паспортных служб о текущем миграционном движении, была характерна и для предыдущих двух десятилетий. После проведенных статистическими органами переписей населения сальдо миграции оказалось не положительным, а отрицательным. Полагаем, такая ситуация может сложиться и после переписи населения Республики Беларусь в 2019 г. О таких предположениях свидетельствует сопоставление данных о белорусско-российском миграционном обмене. Показатели далеко не совпадают. Российские данные 2010–2015 гг. демонстрируют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35 152 чел. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо на 24 745 чел. (табл. 2). Таким образом, разбежка в цифрах составляет 60 тыс. чел.

Таблица 2

Миграционный белорусско-российский обмен, по данным текущего учета в Беларуси и России за 2010–2015 гг., чел.

Table 2

Comparative characteristics of the Belarusian-Russian migration exchange according to the current account in Belarus and in Russia for 2010–2015 (persons)

Год	Белорусские данные			Российские данные		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9268	4237	5031	4894	2899	1995
2011	9666	4953	4713	10 182	2622	7560
2012	8560	5493	3067	16 564	6315	10 249
2013	9150	4378	4772	15 748	12 031	3717

Год	Белорусские данные			Российские данные		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2014	9131	4669	4462	17 878	11 156	6722
2015	7837	5137	2700	17 741	12 832	4909
2010–2015	53 612	28 867	24 745	83 007	47 855	35 152

Примечание. Составлено на основе источников [1, с. 418–420; 3, с. 210–212].

Анализ масштабов миграции на основе материалов переписей населения 1989, 1999 и 2009 гг., а также сопоставление белорусских и российских данных статистики миграции между Беларусью и Россией за последние 2010–2015 гг. не дают оснований констатировать белорусское положительное миграционное сальдо.

На наш взгляд, в этой противоречивой информации в качестве верных можно рассматривать показатели белорусской стороны о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь. В отношении же численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию достоверны показатели российской стороны. В обоих случаях показатели основываются на данных органов внутренних дел, фиксирующих реальное прибытие граждан. Что касается сведений о выбытии в ту или другую страну, то часто речь идет о намерении переехать куда-либо на постоянное местожительство. Как доказательство этого – упомянутая нами эмиграция еврейского населения из СССР в 1980-е гг. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго, а может и не состояться вовсе, но в стране выбытия они уже числятся как эмигрировавшие. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2015 гг. будут следующие: прибыло на постоянное местожительство в Беларусь из России 53 612 чел. (данные белорусских паспортных столов), а в Россию из Беларуси – 83 007 чел. (данные российских миграционных служб). Это значит, что Россия в межгосударственном миграционном обмене в 2010–2015 гг. имеет положительное сальдо почти в 30 тыс. чел., а Беларусь – отрицательное сальдо на эту величину.

Согласно белорусским показателям текущего учета выбытия граждан Беларуси в Россию зафиксировано 28 867 чел., т. е. почти в 2,9 раза меньше, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное местожительство в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (из Беларуси) и оформлением документов как прибывших в другую страну (в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное местожительство в Россию (данные России) по сравнению с выбытием граж-

дан из Беларуси на постоянное местожительство в Россию (данные Беларуси). Это величина трудовой белорусско-российской миграции, которая по аналитическим расчетам в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. (2013–2015 гг.) белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. Этот фактор, а также российская миграционная политика, направленная на возвращение этнических русских, привлечение в страну русскоязычного населения, ведут к росту белорусской миграции в Россию. Этому содействуют близость социокультурных характеристик русского и белорусского этносов, более высокий уровень заработной платы, продолжающиеся процессы сокращения занятости на белорусском рынке труда, а также российская миграционная политика.

Активная социальная политика Беларуси в репродуктивной сфере позволяет стране обеспечить высокий уровень рождаемости. Однако рост миграционного компонента в сокращении численности населения страны сводит на нет позитивные изменения в репродуктивной сфере. Прежде всего наблюдается отток за пределы Беларуси населения наиболее активного репродуктивного возраста. И это призывает социальную демографическую политику решать проблему миграции. И если все больше населения покидает страну в поисках лучших условий жизни, то это характеризует всю (не только репродуктивную) демографическую политику. Демографическая ситуация в республике не позволяет сделать вывод о том, что депопуляционные процессы в стране урегулированы. Сегодня рост рождаемости в Республике Беларусь обеспечивается репродуктивной когортой преимущественно в возрасте 25–34 лет, большей по величине, чем эта когорта ожидается в ближайшей перспективе. Так, на начало 2016 г. численность женщин возрастом 25–34 года составила 746,6 тыс. чел. На них в 2015 г. пришлось 62,1 % родившихся детей [1, с. 242–243]. К 2025 г. их численность (т. е. тех, кому на начало 2016 г. исполнилось 15–24 года) составит 511,2 тыс. чел. К 2035 г. их численность (т. е. тех, кому на начало 2016 г. исполнилось 5–14 лет) составит 468,3 тыс. чел. [1, с. 53]. То есть к 2025 г. репродуктивная база уменьшится на 31,5 % по сравнению с 2015 г. и, соответственно, в 2035 г. этот показатель будет на 37,3 % ниже, чем в 2015 г. А это значит, что примерно через 10 лет

проблема низкой рождаемости станет еще более острой, чем в 1997 г., когда Беларусь имела самый низкий уровень рождаемости в истории XX в. И это при условии, что страну не охватят миграционные процессы. Прогнозировать, что миграционная волна из Беларуси снизится, пока оснований нет.

Рост отрицательного сальдо миграции не компенсируется ростом рождаемости. Не только состояние миграционных процессов, но и охарактеризованная нами демографическая ситуация требует

осуществления политики нейтрализации негативных последствий демографического спада, в котором повышается роль миграции. Поэтому при проведении активной демографической политики Беларуси необходимо делать акцент на решении миграционных проблем, которые тесно связаны с обеспечением национальной безопасности страны. Это возможно, во-первых, путем повышения уровня жизни населения, а во-вторых, урегулирования процессов на национальном рынке труда.

Библиографические ссылки

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. Минск, 2016.
2. EU Member States issued a record number of 2.6 million first residence permits in 2015 / Evrostat [Electronic resource]. URL: ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7715617/3-27102016-BP-EN.pdf/ca706fa0-14fc-4b71-a2e2-46b2b933f8f8 (date of access: 10.07.2016).
3. Демографический ежегодник России : стат. сб. М., 2015.
4. Злотников А. Г. Миграция в Беларуси: тенденции и проблемы оценки // Эконом. бюл. 2016. № 9. С. 33–37.
5. Злотников А. Г. Демографические идеи и концепции. Минск, 2014.
6. Красовская Н. И. Современная демографическая политика Республики Беларусь: тенденции и приоритеты // Эконом. бюл. 2016. № 9. С. 4–13.
7. Население Республики Беларусь : стат. сб. Минск, 2009.
8. Злотников А. Г. Демографическое измерение современной Беларуси. Минск, 2006.

References

1. Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Belarus' : stat. sb. Minsk, 2016 (in Russ.).
2. EU Member States issued a record number of 2.6 million first residence permits in 2015 / Evrostat. URL: ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7715617/3-27102016-BP-EN.pdf/ca706fa0-14fc-4b71-a2e2-46b2b933f8f8 (date of access: 10.07.2016).
3. Demograficheskii ezhegodnik Rossii : stat. sb. Moscow, 2015 (in Russ.).
4. Zlotnikov A. G. Migratsiya v Belarusi: tendentsii i problemy otsenki. *Ekon. byulleten.* 2016. No. 9. P. 33–37 (in Russ.).
5. Zlotnikov A. G. Demograficheskie idei i kontseptsii. Minsk, 2014 (in Russ.).
6. Krasovskaya N. I. Sovremennaya demograficheskaya politika Respubliki Belarus': tendentsii i priority. *Ekon. byulleten.* 2016. No. 9. P. 4–13 (in Russ.).
7. Naselenie Respubliki Belarus' : stat. sb. Minsk, 2009 (in Russ.).
8. Zlotnikov A. G. Demograficheskoe izmerenie sovremennoi Belarusi. Minsk, 2006 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 09.01.2017.
Received by editorial board 09.01.2017.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Заданная поздней Античностью аксиологическая дихотомия образа Афродиты определяет специфическую трактовку любви в контексте средневековой Европы: на средневековой ценностной шкале находят место только полярные отметки – земная любовь и небесная любовь. Эта дихотомия проявляет себя в средневековой культуре различными гранями, к которым можно отнести как болезненное сознание повседневности, не отказавшееся от сексуальности (не вымерло же население Европы за период Средневековья!) и осознающее в силу этого и свою неизбывную греховность и грядущую неизбежную кару, так и спекулятивные символические построения в интеллектуальной культуре.

Так что в этой статье – о трансформациях и трансмутациях.

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ЛЮБОВЬ КАК ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ЭКСТАЗА К АСКЕЗЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются трансформации средневекового массового сознания, вызванные антитезой духа и плоти, характерной для культуры данной эпохи. Показано, что проявления человеческой сексуальности рассматриваются в средневековой культуре сугубо в аспекте греховности, в силу чего любовь земная трактуется как негативный полюс ценностной шкалы. Все, что может быть отнесено к сфере эротики, видится средневековой культурой как устрашающее, хаотичное, грозно стихийное и тем более опасное, чем менее подвластное рассудочному контролю. Обосновывается мнение о том, что данные тенденции приводят к формированию парадигмы аскетизма в европейской культуре.

Ключевые слова: средневековая культура; антитеза плоти и духа; греховность; парадигма аскетизма.

Образец цитирования:

Можейко М. А. Любовь как феномен европейской культуры: от экстаза к аскезе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 98–108.

For citation:

Mojeiko M. A. Love as a phenomenon of European culture: from ecstasy to ascesis. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 98–108 (in Russ.).

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

LOVE AS A PHENOMENON OF EUROPEAN CULTURE: FROM ECSTASY TO ASCESIS

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya street, 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the transformation of medieval mass consciousness caused by antithesis of the spirit and the flesh, typical for medieval culture. It is shown that the manifestations of human sexuality are considered in medieval culture especially in the aspect of sin, whereby earthly love is interpreted as a negative pole of the value scale. All that can be attributed to the sphere of eroticism is considered by medieval culture as a terrifying, chaotic, awesomely and dangerous as phenomenon beyond the rational control. The article shows that these trends lead to the formation of austerity paradigm shift in European culture.

Key words: medieval culture; antithesis of the spirit and the flesh; sin; austerity paradigm.

Итак, это случилось: европейская культура жестко разделила любовь земную и любовь (Любовь!) небесную. Последняя санкционирована как любовь к Господу, причем это не просто высшая форма любви – она фактически единственно приемлемая: все другие возможные проявления этого чувства либо поставлены под сомнение, либо редуцированы. Любовь земная легитимирована в предельно

узком диапазоне – лишь в качестве абстрактной любви к ближнему (т. е. того, что в греческой систематике понималось под *agape*) и нормативно жертвенной бесполой любви (своего рода аналога *storge*). Что же касается дружеской *philia* и тем более физической страсти (*eros*), то они не приемлются принципиально, отодвигаясь к негативному полюсу ценностной шкалы. Как пишет Алкуин:

Всякая радость земная проходит в стремительном беге,
...К чему и любить сей мир быстротечный?
Он убегает от нас в вечном движении своем.
Что ж, убегай! Христа одного мы возлюбим навеки,
Вечно в наших сердцах жить будет к Богу любовь [1, с. 262].

Примечательно, что негации подвергаются именно те формы привязанности, которые не задаются ригористически (как обязательность *agape* и нормативность *storge*), но определяются личным выбором: ведь *philia* как дружеская симпатия, не сопряженная в обязательном порядке с сексуальностью, казалось бы, не опасна в рамках средневекового мировоззрения. Однако нет: если некто способен, по выражению Хротсвиты Гандерсгеймской, возлюбить не «всех равномерно, но единую безмерно» [2, с. 88], это, безусловно, греховно и недопустимо! Во всяком случае, не сумевшие этого избежать каются... А уж чувственную сторону любви европейское Средневековье рассматривает сугубо в аспекте греховности.

В этом плане очень показательна структура средневековых «покаянных книг», или *пенитенциалий* (лат. *libri poenitentiales*), распространенных начиная с VI в. и представляющих собой описание всевозможных грехов с указанием соответствующего каждому из них наказания. По схеме, предложенной Иоанном Кассианом и пересмотренной Григорием I Великим, грехи перечисляются по нисходящей линии; и если в качестве греха номер один фиксируется *superbia* (гордыня), то сразу же вслед за ней называется *luxuria* (сладострастие) [3, с. 62].

Что характерно, из многочисленных значений этого латинского слова (*роскошь, изнеженность, шалость* и др. [4]), в данном случае имеются в виду значения, связанные именно с сексуальностью, причем не в нейтрально номинативном плане: *желание, вожделение, страсть*, а в сугубо негативном: *похоть, похотливость, разврат, распутство* [5].

Как отмечает А. Я. Гуревич, «мятеж духа против Бога и мятеж плоти против духа – главные из всех смертных грехов» [3, с. 63]. Такой подход восходит уже к раннехристианским апокалипсисам. Апокалипсис Петра (II в.) содержит описание наказания за грех *luxuria*: «И озеро было там, полное пылающей грязи. <...> Над этой бурлящей грязью были <...> женщины, повешенные за волосы. То были женщины, которые наряжались для любодеяния...» [6].

Аналогично средневековые тексты, перечисляя достойных ада, называют *любодеев* прежде убийц. Например, в популярнейшем в XII в. «Видении Тнугдала» (более 50 латинских рукописей и пересказы практически на всех европейских языках) это выглядит так: «...Пострадают те, кои или вовсе отрицают Христа, или творят дело отрицающих, каковы любодеи, человекоубийцы, воры, разбойники, гордецы, не принесшие должного покаяния» [7, с. 54].

Дух и плоть противопоставлены и антагонистичны в средневековой картине мира, как противопоставлены дальнее и горнее в целом. И поскольку они аксиологически асимметричны, постольку любые проявления чувственного начала интерпретируются как альтернативные духовной благодати (в частности, любви к ближнему). Тексты каролингской традиции прямо противопоставляют любовь и телесность: «Любовь, сей высший из даров божественных, чужда им вовсе: <...> отвергают бездом-

ных и немощных <...> но блудно ходят, не перепоясавши чресел распутных» [8, с. 412].

Все, что может быть отнесено к сфере эротики, рассматривается средневековой культурой как устрашающее, хаотично, грозно стихийное и тем более опасное, чем менее подвластное рассудочно-му контролю.

Алан Лилльский завершает свой трактат «Плач природы» описанием любви, которое напоминает скорее картину безумия:

Сладкое зло и злейшая сласть, злосладкая горечь,
Что есть приятней на вид? Что есть отвратней на вкус?
Грех благодати, греха благодать, наказание в веселье,
И благочестье кощунств, и сладострастье злодейств <...>
Взгляду забава на миг, сердцу растрava на век,
Разум без разума, ум без ума, блаженство без счастья <...>
Вгрызшийся в сердце червец <...> ни единому нет избавленья,
Всех поражает Любовь гневом и громом своим... [9, с. 346–347].

Противопоставление любви земной и любви небесной максимально и радикально, ибо они мыслятся как два полюса, причем они полярны не только как греховная и божественная любовь, а как

ад и рай. Пассажи о божественной любви концентрируют все позитивное. Хуан де ла Крус в этом отношении очень типичен – он и пафосен, и трепетен:

Огонь живой любви,
Как сладостно ты ранишь
Меня до глубины сердца сокровенной!
Ты не угаснешь боле,
Сиять ты не станешь, –
Сожги преграду к встрече вожденной!
<...>
О светочи живые
Безмерное сиянье,
Что чувств глубины темные омыло,
До той поры слепые;
И радостною дланью –
Своим теплом и светом одарило!
Так нежно и смиренно
Зажегшийся в сознаньи,
Лишь ты, огонь, в нем тайно обитаешь!
В душе моей блаженной
Живет твое дыханье,
И ты меня любовью наполняешь! [10].

В отличие от этого описания любви земной напоминают мучения грешников в преисподней:

...Гнев, боль, бред, страх, скорбь, измена, коварство, обманы,
Злоба, насилие, ложь – вот она, свита Любви.
Суд без суда, мера без меры и вера без веры –
Вот уставы Любви, высшая слава Любви.
Сладость сулит и горечь дарит и отравой травит –
Лучшим началом начав, худшим кончает концом... [9, с. 346–347].

При такой интерпретации земной любви для средневекового мировоззрения естественно ее соотношение с дьяволом и рассмотрение сексуальной сферы как открытого поля вторжения в человеческую жизнь

сатанинского начала. По мнению Этьена де Бурбона, «прелюбодеяние, святотатство, супружеская неверность, кровосмешительство, противоестественный грех – суть пять пальцев на руке дьявола» [11, с. 7–9].

Соответственно, именно дьявол мыслится средневековой культурой как инициатор первого прецедента *luxuria*: в грехопадении Адама и Евы искушителем выступает именно нечистая сила. И если классический библейский текст допускает интерпретации данного момента, то для Средневековья это однозначно. Так, например, в «Действе об Адаме» XII в. в перечне действующих персонажей назван дьявол, а не змей; последний лишь единожды упоминается в ремарке как «искусно сделанный» [12, с. 237].

По утверждению Уильяма Ленгленда, именно дьявол, т. е. «существо, которое называется Злом», «Адама и Еву <...> подстрекнул на зло», и потому «он – разрушитель Любви» [13, с. 69].

Соответственно, тело человека также делится на своего рода чистую и нечистую части: доминиканские монахи Я. Шпренгер и Г. Инститорис, рассматривая в «Молоте ведьм» вопрос о том, «почему <...> непременно при любовном акте дьяволу положено пускать в ход свои чары, а не при иных действиях человека», усматривают причину этого в том, что «центр силы дьявола сосредоточивается в чреслах людей» [14, с. 111].

С точки зрения средневековой ценностной системы концентрация скверны в *luxuria* столь велика, что согласно отраженным в «Молоте ведьм» средневековым представлениям даже не все демоны участвуют в плотских отношениях, а лишь наиболее низкие из них [14, с. 114–115].

Человек не в силах избежать сатанинских козней, а потому влечения плоти рассматриваются в рамках средневековой культуры как неизбежные.

В церковные проповеди традиционно включался *exempla* (с лат. – пример; жанр средневековой литературы с ярко выраженной дидактической функцией) следующего содержания: молодой монах, покайся аббату в своих телесных вожделениях, получает в ответ признание старца в том, что и его мучает соблазн [11, с. 284].

Следует заметить, что церковные сборники *exempla* выступают своего рода аналогом «Блокнота политинформатора и агитатора» в контексте Средневековья и являют собой один из важнейших источников для изучения состояния средневековой

культуры повседневности, поскольку отражают наиболее значимые направления идеологического воздействия религии на массовое сознание той эпохи, а значит, и наиболее острые точки культурного развития. Поэтому постоянные упоминания греха *luxuria* и навязчивые сюжеты, вращающиеся вокруг проявлений сексуальности – это само по себе значимый факт.

Строго говоря, по оценке Цезария Гейстербахского, даже после пострига в монахи основное содержание жизни, наряду с сокрушением и покаянием, составляет искушение [15, с. 624].

И в целом спасения нет: по оценке Иеронима, «ни один человек, имеющий зрение, не безопасен от обольщения» [16, с. 38].

Добродетель, однако, заключается не в отсутствии влечений плоти, а в том, чтобы не поддаться и не уступить им, преодолеть и побороть их. Однако, как было сформулировано еще Хротсвитой Гандерсгеймской, «чем обольстительней ущещения безумцев, тем сила всевышнего заступника сильнее и торжество победителя становится славнее» [17, с. 84].

Таким образом, божественное духовное начало борется в человеческой душе со спровоцированными дьяволом нечистыми помыслами, в силу этого борьба с соблазном выступает как компонент вселенской борьбы добра и зла. Среди *exempla* встречается диалог аббата Моисея, кающегося в любострастии, и аббата Исидора, утешающего друга тем, что огромное воинство бесов, наступающих на добродетель с запада, будет им сражено с помощью бесчисленного воинства ангелов, спешащих с востока на помощь его душе [11, с. 284].

Серьезные нравственные усилия требуются, однако, и от каждого человека – только в этом случае божественное начало добра может победить. По утверждению Иеронима, «так как невозможно, чтобы врожденное сердечное влечение не врывалось в чувство человека, то восхваляется и называется блаженным тот, кто при самом начале страстных помыслов поражает их и разбивает о камень. Камень же есть Христос» [16, с. 37].

У Альфана Салернского эта максима выражена следующим образом:

Обуздай сладострастье свое. Ко греху устремляла
Резвая плоть доселе тебя; следи же, блюди же,
Чтобы она не могла понудить тебя к послаблению.
Будь неусыпен в ночи... [18, с. 201].

В рамках средневекового менталитета борьба аскетичного духа с несмирившейся плотью не знает компромиссов. Библейское: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняют тебя, отсеки их и отбрось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без

ноги, нежели с двумя руками и двумя ногами быть ввержену в огонь вечный» (Матф. 18, 8) фактически доведено здесь до буквально буквального понимания. В логическом своем завершении этот вектор приводит к провозглашению и культивации аскетизма.

Именно в этом ключе рисует литература Средневековья героев, пекущихся о спасении своей души:

Носит <...> власяницу,
Повсечасным постом и бдением томится,
Понуждает нежное тело строгому уставу покорствоваться
И духу не противоборствовать... [19, с. 102–103].

Тема борьбы с искушением становится системообразующей для средневековой литературы различных жанров.

Идеальный с медиевальной точки зрения вариант этой борьбы описан Аланом Лилльским: «...в человеке воссоздано истинное подобие <...> благоустроеннейшего государства. В твердыне головы его покоится державная Мудрость <...> В сердце же <...> Веледушие воздвигло обитель свою. <...> Чресла же, словно слободы, уделяют окраинную часть тела вождениям Похоти, слободы, которые, не смея про-

например, у Хротсвиты Гандерсгеймской раскаявшаяся блудница:

тивустоять велениям Веледушия, повинуются его воле. В таком-то государстве Мудрость приемлет полномочие повелевающего, Веледушие – заботу действующего, Похоть – повадку повинующегося» [9, с. 333]. Это, однако, идеальная модель. В реальности же успешность моральных борений может быть различной: от максимальной до нулевой.

Так, благочестивая Друзиана из драмы Хротсвиты Гандерсгеймской убивает себя, дабы только не губить души влюбленного и домогающегося ее Каллимаха:

Услыши, о Господи, муку мою <...>
Без вспоможения твоего
я диавольских козней не одолею.
Повели же мне,
Господи Христе,
Умереть скорее, –
Да не погублю я души
Этого <...> юноши [2, с. 90].

В то же время описание подобной несокрушимости духа не является типичным для средневеко-

вой литературы – чаще встречаются выразительные сетования:

...Тяжко бремя противоречить
Имеющему вкус яблока¹ [20, с. 328].

А вот крик истерзанной борениями души как раз является типичным для медиевальной куль-

туры. В одном из гимнов Марбода Реннского это звучит так:

...Спасите нас, изнемогших духом
В плотских оковах! [21, с. 223].

Метафора плоти как оков далеко не случайна. Корнями своими она восходит еще к античной трактовке тела как обиталища (крепости, темницы) души, и в частности, к изысканию античными мыслителями семантических параллелей в словах *soma* (тело) и *seta* (могильная плита). Однако те акценты, что лишь намечались в поздней Античности, в Средневековье проявились предельно жестко: в контексте ценностного противостояния небесной (духовной) и земной (грешной) любви тело оказалось полностью дискредитированным.

В «Книге пословиц» Отлоха Эммерамского зафиксировано медиевальное представление о том, что «достойный муж состоит скорее из силы духа,

чем из тела» [22, с. 156]. Красота плоти и ее порывов, которую Античность мыслила как божественную, для носителя традиционной средневековой ментальности суетна и обманна, опасна и нечиста. Это находит свое отражение даже в изобразительном искусстве Средневековья, которое рисует Еву в столь аскетической манере, что, будь она такова, грехопадение не совершилось бы.

Причина этого заключается, разумеется, не столько в недостаточности художественного мастерства или анатомических знаний (хотя и это имело место: известно, что даже лекари вынуждены были осквернять могилы, похищая покойников для изучения устройства человеческого тела),

¹Возможно, здесь позволительно усмотреть не только прямую отсылку к образу запретного плода, но – с учетом стиля Хильдегарды Бингенской – и неявную коннотацию с образным строем Песни Песней: «...и груди твои <...> вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков» (Книга Песни Песней. 7, 90).

сколько в специфическом средневековом подходе к искусству, ценность которого виделась в особом сакральном символизме. Земные явления во времени и пространстве обесценены в средневековой картине мира, и потому главная задача искусства мыслится отнюдь не как их изображение, а как наглядное выражение выработанной теологией аксиологической шкалы – своего рода специфический экспрессионизм средневековой эпохи. Отсюда – и аскетический схематизм изобразительной

манеры, и канонизация композиций, и вольности в плане построения перспективы, и антропологическая несоразмерность готики.

В системе отсчета ортодоксальной средневековой ментальности сексуальные влечения попирают чистоту души, унижают человеческое достоинство и оскверняют творение Господне, а уж применительно к служителю церкви сексуальные проявления выглядят, можем прямо сказать, кощунственно:

Ты ли, наместник Христов, легкомысленных полон пороков?
Ты ль освященной рукой грязи коснулся мирской?
Не допускай ты очей до скверны, к позору ведущей <...>
Ты не целуй никого и груди не лобзай похотливо,
Чтоб блудодейственным ртом Бога не славить потом
<...> Все пять внешних чувств сохрани
Незапятнанными... [23, с. 368].

Проявления пола не только оскверняют дух – в глазах средневековой ортодоксии это и печать скверны на теле. Такая посылка имплицитно содержится, например, в следующем традиционном для сборников *exemple* рассуждении, предваряющем моральные выводы: адвокаты хуже распутниц, ибо распутницы продают «наиболее худшую и подлую часть своего тела», адвокаты же – «благороднейшую и лучшую, то есть рот и язык» [11, с. 156].

Более того, сексуальности вообще отказано в естественности – в «Плаче природы» Алана Лилльского сама природа осуждает беспутство низменного земного блудилища: «Все прочие, кому я раздала меньшие дары моей благодати, сообразно с положением и состоянием своим в добровольном повиновении предают себя святости моих уз; и только человек, один исчерпавший едва ли не все казнохранилище моих богатств, естественное естество в противоестественное обратит пытаясь, обрушивает на меня оскорбление в преступной своей Венере. <...> Горько мне, что превосходствами стольких изяществ наградила я людские натуры, а они теперь красу красы своей злоупотреблением обескрашивают, благообразие образа безобразием любви обезображивают, цвет красоты румянами лживой похоти обесцвечивают, чистоту девственности нечистотами порока оскверняют» [9, с. 339–340].

Абсолютная нравственная ценность асексуальности аргументируется учением об изначально и естественно девственной (до грехопадения) природе человека [3, с. 160]. Максимальным выражением этой презумпции является версия неполового размножения человека (Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин).

Сохранение девственности в этом культурном контексте выступает в качестве высшей ценности и рассматривается в качестве морального

максимума. Так, епископ Леандр Севильский, обращаясь к сестре-девственнице, пишет: «Ты уже теперь то, чем все святые надеются быть когда-нибудь» [24, с. 20]. Согласно христианской легенде, лишь к непорочной деве склоняется Единорог, символизирующий собой чистоту и невинность – образ воплощающегося Христа. Иероним в «Письме к Евстохии» предостерегает свою девственную ученицу и сподвижницу: «...Я хочу внушить тебе не гордость своим девством, но страх. Ты идешь с грузом золота – тебе следует избегать разбойников. <...> Никто не ходит в безопасности среди змей и скорпионов» [16, с. 37]. Соответственно, Алкуин на вопрос, в чем заключается свобода человека, отвечает: «В невинности» [25, с. 265].

В обрисованном контексте особый статус в средневековом менталитете занимает сюжет непорочного зачатия – именно этот мотив выступает главным в сюжете Девы Марии.

Данная идея имеет глубокие корни в языческой традиции: архаическая вера в то, что причиной беременности является вхождение в тело женщины тотемического зародыша (так называемая тотемическая инкарнация), позднее сменяется представлениями о возможности наступления беременности сверхъестественным путем или в результате полового общения женщины с божеством. Так, в Древнем Китае бытовали легенды о зачатии матерью Лао-цзы от падающей звезды, а матерью Конфуция – от принесенного чудовищем драгоценного камня. Согласно типовому шумерскому мифу, Гильгамеш был рожден девой, заточенной отцом в башне (древнегреческий типологический коррелят – миф о Данае). Герой исходно трактовался в античной Греции как рожденный от бога и смертной (в силу чего современники Александра Македонского верили в то, что он рожден от Посейдона).

В контексте же средневекового менталитета мотив девственного зачатия, традиционный с точки зрения содержания, обретает принципиально новую оценочную интерпретацию и акцентировку: сверхъестественная причина беременности трактуется в качестве непорочности; главный акцент делается не на близости женщины с божеством, а на асексуальности зачатия.

Такой подход возможен именно в рамках парадигмы отождествления телесности с пороком. Для средневековой ментальности святость Богородицы усматривается не только в рождении ею Спасителя, а в первую очередь в том, что рожден он был ею «в лоне девственном» [26, с. 194], «преодолев естество» [27, с. 188]. Таким образом, в сюжете Марии антитеза духа и плоти разрешается посредством теургического феномена непорочного зачатия.

Однако для индивидуального сознания Средневековья она остается неснятой и в целом для этой эпохи болезненной, ибо очевидно, что презумпция нравственной ценности тотального воздержания приходит в противоречие с библейским тезисом о том, что «...сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю» (Быт. 1, 27–28).

В силу этого для адаптации в массовом сознании обрисованные выше максимальные аксиологические нормативы средневековой культуры и ее установки в интерпретации любви должны были получить и получили более мягкую (не столь категоричную) формулировку.

Смягчающим механизмом, позволяющим совместить аксиологическую жесткость предельной (запредельной) аскезы и жизненные реалии, выступило таинство брака: безбрачие объявляется высшей, но не единственно возможной формой нравственной жизни, брак же – низшей, но дозволенной.

Собственно, и Библия трактует брак как вынужденную меру: «Хорошо человеку не касаться женщины. Но во избежание блуда имей каждый свою жену, и каждая имей своего мужа. <...> Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (Коринф. 7. 1–2, 9).

Рассуждения Иеронима на тему девства и замужества практически повторяют библейский текст: «Быть может, кто-нибудь скажет: “И ты осмеливаешься говорить против брака, благословенного Богом?” Но предпочтеть девство браку – не значит еще порицать брак. Никто не сравнивает худое с добрым. Да будут досточтимы и вышедшие замуж, хотя они и уступают первенство девам» [16, с. 39].

Аналогичную оценку высказывает и более чем неортодоксальный Абельяр: согласно его мнению, брак «не дает <...> никакого блага, а представляет лишь целительное средство против греха» [28, с. 402].

Даже в этом контексте небесная любовь к Господу и земная любовь к супругу аксиологически противопоставлены, причем эта антитеза является для средневековой культуры весьма жесткой и опирается на библейский текст: «Незамужняя заботится о Господе, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. <...> Посему выдающийся замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающийся поступает лучше» (Коринф. 7, 34–35).

Однако, даже будучи освященными таинством брака, сексуальные проявления человека, в принципе, считаются греховными. Ратхер Веронский пишет в «Агонистике»: «Бойся Бога <...> люби супругу; кроме нее, ни к одной женщине не приближайся, а в праздничные дни и во время постов, в согласии с нею, сдерживай себя из страха Божьего» [29, с. 52].

Папской буллой «*Summus desiderantis affectibus*» (с лат. – «Всеми силами души») препятствие зачатия инкриминировалось одержимым дьяволом ведьмам, ведьмам же приписывалось изготовление снадобий для предупреждения беременности, что, согласно пенитенциалиям, каралось максимальной епитимьей. В «Молоте ведьм» брачные отношения супругов трактуются исключительно в качестве средства продолжения рода и в силу этого допускаются лишь с этой благой целью, но ни в коем случае не для любострастия. В этом контексте уместно вспомнить средневековые ночные сорочки для супругов, наглухо закрывавшие тело, оставляя лишь отверстие в области гениталий – для зачатия. В силу этого «сдерживание силы деторождения» и «препятствие плодovitости» рассматриваются как деяния дьявола [14, с. 111].

Ценностная акцентировка антиномии *наслаждение – продолжение* рода выступает в качестве фундаментальной для средневековой интерпретации брака, предельно заостряя библейский тезис о том, что «лучше бездетность с добродетелью, ибо память о ней бессмертна. <...> А плодородное множество нечестивых не принесет пользы, и прелюбодейные отрасли не дадут корней в глубину и не достигнут незыблемого основания» (Прем. Сол. 4, 1–3).

Таким образом, чувственная сторона супружеских отношений дискредитируется и в рамках брака. Пенитенциалии специально предписывали исповедникам предостерегать супругов против контактов, которые предполагали бы вождение [3, с. 159]. В любом случае, согласно специальному церковному постановлению, супруг не имел пра-

ва после совершения сексуального акта входить в храм без омовения. Согласно формулировке папы Григория I (604 г.), «даже и дозволенное соединение супругов не происходит без плотского наслаждения», а «сладострастное наслаждение не может быть без греха» [28, с. 402]. Показательно в этом отношении название труда Раймунда де Пенпафорта – «Сумма о покаянии и браке» [14, с. 92].

Санкционирование супружества при одновременной интерпретации чувственности как греха обусловило содержание средневековой модели совершенного брака – медиевальной версии *святого семейства*: Мария – дитя, Иосиф – старец. При такой интерпретации брака снимается не только эротический его аспект, но и индивидуально-чувственный вообще. В этом контексте вполне объясним тезис о том, что брак не считался расторгнутым даже при отлучении одного из супругов

...Единому Господу всей душою предана, –
Так что даже к мужу,
Христианнейшему Андронику, не восходит
Она на ложе... [2, с. 88].

Мотивация такого поведения рефлексивно осмысливается героиней на базе именно описанных ценностных шкал:

Ради Божеского долга
От супружеского долга воздерживаясь... [2, с. 88].

Даже в сугубо светской медиевальной литературе можно обнаружить следы этой моральной парадигмы: так, для рыцарских средневековых романов характерно использование героями обращения «сестра», адресованного возлюбленной или супруге (даже в устах Тристана, символизирующего страстную и даже запретную любовь, даже после волшебного любовного напитка и всего прочего – это обращение «прекрасная сестра моя» [31, с. 303]).

Житийная литература тем более изобилует подобными сюжетами. Так, в «Житии Алексия, человека Божия» супруги по рождении долгожданного сына «в сугубой радости возблагодарили <...> Господа и положили с тех пор остальную жизнь жить в чистоте и святости, чтобы приятны Богу были и они сами, и дарованный им сын и чтобы впредь не касаться друг друга, а пребывать в целомудрии» [32, с. 106]. Что же касается самого Алексия, то его бракосочетание описывается следующим образом: «Выбрали ему девицу из императорского рода, украсили брачный чертог. И руками достойнейших священнослужителей на главах их в храме <...> были возложены венцы. Вечером Евфимиан сказал сыну: “Войди, сыне мой, в опочивальню к невесте твоей”. Войдя туда, благороднейший юноша, весьма умудренный во Христе, начал поучать супругу и многое говорил ей о святине, затем отдал ей кольцо свое золотое <...> и поспешно на-

от стола и ложа [28, с. 399]. Понятым становится и широко распространившийся в далеко не венценосной среде обычай заключения браков едва ли не с колыбели (например, сюжет Эккехарта I «Вальтарий Могучая рука») [30].

Средневековые хроники содержат описания не малого числа реальных брачных пар, канонически следовавших типовым отношениям, санкционированным образцом *святого семейства* (например, Генрих II и его жена Кунигунда [28, с. 404–405]). Вне обсуждения вопроса о степени достоверности таких дескрипций – сам факт их присутствия в хрониках достаточно информативен и позволяет судить о ценностных приоритетах медиевальной культуры. Об этом же свидетельствует художественная литература Средневековья, начиная с раннего. Так, например, Друзиана из «Каллимаха» Хротсвиты Гандерсгеймской:

правил путь свой в Сирию, в город Эдессу, где был нерукотворный образ Господа нашего Иисуса Христа на полотне» [32, с. 106].

Но даже на обычные брачные отношения большинства аскетический канон оказал достаточно ощутимое воздействие, по меньшей мере в сфере интерпретации. Брак трактовался лишь как символ, и его сущность объявлялась трансцендентальной. Так, согласно Раймунду Сабундскому, «потому брак есть таинство, что он есть символ, означающий священное, недоступное чувствам и духовное отношение» [28, с. 401].

Согласно формулировке Гейнриха фон Эйкена, «брак по отношению к образуемому им общению супругов является символом соединения Бога с человеческой душой, а по отношению к совершающемуся в нем плотскому соединению – символом соединения Христа с церковью» [28, с. 339–400].

По сравнению с архаической культурной традицией происходит полная семантическая инверсия знаковости брака: если в языческом мировоззрении реально-конкретный, заключенный в *present continuous* брак означал *больше*, нежели единичное супружество, ибо, воспроизводя сакральное соединение божественных прародителей – Земли и Неба, реконструировал акт космогенеза, то в средневековом мировоззрении, напротив, единичный брак значит фактически менее себя,

превращаясь из самоценной реальности в символическую.

В контексте рассмотренной интерпретации любви средневековая Европа воистину оказалась носителем разорванного сознания: с одной стороны – идеал безбрачия, с другой – таинство брака; с одной – аскеза как нормативный канон, с другой – постоянно находящаяся в фокусе культурного внимания *luxuria*.

Необходимо заметить, что средневековая культура не выступает против земной любви – она ее просто не знает: сфера земной любви изолирована от духовных устремлений и редуцирована к плотским желаниям. Чувственная любовь для Средневековья есть лишь дьявольское искушение сладострастием, и средневековая традиция, осуждая скверну похоти, фактически сама задает культурную тенденцию обездуховливания сексуальности.

Соотнеся земную любовь с нечистым и трактуя ее как нечистую, средневековая культура доводит до абсолюта аксиологический антагонизм между плотью и духом: в сфере любви дух и плоть не только не могут составить гармонического единства – они даже не соприкасаются (ср. в поэме «Авось» Андрея Вознесенского: «Плоть не против Духа, ибо

Дух – / То, что возникает между двух...» [33, IX. Молитва Богоматери Резанову]).

То, что Платон понимал как ступени и грани прекрасного целого, то в средневековом христианстве не просто разорвано, но разведено по противоположным полюсам ценностной шкалы, ибо если любовь – это только любовь к Господу, и она только духовна, то между мужчиной и женщиной могут быть только вожделение и блуд.

Обоснование такой аксиологической позиции по отношению к чувственному аспекту любви дано Фомой Аквинским: «...половое сношение с женщиной не отрешает дух от добродетели, но низводит его с вершин добродетели, то есть удаляет его от совершенства» [28, с. 396].

Сопоставив этот тезис с общей позицией Фомы о том, что «совершенство вселенной требует, чтобы в вещах присутствовало неравенство, дабы осуществились все ступени совершенства» [34, I, q. 48, 2с], легко обнаружить в учении Аквината структурно-семантические следы античной традиции. Однако под воздействием новых аксиологических смыслов вектор платоновской лестницы любви и красоты оказывается диаметрально противоположным: Эрос по ней вел бы человека вниз.

Библиографические ссылки

1. Алкуин. К своей келье // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 261–262.
2. *Хротсвита Гандерсгеймская*. Каллимах // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 87–92.
3. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
4. *Luxuria* [Электронный ресурс] // Академик. URL: <http://translate.academic.ru/luxuria/la/ru/> (дата обращения: 07.12.2016).
5. *Luxuria* [Электронный ресурс] // Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com/la/ru/luxuria> (дата обращения: 07.12.2016).
6. Апокалипсис Петра (эфиопская версия) [Электронный ресурс] // Русская апокрифическая студия. URL: <http://arokrif.fullweb.ru/apocryph1/ap-petr2.shtml> (дата обращения: 21.12.2016).
7. Видение Тнугдала / пер. Б. И. Ярхо // Зарубежная литература средних веков / под ред. Б. И. Пуришева. М., 1974. С. 48–55.
8. Каролингские ритмы // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 404–414.
9. Алан Лилльский. Плач природы // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 333–347.
10. Хуан де ла Крус. Огонь живой любви / Поэзия. Святой Хуан де ла Крус [Электронный ресурс]. URL: <http://carmil.ru/proezia.html> (дата обращения: 17.12.2016).
11. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1989.
12. Действие об Адаме // Зарубежная литература Средних веков / сост. Б. И. Пуришев. М., 1974. С. 233–239.
13. Уильям Ленгленд. Видение Уильяма о Петре Пахаре. М., 1941.
14. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова; предисл. С. Лозинского. М., 1932.
15. Ардашев П. Цезарий Гейстербахский (черты средневекового настроения и мировоззрения) // Книга для чтения по истории Средних веков. М., 1897.
16. Иероним. Письмо к Евстохии // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 36–42.
17. *Хротсвита Гандерсгеймская*. Предисловие к драмам // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 83–85.
18. Альфан Салернский. Исповедь стихотворная // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 199–204.
19. *Хротсвита Гандерсгеймская*. Авраам // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 92–103.

20. Хильдегарда Бингенская. Песнопение хора девственниц // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 328–329.
21. Марбод Реннский. Три гимна о священниках // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 221–223.
22. Отлох Эммерамский. Книга пословиц // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 150–156.
23. Ноткер Заика. Школа Ноткера Заики. Послание Соломону о пяти чувствах // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 368–369.
24. Монталамбер Ш. Ф. Западные монахи : в 5 т. СПб., 1901. Т. 2.
25. Алкуин. Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином Схоластиком // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 265–268.
26. Петр Дамиани. Вечерний гимн на усение Пресвятой Девы // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 194.
27. Герман Расслабленный. Молитва Деве Марии // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 188.
28. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания / вступ. ст. И. М. Гревса. СПб., 1907.
29. Ратхер Веронский. Шесть книг предисловий, или Агонистик // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 49–54.
30. Эккехарт I. Вальтарий Могучая рука (Waltarius manu fortis) // Зарубежная литература Средних веков / сост. Б. И. Пуришев. М., 1974. С. 22–32.
31. Роман о Тристане // Зарубежная литература Средних веков / сост. Б. И. Пуришев. М., 1974. С. 294–304.
32. Житие Алексия, человека Божия // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 105–109.
33. Вознесенский А. А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. М., 2012.
34. Фома Аквинский. Сумма теологии : в 3 т. / пер. А. В. Апполонова. М., 2006. Т. 1.

References

1. Alkuin. K svoei kel'e. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* Moscow, 1970. P. 261–262 (in Russ.).
2. Khrotsvita Gandersgeimskaya. Kallimakh. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. С. 87–92 (in Russ.).
3. Gurevich A. Ya. Problemy srednevekovoi narodnoi kul'tury. Moscow, 1981 (in Russ.).
4. Luxuria. *Akademik*. URL: <http://translate.academic.ru/luxuria/la/ru/> (date of access: 07.12.2016).
5. Luxuria. *Glosbe*. URL: <https://ru.glosbe.com/la/ru/luxuria> (date of access: 07.12.2016).
6. Apokalipsis Petra (efiopskaya versiya). *Russkaya apokrificheskaya studiya*. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/ap-petr2.shtml> (date of access: 21.12.2016) (in Russ.).
7. Videnie Tnugdala. Transl. by B. I. Yarkho. *Zarubezhnaya literatura srednikh vekov*. Moscow, 1974. P. 48–55 (in Russ.).
8. Karolingskie ritmy. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* Moscow, 1970. P. 404–414 (in Russ.).
9. Alan Lill'skii. Plach prirody. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. С. 333–347 (in Russ.).
10. Khuan de la Krus. Ogon' zhivoy lyubovi. *Poeziya. Svyatoi Khuan de la Krus*. URL: <http://carmil.ru/poezia.html> (date of access: 17.12.2016) (in Russ.).
11. Gurevich A. Ya. Kul'tura i obshchestvo srednevekovoi Evropy glazami sovremennikov. Moscow, 1989 (in Russ.).
12. Deistvo ob Adame. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov*. Moscow, 1974. P. 233–239 (in Russ.).
13. Uil'yam Lenglend. Videnie Uil'yama o Petre Pakhare. Moscow, 1941 (in Russ.).
14. Shprenger Ya., Institoris G. Molot ved'm. Transl. by N. Tsvetkova. Moscow, 1932.
15. Ardachev P. Tsezarii Geisterbakhskii (cherty srednevekovogo nastroyeniya i mirovozzreniya). *Kniga dlya chteniya po istorii srednikh vekov*. Moscow, 1897 (in Russ.).
16. Ieronim. Pis'mo k Evstokhii. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* Moscow, 1970. P. 36–42 (in Russ.).
17. Khrotsvita Gandersgeimskaya. Predislovie k dramam. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. С. 83–85 (in Russ.).
18. Al'fan Salernskii. Ispoved' stikhotvornaya. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 199–204 (in Russ.).
19. Khrotsvita Gandersgeimskaya. Avraam. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 92–103 (in Russ.).
20. Khil'degarda Bingenskaya. Pesnopenie khora devstvennits. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 328–329.
21. Marbod Rennskii. Tri gimna o svyashchennikakh. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 221–223 (in Russ.).
22. Otlokh Emmeramskii. Kniga poslovits. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 150–156 (in Russ.).
23. Notker Zaika. Shkola Notkera Zaiki. Poslanie Solomonu o pyati chuvstvakh. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* Moscow, 1970. P. 368–369 (in Russ.).
24. Montalamber Sh. F. Zapadnye monakhi : in 5 vol. Saint Petersburg, 1901. Vol. 2 (in Russ.).
25. Alkuin. Slovoпрение vysokorodneishego yunoshi Pipina s Al'binom Skholastikom. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* Moscow, 1970. P. 265–268 (in Russ.).

26. Petr Damiani. Vechernii gimn na uspenie Presvyatoi Devy. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 194 (in Russ.).
27. German Rasslablennyi. Molitva Deve Marii. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 188 (in Russ.).
28. Eiken G. *Istoriya i sistema srednevekovogo mirosozertsaniya.* Saint Petersburg, 1907.
29. Ratkher Veronskii. *Shest' knig predislovii, ili Agonistik.* *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. С. 49–54 (in Russ.).
30. Ekkekhart I. Val'tarii Moguchaya ruka (Waltarius manu fortis). *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov.* Moscow, 1974. P. 22–32 (in Russ.).
31. Roman o Tristane. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov.* Moscow, 1974. С. 294–304 (in Russ.).
32. Zhitie Aleksiya, cheloveka Bozhiya. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* Moscow, 1972. P. 105–109 (in Russ.).
33. Voznesenskii A. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem v odnom tome.* Moscow, 2012 (in Russ.).
34. Foma Akvinskii. *Summa teologii* : in 3 vol. Transl. by A. V. Appolonova. Moscow, 2006. Vol. 1 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 25.01.2017.
Received by editorial board 25.01.2017.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.65

ПОКОЛЕНИЕ Z: РАСКОЛ ТРАДИЦИЙ ИЛИ ПЕРЕКОДИРОВКА КУЛЬТУРЫ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, Ж. М. ГРИЩЕНКО¹⁾, Т. В. ЩЕЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

В центре исследовательского внимания – современное поколение студентов. Рассматриваются актуальные тенденции в студенческой среде; выдвигается гипотеза о расколе внутри поколения Z и отчуждении солидной его части от традиционной нормативной ценностной модели. Обсуждаются методико-процедурные проблемы современной социологии и усиление ее чувствительности к замеру смыслов, которые современная молодежь вкладывает в свою интерпретацию базовых ценностей.

Ключевые слова: поколение Z; социально-исторический контекст; тотальная аномия; тотальная деморализация; внутрипоколенческий раскол; традиционная нормативно-ценностная модель; чувствительность инструментария; означаемое и означающее; смыслы; код культуры.

Образец цитирования:

Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 109–118.

For citation:

Danilov A. N., Grishchenko Z. M., Scholkova T. V. Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 109–118 (in Russ.).

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.
Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.
Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Alexander Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
a.danilov@tut.by
Zhanna Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
zhanna0607@mail.ru
Tatiana Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

GENERATION OF Z: SPLIT OF TRADITIONS OR CODE CONVERSION OF CULTURE.

A. N. *DANILOV*^a, Z. M. *GRISHCENKO*^a, T. V. *SCHOLKOVA*^a

^a*Belarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

Corresponding author: zhanna0607@mail.ru

In the center of research attention – modern generation of students. Actual tendencies in the student's environment are considered and the hypothesis of split in generation of Z and alienation of its solid part from traditional standard valuable model is made. In parallel it is about metodiko-procedural problems of modern sociology and strengthening of its sensitivity to measurement of sense which are put by modern youth in the interpretation of basic values.

Key words: the generation of Z; a total anomy; total demoralization; intra generational split; traditional standard and valuable model; sensitivity of tools meant and meaning meanings; a culture code.

Проблема ценностного мира молодежи всегда относилась к мейнстриму социологической исследовательской теории и практики. На эту тему написаны десятки книг, научных статей, массовым тиражом представлена популярная литература. Квинтэссенцией большинства из них является вполне оптимистичный вывод о том, что современная отечественная молодежь остается в рамках традиционной нормативной системы и по-прежнему разделяет основные базовые ценности. И тем не менее, входя сегодня в студенческую аудиторию (особенно если временные рамки твоей педагогической практики располагают к сравнению), улавливаешь главное: как отличается современный студент от своих предшественников, сидящих на этих же скамьях 20 и даже 10 лет назад! Даже на визуальном уровне!

Не так выглядит! Нынешний – экипирован по полной программе с вариациями не только модных в нынешнем сезоне бандан или серьгой в ухе, но и модификациями различных гаджетов – от мобильного до планшета.

Не так смотрит! Оторвавшись по случаю от виртуального мира, глядит на тебя как-то отчужденно, даже с опаской, как на инопланетянина, который спустился в этот вполне осязаемый телесный мир непосредственного общения.

Не так слушает! Это и понятно! Зачем утруждать себя вниманием к затянувшемуся монологу преподавателя, когда можно нажать кнопку и получить из интернета молниеносный ответ на любой вопрос?

И главное: что понимает? И понимает ли вообще что-нибудь из того, что ты пытаешься ему донести в ходе лекции? Чем живет? Что ценит? О чем мечтает? Куда идет? Одним словом, ловишь себя на мысли о том, что классические строки А. С. Пушкина: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое!» сегодня звучат с особым, пронзительным чувством искренности и озабоченности.

Поколение, родившееся на рубеже веков (конец 1990-х гг.), американцы У. Штрау и Н. Хоув назвали поколением **Z**, или **Homeland Generation**, **Homelanders**, что означает лишь то, что это дети цифровых

технологий, сидящие дома за компьютером – закономерным продуктом глобализации и постмодернизма. Генерация миллениума, для которых передовые технологии стали увлекающим настоящим, а не заманчивым будущим, как для их родителей.

Анализируя специфику этого **поколенческого архетипа**, основанного на факте локализации его представителей в рамках единого (общего) исторического временного контекста, исследователи (в том числе и отечественные) обнаруживают целый ряд вполне оптимистичных прогнозных сценариев его развития. В частности, в своих выводах о том, что подавляющее большинство представителей поколения Z в профессиональном отношении будут более научно ориентированными на инженерно-технологическую проблематику, биомедицину, робототехнологии, а также – вследствие своей внутренней концентрированности – на искусство, будут вести здоровый образ жизни, иметь выраженные кулинарные способности, обладать мастеритостью, отличаться от своих родителей большей экономией и бережливостью [1].

Перспективы вполне радужные! Но вправе ли мы сегодня переносить эти сценарные прогнозы технологической загруженности американской молодежи на отечественную? Ведь очевидно, что в нашем случае совместное переживание исторического трансформационного этапа как фактор **поколенческой идентификации** не исчерпывается, к сожалению, инновационной технологической составляющей! Сопутствующий ей исторический контекст в отечественных реалиях наполнен куда более драматическими событиями, вкуче с которыми проблема сетевого виртуального позиционирования современного постсоветского поколения могла породить принципиально иную **производную**. В сравнении с ней проблемы фронтальной компьютеризации нашей жизни и ее последствий могут перейти в разряд вполне периферийных.

Ведь речь идет о тех, кто сегодня сидит в студенческой аудитории. Им от 17 до 22 лет. Процесс их социализации и в средней школе, и в учреждении

высшего образования разворачивался на почве **тотальной аномии** в обществе.

Последовавший за крушением великой страны системный кризис всех сфер жизни, чему в немалой степени способствовала деидеологизация общества, привел к **аномической деморализации** целого поколения, взросление которого совпало с периодом отсутствия нормативно-ценностных ориентиров в условиях вакуума идеалов, целей, смыслов существования. Попробуйте ради эксперимента поинтересоваться жизненными идеалами, культивируемыми современным студенчеством. За исключением крайне редких фактов (10 из 100) наличия таких примеров для подражания в облике ближайших родственников (чаще – мама или бабушка, реже – отец), большинство опрошенных достаточно категоричны в своем негативном ответе: «Идеалов нет и быть не может!»

Сегодня мы, можно сказать, задним числом хорошо понимаем, как наивно было ожидать серьезного **компенсационного эффекта** социализации молодого поколения в обстоятельствах **системной аномичности** социума со стороны семьи, члены которой (в первую очередь родители) пребывали в режиме спонтанного самовывживания и добывания средств к существованию. Поколение родителей современной молодежи в подавляющем большинстве физически не способно было уделять детям должного внимания. Те же из них, кому удалось перейти в разряд состоятельных и достойно обеспечить свои семьи, компенсировали недостаток повседневного внимания к своему потомству финансовыми излишествами, что загоняло детей в зону риска **испытанием роскошью**. Эта дифференциация внутри студенчества по критерию материального благополучия их семей нарушила привычную **гомогенность** целого поколения, став причиной **ценностной конфликтности** не только внутри поколений (между группами молодежи), но и между поколениями (родителями и детьми). И можно поспорить, где эти морально-нравственные издержки эпохи миллениума оказались наиболее весомыми с точки зрения деморализации целого поколения: для тех, кто гордился своими преуспевающими родителями, сам будучи загнанным в режим **испытания сытостью**, или для тех, кто бедствовал, искренне сострадавая (в лучшем варианте) своим родителям-неудачникам.

Более того, нельзя забывать и о том, что сложившаяся ситуация, отягощенная в значительной степени резким ослаблением роли не только семьи, но и других традиционных институтов социализации молодежи, также приняла характер **тотальной обреченности**. Взять, к примеру, современное образование, которое пребывает в режиме **перманентного реформирования** с выраженным акцентом на **коммерциализацию**, искажившую или даже поло-

мавшую все привычные алгоритмы качественного обучения и воспитания подрастающего поколения. И сегодня уже никого не смущает признание 2/3 студенческой группы в том, что они пришли сюда за дипломом, а не за профессией и тем более не за знаниями!

Нельзя сбрасывать со счетов и тот немаловажный факт, что формирование поколения Z в нашем отечественном опыте происходило на фоне взлетов и падений общественных настроений, переживших за обозначенный временной интервал эйфорию свободы и независимости с ее демократической риторикой, плавно перешедшей в разочарование либерально-демократической моделью и лозунгами мультикультурализма и глобализма, неудачный сценарий развития которых поставил массы перед необходимостью переосмысления сущности самой демократии как светлого будущего человечества. С учетом **методологической** принципиальности включения **социального контекста** в исследование жизненного мира человека, тем более его ценностей, мы не можем абстрагироваться от него настолько, чтобы сфокусироваться исключительно на эффекте компьютеризации и уходе в виртуальный мир. Хотя и это – наш вполне очевидный социальный контекст глобализирующегося миропорядка.

Взрослеющее молодое поколение соотечественников, в свою очередь, не могло не испытать на себе **отчуждения** от взрослого мира, идеалы которого еще совсем недавно казались полным **анахронизмом**, а затем трансформировались в **сомнения, скепсис** и откровенный **цинизм**, подпитываемый ностальгическими настроениями родителей о старых добрых временах и переоценкой ценностей.

Поэтому не исключено, что уход в виртуальный мир в нашем случае был оправдан не столько интересом к технологическим инновациям, сколько отчуждением от неприглядности современного взрослого мира, аномическая системность которого не предложила никаких более или менее выраженных ориентиров и смысловых акцентуализаций. А если и предложила (власть денег, индивидуализм и прагматизм жизненных ориентаций), то, надо признать, нечто очень далекое от содержания той **традиционной нормативно-ценностной модели**, по параметрам которой мы до сих пор измеряем внутренний духовный мир молодежи. При этом наше эмпирически выверенное и теоретически обоснованное упорство в выводах о приверженности современной молодежи базовым ценностям предшествующей эпохи выглядит, по правде говоря, странным, особенно на фоне нынешнего **социального контекста** [2, с. 133].

В связи с этим остается лишь удивляться той таинственной силе, которая оказалась способной в столь драматических обстоятельствах отечественных трансформаций удержать генерацию Z

в рамках традиционной модели базовых ценностей. Вот с этого резюмирующе театрального «не верю!» и следует сегодня конструировать концепцию исследовательского поиска и анализа ценностного мира студенческой молодежи.

В любом случае интерпретация **проблемной ситуации**, связанной с ценностным миром поколения Z, может быть смещена в направлении ее **онтологического** прочтения как противоречия между признанной преимуществом (по крайней мере, на вербальном уровне) традиционной модели базовых ценностей и вероятностью наполнения ее глубоко внутренними личностными **смыслами**, лежащими далеко за порогом гомогенности с межпоколенческими традициями. Иными словами, исходным для построения концепции исследования является **противоречие** между **означаемым** (заданным волей исследователя) и **означающим** (смыслом) для поколения Z. В случае если вновь выдвинутые научные доводы окажутся вполне обоснованными, прогнозный сценарий дальнейшей трансформации культивируемых поколением Z ценностей должен фокусироваться на определении меры (качественно-количественной) их **векторных отклонений**, вплоть до фиксации **пограничного** рубежа **перекодировки** культуры нации. С учетом закономерностей нелинейного развития социальных систем такая формулировка задач исследований кажется нам не только логичной, но и целесообразной.

Это хорошо известное философии и психологии противоречие между **формально означаемым** и **лично означающим** [3] в социологии уходит в сферу феноменологии и анализа повседневности через рефлексию обыденных практик, где означающее (смысл) выводится из сознания субъекта и ему же приписывается конструирование самой социальной реальности [4]. Таким образом, концепту «смысл» придается **активное созидющее** начало в жизнетворчестве. Неслучайно Дж. Александер, отмечая важность использования смысла в контексте исследований социальной реальности, в частности культуры, видит в этом новый радикальный методологический поворот социологического познания мира, связанный с необходимостью переключения внимания к смыслам не с точки зрения их зависимости от социальных обстоятельств, а с позиции их роли как активной созидательной силы, формирующей эти обстоятельства [5, с. 92–93].

По этой же причине, включая категорию «смысл» в парадигму социологии жизни, Ж. Т. Тощенко видит ее **инструментальную** и **концептуальную** ценность в «обозначении некой итоговой, ключевой сущности происходящих изменений социальной реальности, глубинном содержании бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпретации полу-

ченных в процессе социологического исследования данных» [6, с. 153].

Социологическая эмпирическая параметризация смыслов повседневности может оказаться настолько содержательно **отчужденной** от базовой традиционной модели ценностей, что утверждение о ее безусловной **преимуществом** для современной генерации миллениума покажется сродни **лицемерию** или **научной мимикрии**, сознательно вуалирующей истинное положение вещей. В основе этой целенаправленной мимикрии лежит, как правило, стереотипизация сознания, т. е. идеологическая загруженность прежних лет, дающая о себе знать до настоящего момента, особенно в исследовательской практике представителей советского поколения, а также боязнь радикальных прогнозных сценариев наших отечественных «фундаментальных» трансформаций, непродуманность характера которых имеет далеко не оптимистичные реальные последствия.

Основным аргументом **«заторможенности»** социологии в обозначенном направлении выступает факт крайней **нечувствительности** социологического инструментария к замеру смыслов, что отмечают многие авторитетные социологи, в том числе отечественные [5, с. 65]. Попытки **аппликации** проблемы ценностей современного студенчества на эмпирическое поле их параметризации наталкиваются на целый ряд методических и процедурных трудностей. Главная из них – **реактивность** социологического инструментария.

Сегодня в любом учебнике по социологии прописаны все основные алгоритмы нивелировки реактивности инструментария: начиная с формулировок вопросов и определенной последовательности перечня ценностей (в случае, например, со шкалой-меню) до филигранных тонкостей триангуляции, позволяющей сочетать количественные и качественные подходы даже в рамках одного метода (внутриметодная триангуляция).

Гораздо реже обращают внимание на подбор самого ценностного ряда, который, как правило, продиктован **стереотипами сознания** исследователей. Тем более если они воспитаны и находятся в культурной парадигме традиционных базовых ценностей. Поставленный перед необходимостью конкретного ответа (выбора, ранжирования по приоритетам и т. п.) респондент в облике студента осуществит стоящую перед ним задачу достаточно легко, хорошо понимая, чего от него ожидают. Следовательно, в большинстве своем мы имеем дело с эффектом **вербального** характера, посредством которого транслируется понимание (знание), а не **личный (индивидуальный) смысл** заданного исследователем значения.

Очевидная **нечувствительность** социологических методов (преимущественно опроса) к замеру

смыслов продиктована обстоятельствами давящего эффекта **когнитивного диссонанса**, проецируемого автором исследования на испытуемого (респондента) и заведомо инспирирующего его на действие (выбор) рационального характера. Тогда как современная жизненная ситуация в ее «**турбулентном воплощении**» все чаще идет в отрыве от формулируемых традиционных постулатов и заменяется иррациональным выбором [7].

Таким образом, необходимость **нейтрализации** влияния самого исследователя на ход подготовки (программирования) исследовательского процесса и его последующей реализации представляется принципиальной. Речь идет, безусловно, не о физическом устранении исследователя, а о его «закадровом позиционировании». Не претендуя на логическую завершенность своей методико-процедурной альтернативы, отметим главное. Экспериментальные попытки решить ее с максимальной **нивелировкой** исследовательского влияния на процедуру замера оказались сравнительно успешными. Так, например, предложенный студенческой аудитории вопрос: «Кто ты?» был сформулирован в формате открытого, его цель была продиктована необходимостью знакомства преподавателя со студенческой группой. Опрос проводился в самом начале учебного года, когда первая встреча преподавателя со студентами логически оправдывала процедуру знакомства и не вызывала никаких дополнительных вопросов. Таким образом организованный опрос исключает **формализованный** перечень ценностей и шкал, а параллельно – **фиксированную установку** респондента относительно тематической направленности, целей и задач опроса. Респондентам предоставляется возможность свободной саморефлексии (когнитивного и эмоционального планов) и произвольной **формулировки ассоциаций**, спонтанно возникающих в его голове при необходимости репрезентации своей повседневной статусно-личностной определенности. Одновременно предполагалось, что студенты репрезентируют себя через сущностные **социальные роли**, принцип смысловой **коннотации** которых выведет нас на актуальный для поколения Z ценностный набор.

В итоге предложенный студентами **ассоциативный ряд** оказался не столь широким, чтобы говорить о его полной адекватности привычной модели базовых ценностей. По степени популярности в студенческой среде мы можем условно разделить эти ассоциации на три блока: **доминантный, популярный и периферийный**.

Доминирующими в контексте **разведывательного** исследования оказались всего две ассоциации: «я студент» (так позиционировали себя 66 % ре-

спондентов) и «я член семьи» (60 %) с инвариантами «дочь», «сын», «внучка», «жена», «муж».

Параллельно в числе **популярных** в студенческой среде остаются ассоциации, отражающие отношения **дружбы и любви**, «я друг» или «я любимая», «я любимый» (отметили 25 % респондентов).

Каждый третий выдвинул на передний план ассоциации ярко выраженной **индивидуалистической** направленности. Заметим, что данный сегмент раскололся на две эквивалентные по численности группы: с позитивной креативной амбициозностью, нацеленной на самовыражение и самоутверждение, типа «я самовыражающийся субъект» или «я субъект воли», «я личность», «я лидер» (так ответили 33 % опрошенных) и с негативной эгоистической направленностью, апеллирующей к отчужденности и одиночеству, например «я игрок», «я латентный социофоб», «я никто, одиночка», «я эгоист» (около 30 % суждений).

Одновременно в **периферийный** содержательный блок попали ассоциации, отражающие **патриотическую** риторику (типа «я гражданин») и **национальную** идентичность («я белорус»). На это указал лишь каждый десятый, т. е. 10 % респондентов. Следует заметить, что **конфессиональная** идентификация «я православный» или «я католик» вообще не нашла отражения в ответах на вопрос: «Кто ты?» В связи с этим категоричность выводов о наблюдаемом религиозном буме в постсоветской Беларуси, свидетельствующем о том, что значительная часть населения, потерявшая прежние нормативно-регулятивные механизмы, обратилась к религии [8], может быть существенно дополнена с учетом выдвигающихся на авансцену социальных реалий поколения Z. Параллельно обсуждаемая идея формирования идеологии на базе параметров национальной идентификации представляется сегодня лишенной достаточных оснований. Одновременно не исключено, что именно данный факт является поводом, вполне достаточным для такой постановки вопроса.

При первичном, поверхностном взгляде на результаты первого (ассоциативного) этапа «разведки» с очевидностью следует вывод о том, что в ситуации **вольного и свободного** самоопределения представители интересующего нас молодежного сегмента – студенты эпохи цифровых технологий – непроизвольно резко **сужают** круг значимых для себя ценностей. В нашем эксперименте он фактически замкнулся на двух ведущих ассоциациях, связанных с выраженной **студенческой диспозицией и принадлежностью к родственным узам**. Можно предположить, что в первом случае речь идет о ценности **учебы, профессионального самоопределения, карьеры**, если подчеркнутый студенческий статус воспринимается как промежуточная

инструментальная ценность. Во втором, с большей степенью вероятности, речь идет о ценности семьи.

Несколько в отрыве от перечисленных ассоциаций стоят те, что отражают приоритетность позиционирования собственного я через отношения **дружбы** и **любви**, а также **самовыражения** и **самоутверждения**.

Сразу отметим, что произведенные нами **смысловые коннотации** в значительной степени тоже произвольны и оттого не лишены эффекта исследовательского допущения, нуждающегося в проверке. В конечном счете природа **важности для поколения Z** его студенческого статуса настолько **латентна**, что наше прочтение ее в плоскости учебы, профессиональной ориентации, профессиональной компетенции и последующей работы по профессии несколько уязвимо и гипотетично. Не исключено, например, что сами студенты связывают свою доминантную ассоциацию «я студент» совершенно с иными ассоциативными смыслами – периодом беззаботного существования, веселого времяпровождения, свободы самореализации и др.

Аналогичная ситуация и со смысловой определенностью ценности семьи для современного студенчества. С учетом, например, значительности векторного отклонения в направлении популярности **гражданских и гостевых браков, нежелания** иметь детей и **отрицания** обязательств по совместному ведению хозяйства, сложно говорить о приверженности традиционным нормативным алгоритмам регуляции семейных отношений и семьи как социального института. Кроме того, есть предположение о том, что семья, как определенным образом обозначенная ценность для современной генерации цифровых технологий, транслирует совершенно иной смысл – **адаптационный формат** выживания в сложных кризисных обстоятельствах, в которых поддержка родителей (материальная и моральная) играет принципиальное значение. Тогда речь идет о родительской семье, что совсем не обязательно переносится на свою в перспективе.

Резюмируя данные первого этапа «разведки», следует констатировать, что, несмотря на сравнительное **сужение** набора актуальных ценностей (в практике массовых социологических опросов их набор, как правило, исчерпывается 10–11, и все получают более или менее выраженный позитивный оценочный эквивалент), все же нельзя не отметить частичную **гомогенность** (однородность) результатов традиционной ценностной модели.

С одной стороны, на передний план выдвинуты традиционные ценности – учебы, семьи, дружбы, любви и самовыражения, самоутверждения. Отметим, что последние из перечисленных ценностей

занимают в нашем случае третью позицию. Если вспомнить, что ценности самовыражения и самоутверждения всегда находились на пике известной пирамиды А. Маслоу, то можно даже возрадоваться за наше поколение Z, идущее в авангарде прогрессирующей направленности общественного развития. При этом, однако, не следует забывать и о том, что, по мнению солидных американских аналитиков, успехи отдельных посткоммунистических стран в демократическом преобразовании общества связаны именно с приоритетностью ценностей **самовыражения** для наиболее активной части населения [9, с. 77].

С другой стороны, слабость **патриотической** риторики у поколения цифровых технологий имеет совершенно ясную и понятную всем природу. О каком патриотизме можно говорить в случае с поколением, рожденным и возвращенным в обстоятельствах тотальной аномии, системной турбулентности и великих крушений и системным характером переоценки ценностей и истории в целом? Сопряженность этих двух параметров в ценностном мире поколения Z – **отсутствие патриотизма** и стремление к **самоутверждению** и **самовыражению**, да еще в целом ряде случаев (как показали замеры) посредством **власти** вызывает искреннее желание поразмышлять в данном направлении более глубоко.

Или, например, полное отсутствие озабоченности со стороны изучаемого сегмента своим **здоровьем**? Разве это не извинительный недостаток молодости? Который очень скоро пройдет, как только прижмет!

Что касается периферийности **национального** и **религиозного самосознания**, то разве это не повод для нашего успокоения? Во всяком случае, это выглядит куда более оптимистично в сравнении с национальным экстремизмом и фашистской риторикой, доносящейся со стороны соседствующей Украины.

В связи с этим символично, что еще в 2002 г. украинский исследователь Е. Головаха писал: «Возможно, украинское общество явит миру пример, как можно неопределенно долго сохранять относительную социально-политическую стабильность в стране, где большинство населения деморализовано и “аморализовано”, и посрамит мнение теоретиков, утверждающих, что неизбежен “нормативный взрыв”, связанный с социальными потрясениями и авторитарным правлением» [10, с. 22]. Сегодня мы можем констатировать, что иллюзии исследователя не оправдались. Нормативный взрыв заявил о себе со всей определенностью, причем в самых крайних, **радикальных** формах.

Одним словом, все можно оправдать и увязать в логически стройную систему. Кстати говоря, впол-

не гармоничную всему предшествующему опыту исследовательских изысканий в сфере ценностного мира нашей молодежи, хотя и содержательно более **ограниченную**. И тем не менее остается нечто недосказанное, стимулирующее продолжить этот сложный поиск смысловых нюансов ценностей, сформулированных поколением Z.

Мотивированный исключительно познавательным интересом второй этап разведывательного исследования имел своей целью **тестирование** уже задействованных в эксперименте студентов для **операционализации смыслов**, транслируемых ими в выраженных на первом этапе ассоциативных предпочтениях. В итоге была разработана тестовая методика, позволяющая снивелировать **реактивность** социологического инструментария за счет **акцентуализации** внимания респондентов на наборе суждений **позитивного** и **негативного** характера по отношению к содержанию представленного в таблице ценностного ряда (с точки зрения его традиционного нормативного прочтения). Процедурный аспект подбора суждений включал в себя ряд **принципиальных** методико-процедурных моментов.

Во-первых, суждения подбирались с предварительной **редукцией** их формулировок до уровня **повседневной студенческой лексики**. Проблема решалась на основе включенного наблюдения за студенческой аудиторией (исполнители темы – преподаватели учреждения высшего образования, непосредственно контактирующие с объектом исследовательского интереса) и фиксации наиболее **популярных** в студенческой среде **формулировок**.

Во-вторых, суждения подбирались с точки зрения их **позитивной** (соответствующей традиционной нормативной модели) или, напротив, **негативной** (идущей на раскол традиций) «настроенности» на обозначенные базовые ценности. Каждая из базовых ценностей процедурно **ретранслировалась** шестью суждениями (три позитивных и три негативных). Итоговая **индексная значимость** ценности подсчитывалась как средняя арифметическая взвешенная (исходя из смысловой тональности суждения).

В-третьих, отобранные для исследования суждения (30) были скомпонованы в инструментарии по принципу **хаотичности**, без группировок в соответствующие смысловые блоки обычной социологической анкеты.

В-четвертых, никаких обязательных преамбул, объясняющих цели, задачи исследования, процедура опроса не предполагала. Студентам просто предлагался набор суждений с просьбой выразить свое отношение к ним.

В-пятых, процедура оценки суждений предполагала **четырёхбалльную шкалу**: «полностью со-

гласен», «скорее согласен», «скорее не согласен» и «категорически не согласен» без альтернатив «затрудняюсь ответить» или «отношусь нейтрально».

Все перечисленные процедурные аспекты методики, ориентированные на оценку суждений в отрыве от их **инструментально-операционального** значения (оставались за кадром для респондентов), имели смысл лишь в одном – понизить **реактивность** социологического инструментария и стимулировать респондента к **аутентичности** его поведенческой реакции.

Для большей ясности и четкости изложения представим отобранные для эмпирической верификации тестовые суждения, сгруппировав их по смысловым блокам. В оригинале, напомним читателю, они были представлены респонденту в **хаотичном** формате. В итоге респонденты погружались в пространство артикулируемых смыслов, с которыми они должны были согласиться или не согласиться.

Прежде чем оценить смысловое пространство суждений, отметим главное. В данном случае речь идет лишь о той группе ценностей, которые объективированы первым (разведывательным) этапом исследовательского поля. То есть задача апробации методики касалась лишь тех ценностей, коннотационный смысл которых угадывался (или прочитывался) в полученном перечне артикулируемых студентами ассоциаций. Таким образом, задачи второго этапа были, с одной стороны, ограничены пятью наиболее значимыми (с точки зрения поколения Z) ценностями, а с другой стороны, были ориентированы на проверку разрешающей способности теста с точки зрения последующей дифференциации респондентов по критериям смысловой верификации обозначенного ценностного ряда.

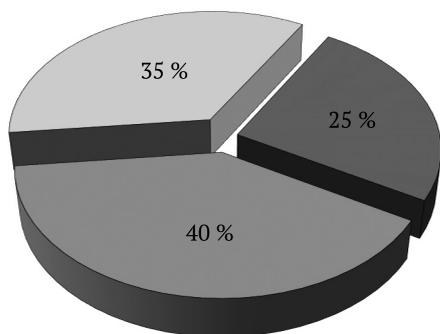
В идеале, однако, перспективы исследовательского поиска должны быть расширены на весь спектр базовой ценностно-нормативной модели.

С учетом факта **нечувствительности** социологического инструментария к той «подлинной бездне смысла» [11, с. 115], которая лежит между сознанием и реальностью, появляется соблазн понять природу не только транслируемых ценностей, но и тех, что остались вне студенческой артикуляции на первом пробном этапе исследовательской «разведки».

Параллельно, предполагая вероятность «взрыва традиций» и наличие ценностного конфликта как внутри поколения Z, так и вне его, смысловая их операционализация имеет принципиальное значение в поисках пространства смысловых совпадений или смысловых ожиданий как регулирующей основы консолидации общества и выявления возможных точек опоры на рубеже **перезагрузки** кода новой культуры.

Смысловое пространство суждений, представленных поколению Z для оценки (фрагмент теста)
Semantic space of judgments suggested to Z generation for estimation (test fragment)

Суждения, предложенные респондентам				
Контекст: учеба	Контекст: семья	Контекст: самореализация	Контекст: самоутверждение	Контекст: дружба, любовь
<ul style="list-style-type: none"> • Я здесь ради диплома, а не ради профессии. • Студенческие годы хороши своей безмятежностью. • Меня не волнует, буду ли я работать по профессии. • Основная проблема сегодня – наличие работы по профессии. • Для меня главное – учеба и приобретение профессиональных навыков. • Я честно готовлюсь к экзаменам и переживаю за результат. 	<ul style="list-style-type: none"> • Главное для счастья – это крепкая семья. • Дети – это очень обременительно. • Гражданский брак – это современно и круто. • Верю в брак, основанный на расчете. • Признаю лишь официальный брак, с печатью в паспорте. • Главный смысл брака – рождение и воспитание детей. 	<ul style="list-style-type: none"> • Для меня важна творческая работа, где можно проявить себя. • Личность – это способность оставаться собой. • Сейчас не то время, чтобы выделяться, особенно на работе. • Главное, чтобы хорошо платили. • Я всегда стремился проявить себя в деле. • Никогда не стремился достичь лучшего, чем есть. 	<ul style="list-style-type: none"> • Для меня очень важно признание окружающих. • Жизненный успех я связываю с властью. • Личность – это высокий карьерный рост. • Никогда не стремился делать карьеру. • Главное – это связи, а не мнение окружающих. • Важно, чтобы тебя ценили как профессионала. 	<ul style="list-style-type: none"> • Любовь – это секс и ничего больше. • Без настоящей любви жизнь теряет смысл. • Всякая любовь существует столько, сколько она заслуживает. • Я не верю в искренность дружбы между людьми. • Я не представляю жизни без стоящих друзей. • Дружба – это самоотдача.

Типология поколения Z по критерию оценки традиционной модели ценностей:
 ■ – «включенные» респонденты, представляющие область традиционных значений; ■ – «исключенные» респонденты, находящиеся за порогом традиционных значений;
 ■ – «пограничье», т. е. респонденты, стоящие у порога традиционной модели ценностей

Typology of Z generation by criterion of continuity of traditional model of values

Результаты тестирования свидетельствуют о правомерности гипотезы относительно внутр поколенческого **раскола** нормативной ценностной модели по критерию смыслового прочтения базовых ценностей. Эмпирическая верификация смыслов, вкладываемых различными группами студентов поколения Z в актуальный для них набор ценностей, фиксирует три доминантных сегмента, типологизированных по критериям **включенности** в традиционный нормативно-ценностный контекст, **исключенности** из него и **пограничья** (см. рисунок).

Прежде чем говорить о специфике каждого из выделенных типов, обратим внимание на их про-

порциональное соотношение. По результатам разведывательного этапа очевидно, что включенный в традиционную модель базовых ценностей сегмент оказался **сравнительно минимальным** и эквивалентен 35 %. Самым выразительным (40 %) стал сегмент, **категорически отрицающий** все нормативно традиционные правила общежития. Наконец, третий сегмент позиционируется нами в промежуточном интервале перехода от первого типа ко второму в силу своей **раздвоенности** и **неопределенности** позиций (25 %).

Он отмечен амбивалентностью и плюралистичностью смысловых идентификаций, объединяющих в себе как позитивный в отношении традиционной ценностной модели смысловой спектр («включенные» респонденты), так и негативный по отношению к устоявшейся в традициях нормативно-ценностной модели смысловой спектр («исключенные» респонденты). Относительно двух предыдущих типов «пограничье» отмечено меньшей категоричностью: «скорее согласен» или «скорее не согласен». Таким образом, регистрируется тяготение данного типа к обоим центрам влияния.

Попытки типологизации поколения Z носят предварительный характер и требуют проверки на более солидном (в количественном отношении) массиве данных. Представленные и анализируемые нами результаты основаны на итогах **качественного** исследования **разведывательно-экспериментального** характера, направленного на повышение чувствительности социологического инструментария в контексте решения проблемы методико-процедурного обеспечения задач исследовательского проекта и проверки его гипотез.

Тем не менее анализируемые результаты позволяют констатировать правомерность наших предположений о **расколе** поколения Z на три самостоятельных сегмента с точки зрения специфики их позиционирования в смысловом пространстве базовых ценностей.

Эту очевидную оторванность подавляющей части современных студентов от традиционной нормативно-ценностной модели сложно интерпретировать с позиции «отклоняющегося поведения» ввиду его **доминантного** и **демонстративного** характера. Более того, самому определению «отклоняющийся сегмент» имманентно свойственна оптимистическая надежда на его ближайшую коррекцию. По правде говоря, шанс, потерянный навсегда!

С учетом векторной смысловой представленности (рисунок) «отклоняющимся» сегодня следует считать как раз тот вектор, который остается в смысловых рамках традиционной модели ценностей. Оказавшись в меньшинстве, они остаются **отчужденными** от социума с его развалившимся ценностным миром, неопределенностью идеалов и отсутствующими стратегиями туманного продвижения вперед, в том числе и идеологическими.

Затянувшаяся турбулентность окружающего мира загоняет эту чудом сохранившуюся в традиционном нравственно-этическом поле часть молодежи в формат **замкнутости** и **индивидуализации** своих интересов, ограничивая ее рамками семьи. Наши попытки добиться предельной искренности и правдивости саморефлексий именно от данного сегмента поколения Z подсказали еще один вариант методического решения проблемы. Мы предложили включенным в традиции нормативно-ценностной модели респондентам завершить предложение «Я ощущаю себя вполне счастливым, когда...».

Ответы оказались удивительно **однородными** (внутри группы) по своей смысловой определенности. Вот только некоторые из набора типичных: «Я ощущаю себя вполне счастливым, **когда все хорошо складывается у меня и у моих близких**», «...**все мои близкие люди здоровы**», «...**чувствую взаимопонимание и любовь родных людей**», «...**нахожусь в кругу близких**».

Для сравнения тот же вопрос, но адресованный сегменту исключенных из отечественных традиций прочтения базовых ценностей, не удивляет своей принципиально иной типичностью: «Я ощущаю себя вполне счастливым, **когда свободен от дел**», «...**занимаюсь тем, чем хочу**», «...**когда появляется возможность уехать за рубеж**».

С учетом того факта, что геополитическая специфика Беларуси как пограничья стратегически тяготеет к обоим полюсам – Западу и Востоку, а в отдельных теоретических обоснованиях западной социологии ее перспективу все настойчивее связывают с присоединением к Западу при сохранении независимости в самостоятельном принятии решений, обозначенные ориентации данного молодежного сегмента имеют осязаемую подпитку. При этом варианты силового решения проблемы не исключаются [12, с. 213].

Индивидуализация сознания поколения Z, невзирая на его очевидный раскол по существу, не станет особым откровением для кого-либо. Как не станет откровением и то, что значительную ее часть («исключенные» респонденты) мы уже потеряли, за другую («пограничье») можно побороться, а третью («включенные» респонденты) надо просто не упустить. И чем раньше мы это сделаем, тем больше шансов удержать на плаву тот «корабль», который до сих пор блуждает в пучине безбрежного «океана» в поисках своей «гавани».

Библиографические ссылки

1. Шамис Е. В каких условиях растет поколение Милениум и Z и что станет их ценностями [Электронный ресурс] // Теория поколений в России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Поколение_Z (дата обращения: 05.03.2017).
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.
3. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX веков. М., 2015.
4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
5. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.
6. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М., 2016.
7. Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы теории иррационального выбора // Социол. исслед. 2014. № 3. С. 19–28.
8. Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект. Минск, 2001.
9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011.
10. Головаха Е. Феномен «аморального большинства» в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине // Мониторинг обществ. мнения: эконом. и соц. перемены. 2002. № 6 (62). С. 20–22.
11. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2001.
12. Мурадян Е. С., Сальникова С. А., Титаренко Л. Г. и др. Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье. Вильнюс, 2014.

References

1. Shamis E. V kakikh usloviyakh rastet pokolenie milenium i Z i chto stanet ikh tsennostyami. Teoriya pokolenii v Rossii. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pokolenie_Z (date of access: 05.03.2017) (in Russ.).
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. 2nd ed. Moscow, 2010 (in Russ.).
3. Nikol'skii S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretatsii otechestvennoi literatury XIX–XX vekov. Moscow, 2015 (in Russ.).
4. Shyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. Moscow, 2003 (in Russ.).
5. Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya. Moscow, 2013 (in Russ.).
6. Toshchenko Zh. T. Sotsiologiya zhizni. Moscow, 2016 (in Russ.).
7. Zafirovsky M. Beneath rational choice. Elements of irrational choice theory. *Sotsiologicheskie issled.* 2014. No. 3. P. 19–28 (in Russ.).
8. Novikova L. G. Religioznost' v Belarusi na rubezhe vekov: tendentsii i osobennosti proyavleniya: sotsiologicheskii aspekt. Minsk, 2001 (in Russ.).
9. Ingkhardt R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye tsennosti i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. Moscow, 2011 (in Russ.).
10. Golovakha E. The phenomenon of «amoral majority» in the Post-soviet society: transformation of mass beliefs about social behaviour norms in Ukraine. *Monit. obshchestvennogo mnenija: jekon. i social'nye peremeny.* 2002. No. 6 (62). P. 20–22 (in Russ.).
11. Gusserl' E. Kartezinskie razmyshleniya. Moscow, 2001 (in Russ.).
12. Muradyan E. S., Sal'nikova S. A., Titarenko L. G., et al. Dinamika tsennostno-normativnoi sistemy i zhiznennye shansy: opyt postsovetskoj transformatsii v Pogranich'e. Vil'nyus, 2014 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.02.2017.
Received by editorial board 17.02.2017.

УДК 316.334.2(470-21+476-21)

МАССОВАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ И СМЕРТНОСТЬ В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Д. ИРДАМ¹), А. АЗАРОВА¹), Г. ШЕЙРИНГ¹), Л. КИНГ¹)

¹Кембриджский университет, Тирнити-Лэйн, Кембридж CB2 1TN, Великобритания

Основные предпосылки научной работы. При переходе от централизованного государственного планирования к рыночной экономике Россия испытала беспрецедентный скачок смертности, главным образом среди работоспособного мужского населения. Беларусь в этот период удалось избежать подъема уровня смертности. Что могло послужить причиной подобного различия? Имеющиеся научные работы указывают на связь между приватизационными реформами ранних 1990-х гг. и смертностью, главным образом из-за безработицы. Однако имеющаяся научная литература основывается на традиционных данных по смертности из регистров народонаселения, что не позволяет делать выводы о влиянии приватизации на смертность изолированно от других факторов.

Методы. Основой анализа выступает уникальная база данных, собранная научно-исследовательским проектом *PrivMort*. Она содержит информацию о населенных пунктах, предприятиях и индивидуальных респондентах, а также об их живых и умерших родственниках. Исследование основывается на непараметрическом методе отбора подобного по коэффициенту склонности вероятности для сравнения смертности и ее детерминант среди моно- и мультииндустриальных городов с разной скоростью и типом приватизации в России, где массовая приватизация была предпринята в начале 1990-х гг., и в Беларуси, где экономика была либерализована без массовой приватизации при сохранении сильного государственного контроля. Использована регрессия Пуассона с возрастной стандартизацией и смещением переменной (времени) по количеству лет, которые субъект прожил в 1992–1998 гг.

Результаты. Показано, что скорость приватизации оказала наиболее сильный эффект на смертность среди мужчин в возрасте 20–65 лет в моноиндустриальных городах России, которые, в отличие от Беларуси, прошли массовую приватизацию. Выявлен сильный предохраняющий от смертности эффект проживания в Беларуси вблизи с польской границей, а также эффект наличия высшего образования. Кроме того, продемонстрировано, что безработица в 1990-е гг., а также отсутствие семьи повысили вероятность мужской смертности.

Интерпретация результатов. Политика массовой приватизации имела крайне негативное влияние на мужскую смертность, особенно среди мужчин работоспособного возраста. Россия, которая применила политику массовой приватизации, включая быструю продажу государственных акций и быструю либерализацию цен, значительно хуже справилась с социально-экономическими последствиями транзаций, чем Беларусь, где применялась политика постепенной либерализации. Присутствие в экономике сильного государственного контроля может существенно амортизировать эффект тотальных экономических изменений на структурном уровне, так как оно значительно снижает уровень смертности за счет меньшего урезания социального бюджета, сокращения индустриального производства, более низкого уровня безработицы и бедности, экономического неравенства.

Ключевые слова: смертность; алкоголизм; посткоммунистические страны; приватизация; экономические транзакции; ретроспективное когортное исследование.

Благодарность. Научно-исследовательский проект *PrivMort* финансируется Европейской исследовательской комиссией.

Образец цитирования:

Ирдам Д., Азарова А., Шейринг Г., Кинг Л. Массовая приватизация и смертность в малых и средних индустриальных городах России и Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 119–126.

For citation:

Irdam D., Azarova A., Scheiring G., King L. Mass privatization and mortality in small and medium sized industrial towns in Russia and Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 119–126 (in Russ.).

Авторы:

Дарья Ирдам – доктор социологических наук; научный сотрудник факультета социологии.

Айтлина Азарова – доктор социологических наук; научный сотрудник факультета социологии.

Габор Шейринг – научный сотрудник факультета социологии.

Лоуренс Кинг – доктор социологических наук, профессор; профессор факультета социологии.

Authors:

Dar'ya Irdam, doctor of science (sociology); researcher at the faculty of sociology.

Aitlina Azarova, doctor of science (sociology); researcher at the faculty of sociology.

Gabor Scheiring, researcher at the faculty of sociology.

Lourens King, doctor of science (sociology), full professor; professor at the faculty of sociology.

di232@cam.ac.uk

MASS PRIVATIZATION AND MORTALITY IN SMALL AND MEDIUM SIZED INDUSTRIAL TOWNS IN RUSSIA AND BELARUS

D. IRDAM^a, A. AZAROVA^a, G. SCHEIRING^a, L. KING^a

^aUniversity of Cambridge, The Old Schools, Trinity Lane, Cambridge CB2 1TN, The United Kingdom

Corresponding author: di232@cam.ac.uk

Background. While right after the onset of economic and political reforms transforming central planning to free market economy Russia experienced an unprecedented rise in mortality primarily among the working-age male population, Belarus did not experience such a shock. What can the difference between the mortality rates in two post-Soviet Slavic states be attributed to? Previous studies have indicated a link between privatisation reforms and mortality mostly via unemployment. However, existing studies rely on conventional registry-based mortality data or cross-national data, which makes them unable to single out the effect of privatization on mortality.

Methods. The study uses a novel dataset acquired by the PrivMort project, containing data on settlement- and enterprise levels as well as individual-level data on the respondents and their alive and dead relatives. The study using propensity score matching compares mortality and its determinants across mono- and multi-industrial settlements with different pace and style of privatization in Russia, where rapid mass-privatization policies were introduced in the early 1990s, and Belarus, which liberalised its economy maintaining a strong state. We used Poisson regressions with offset variable (time of exposure) as a number of years a person lived in the exposure period (1992–1998).

Findings. Using an age-adjusted Poisson regression, we demonstrate that among men aged 20–65, the speed of privatization has the strongest effect on mortality in mono-industrial towns that have undergone rapid mass privatization. Since Belarus has not undergone mass privatisation, the effect is only observable in Russia. We also identify a strong protective effect of living close to the border with Poland among Belarusian men and a strong protective effect of academic higher education. Furthermore, we demonstrate that unemployment in the 1990s and marital status have a strong effect on mortality. Single men when compared to men in stable partnerships are significantly more likely to die.

Interpretation. The policies of rapid mass privatization had a negative effect on mortality among working-age men. Russia, which implemented mass-privatisation policies including quick sale of state assets, rapid price liberalisation and stabilisation, fared significantly worse in terms of mortality levels than Belarus, which employed a slow liberalization strategy. The presence of strong state can significantly cushion the effect of large-scale economic crises as it a) directly affects mortality rates by less reduction in public spending; and b) indirectly affect mortality due to a smaller fall in output, smaller unemployment and poverty rates as well as by less income inequality.

Key words: mortality; alcoholism; post-communist countries; privatisation; economic transitions; retrospective cohort study.

Acknowledgements. The PrivMort project was funded by the European Research Council.

Введение

В начале 1990-х гг. с развалом Советского Союза многие неолиберальные западные правительства получили доступ к новым рынкам. Аргументируя необходимость реформ, предусмотренных Вашингтонским соглашением, западные правительства стали агитировать постсоветские страны модернизировать экономику. Либерализация, приватизация и стабилизация были рекомендованы всем постсоветским странам как якобы универсальное средство перехода к рыночной экономике. Однако реализация рыночных реформ привела к колоссальным социоэкономическим последствиям. В то же время Беларусь проявила себя как осмотрительный реформатор, справившись с транзисиями относительно хорошо. В России быстрое осуществление приватизационной и либерализационной политики в условиях полного отсутствия формальных демократических институций, крайне необходимых для функционирования свободных рынков, привело к растущему экономическому неравенству,

полному провалу государственного предоставления услуг и социального страхования, безработице и нищете.

В некоторых научных трудах высказывается мысль о том, что политическую и экономическую нестабильность вызвала массовая приватизация. Именно она обусловила катастрофический уровень смертности, подскочивший главным образом среди мужского населения работоспособного возраста [1–4]. Есть основания утверждать, что приватизация способствовала смерти около 7 млн человек преждевременно. Несмотря на то что алкоголь считается самым вероятным индивидуальным фактором, ведущим к повышению уровня смертности, более общие детерминанты смертности остаются неизвестными. Экстенсивное кросс-национальное исследование идентифицировало связь между приватизационными стратегиями и смертностью [5]. Но так как большинство исследований используют данные о смертности, полученные из регистров

народонаселения, они не в состоянии идентифицировать эффект приватизации, оказываемой на здоровье и благополучие населения. В настоящей работе мы исследуем этот вопрос, используя данные, собранные научно-исследовательским проектом *PrivMort* [6; 7]. Нами сопоставлены сведения индивидуального уровня с информацией по предприятиям и населенным пунктам, в которых проживают респонденты, в целях детального анализа как общих (макро-), так и частных (микро-) причин смертности. Попытаемся продемонстрировать, как различные способы приватизации сказались на показателях смертности в России и Беларуси в периоды экономических реформ.

Политическая география бывшего СССР, по всей видимости, имеет выраженный градиент смертности. Моноиндустриальные населенные пункты – часто искусственно созданные «городские образования», сконцентрированные вокруг одного основного предприятия, – были повсеместно распространены в централизованно планируемых экономиках. Подобного рода населенные пункты тяжелее всего перенесли последствия экономических реформ.

Методы

Проект *PrivMort* представляет собой многоуровневое не прямое демографическое исследование приватизации и смертности в посткоммунистических странах. Главным научным руководителем проекта *PrivMort* является профессор социологии Кембриджского университета Лоуренс Кинг. В рамках проекта были проведены масштабные социологические опросы в Беларуси, России и Венгрии. Уникальность исследования заключается в особенной инновационной структуре когортного опроса, который основывается на не прямом методе Брасса, являющемся особенно объективным для изучения стран, не имеющих достоверных статистических данных переписи населения, в частности информации о смертности. Метод Брасса позволяет производить подсчет данного демографического показателя с помощью опроса респондентов об их родственниках их разных когорт.

База данных *PrivMort* сопоставляет населенные пункты, ключевые индустриальные предприятия которых подверглись массовой приватизации, с населенными пунктами, предприятия которых прошли через альтернативные схемы приватизации. Мультиуровневое ретроспективное когортное исследование *PrivMort* сочетает данные об индустриальных характеристиках, о типе приватизации, социально-экономических индексах городов, вредных привычках населения, показателях здравоохранения и смертности. Подобного рода амальгамация позволит проверить основную гипотезу проекта, предполагающую наличие безусловной

Во времена существования СССР градообразующие предприятия, главным образом в моногородах, несли ответственность за предоставление работникам социальных услуг, услуг в сфере здравоохранения, возможность отдать детей в детские сады, организацию профилактических и рекреативных мероприятий. Приватизированные предприятия частично или полностью сократили предоставление подобных услуг своим работникам, что, кроме непосредственного негативного влияния на здоровье, привело также к сокращению рынка труда. Города, которые подверглись массовой приватизации (т. е. те, где большая часть акций главного градообразующего предприятия была приватизирована в течение двух последующих лет), в отличие от городов с постепенной приватизацией, испытывали значительные трудности при адаптации к изменениям, внедренным рыночной экономикой. Таким образом, мы предполагаем, что приватизация нанесла сокрушительный удар по здоровью и качеству жизни людей в малых городах, где рынок труда небогат альтернативами трудоустройства.

прямой корреляции между массовой приватизацией и алкогольной смертностью населения, а также изучить переменные индивидуального уровня.

Опубликованные ранее исследования смертности в начале 1990-х гг. на постсоветском пространстве подчеркивают необходимость в новых научных проектах, анализирующих специфические причины роста смертности. Современные научные работы на данную тематику представляют собой в основном когортные исследования, дающие представление лишь о части причин высокой смертности. Они имеют ограниченный характер информации и не в состоянии аккумулировать глобальные сведения. Структурные данные, дающие возможность оценить ситуацию в разрезе, не способны контролировать фоновые переменные, которые как раз и являются ключевыми для объяснения показателя смертности подобного масштаба.

Модель выборки строилась на основе ключевых экономических и демографических данных о городах с населением от 10 до 50 тыс. чел., а также сведений о предприятиях. Мы классифицируем населенные пункты, в которых более 7,5 % жителей занято на главном градообразующем предприятии, в то время как второе по значимости индустриальное предприятие предоставляет работу не более чем 2,5 % от общего населения. В России 10 моноиндустриальных городов, предприятия которых подверглись массовой приватизации, были сопоставлены с 10 моноиндустриальными городами, предприятия которых прошли постепенную приватиза-

цию. В исследовании белорусских населенных пунктов моноиндустриальные города сравнивались с мультииндустриальными городами, выбранными на основе данных переписи населения, сведений об индустриальной структуре города, а также о предприватизационных условиях. В список белорусских городов, участвующих в проекте, вошли: Берёзовка, Буда-Кошелево, Каменец, Хойники, Костюковичи, Красносельский, Лепель, Ляховичи, Микашевичи, Мосты, Несвиж, Орша, Ошмяны, Полоцк, Щучин, Слоним, Солигорск, Светлогорск, Волковыск и Зельва. Среди российских были следующие: Жуковка, Карабаш, Кохма, Наволоки, Приволжск,

Южа, Неман, Киров-Чепецк, Кулебаки, Мценск, Отрадный, Ясногорск, Лакинск, Никольск, Семилуки, Сельцо, Стародуб, Бахчалы, Сим, Далматово, Белинский, Никольск, Плавск, Богучар, Данилов, Алексеевка, Светлый, Бутурлиновка, Муром, Печора.

Полевые работы и социологическое исследование в Беларуси были осуществлены Центром социологических и политических исследований при Государственном институте управления и социальных технологий Белорусского государственного университета. В России опрос проводился Всероссийским центром исследования общественного мнения.

Результаты

В табл. 1 представлена трехуровневая модель анализа данных по субъектам мужского пола из 40 городов: 20 моноиндустриальных российских городов и 20 белорусских. Результаты регрессии демонстрируют наличие значительной разницы между российскими моноиндустриальными городами, предприятия которых подверглись массовой шоковой приватизации, и городами, на предприятиях которых были применены альтернативные схемы приватизации. Значительной разницы в показателе смертности между российскими и белорусскими городами с медленным внедрением этой реформы не наблюдается.

Цены на алкоголь в регрессии используются только в качестве контрольной переменной. При контроле цены на алкоголь вероятность смертности в российских моноиндустриальных городах с массовой приватизацией выше, чем в российских моноиндустриальных городах, прошедших постепенную приватизацию, на 15 %.

После сравнительного исследования с использованием регрессии Пуассона перейдем к отдель-

ной модели анализа данных по Беларуси. Изучение показало, что самым важным предиктором смертности в Беларуси является близость проживания с польской границей (а именно в Гродненской и Брестской областях). Субъекты, проживающие в этих регионах, на 22 % менее подвержены смертности, чем субъекты из других мультииндустриальных городов. Наличие высшего образования оказывает значительный эффект на сокращение смертности: так, среди субъектов, имеющих высшее образование, вероятность смерти ниже на 28 % по сравнению с субъектами, имеющими среднее образование. Кроме того, семейное положение субъектов значительно сказывается на уровне смертности. Неженатые мужчины на 74 % более подвержены смерти, чем женатые. Еще один немаловажный фактор – потребление алкоголя. Распитие спиртного каждый день и несколько раз в месяц увеличивает вероятность смертности на 56 и 27 % соответственно. Безработица в 1990-е гг. также обусловила увеличение вероятности смертности на 34 %.

Таблица 1

Регрессия Пуассона с возрастной стандартизацией: риск смерти для мужских когорт в возрасте 20–65 лет в России и Беларуси в 1992–1998 гг.

Table 1

Poisson regression with age standardization: risk of death for male cohorts aged 20–65 in 1992–1998 in Russia and Belarus

Мужчины (N = 20,955, смерти = 2,082)						
	IRR	[95 % Conf. Interval]		IRR	[95 % Conf. Interval]	
<i>Скорость приватизации (референсная категория: моногорода с постепенной приватизацией, Россия)</i>						
Монобыстрые, Россия	0,14***	-0,01	0,30	0,15***	0,00	0,31
Мультипостепенные, Беларусь	-0,14	-0,32	0,03	-0,03	-0,31	0,26
Монопостепенные, Беларусь	-0,11	-0,28	0,05	0,00	-0,28	0,28
<i>Изменение цен на алкоголь в 1992–1998 гг., в дефлированных рублях</i>				0,01	-0,01	0,03
Постоянная	-6,28	-6,62	-5,94	-6,43	-6,89	-5,98

Примечание. Статистическая значимость на уровне $p < 0,05$ отмечена звездочкой.

Таблица 2

Регрессия Пуассона с возрастной стандартизацией: риск смерти для мужских когорт
в возрасте 20–65 лет в Беларуси в 1992–1998 гг.

Table 2

Poisson regression with age standardization: risk of death for male cohorts
aged 20–65 in 1992–1998 in Belarus

Мужчины (N = 8560, смерти = 804)													
	IRR	[95 % Conf. Interval]			IRR	[95 % Conf. Interval]		IRR	[95 % Conf. Interval]		IRR	[95 % Conf. Interval]	
Тип города (реф: мульти)	0,03	-0,16	0,22	0,10	-0,18	0,19	-0,03	-0,17	0,11	-0,01	-0,15	0,13	
Изменение цен на алкоголь в 1992–1998 гг., в дефлированных рублях				0,70	-2,34	0,41	-0,46	-1,74	0,82	-0,38	-1,67	0,91	
Изменение объема индустриального производства, %							-0,02	-0,22	0,17	-0,03	-0,23	0,16	
Регионы, граничащие с Польшей							-0,18***	-0,33	-0,02	-0,22***	-0,38	-0,06	
<i>Образование (реф: полное среднее)</i>													
Начальное										0,02	-0,16	0,20	
Заочное высшее										-0,09	-0,29	0,11	
Полное очное высшее										-0,28***	-0,63	0,07	
<i>Профессия (реф: неквалифицированные рабочие низшего звена)</i>													
Военные										-12,73	-8684,91	8659,44	
Управляющие										-0,05	-1,46	1,36	
Профессионалы высшего звена										0,11	-0,23	0,46	
Профессионалы низшего звена, рутинные работники не ручного труда										-0,07	-0,50	0,36	
Квалифицированные работники ручного труда										0,40	-0,26	1,07	
Безработный в 1990-е гг.										0,34***	0,16	0,52	
<i>Бедность (реф: никогда или редко)</i>													
Часто или иногда										0,12	-0,32	0,56	
<i>Семейное положение (реф: женат)</i>													
Не женат										0,74***	0,27	1,20	
Разведен										0,00	-0,29	0,28	
<i>Потребление алкоголя (реф: пару раз в год)</i>													
Почти каждый день или несколько раз в неделю										0,56***	0,24	0,89	
От 2–4 раз в месяц до 1 раза в месяц										0,27***	0,01	0,54	
Раньше пил, но бросил										-0,18	-0,60	0,24	
Никогда										0,25	-0,08	0,59	
Постоянная	-6,69	-7,27	-6,11	2,46	-8,14	1,51	-4,94	-9,42	-0,46	-5,52	-10,05	-0,99 ¹	

Примечание. Статистическая значимость на уровне $p < 0,01$ – $0,05$ отмечена звездочкой.

Обсуждение

Как показывают результаты нашего анализа, разница в уровне смертности наблюдается главным образом между российскими городами, предприятия которых прошли разные пути приватизации. Между городами России и Беларуси с постепенной приватизацией такой разницы не наблюдается. Это дает нам основание говорить о негативном влия-

нии шоковой массовой приватизации. Как уже отмечалось, такие выводы ранее сделать было невозможно ввиду отсутствия в предыдущих научных работах необходимых данных. Очевидно, быстрая приватизация в моноиндустриальных городах оказала такой разрушительный эффект прежде всего за счет значительного сокращения рабочих мест,

что обусловило повальную безработицу, низкие доходы населения, экономическое неравенство, нестабильность и финансовую безысходность. Стрессовые ситуации подобного рода, особенно в славянских культурах, часто сопровождаются повышением уровня потребления алкоголя [5; 8–12]. Кроме того, в связи с переходом государственных градообразующих предприятий в частную собственность значительно, если не полностью, сократилось предоставление этими предприятиями социальных услуг населению. Это тоже привело к существенному увеличению уровня смертности.

В ходе анализа было установлено, что близость проживания с польской границей (а именно в Гродненской и Брестской областях) оказывает сильный эффект на снижение уровня смертности среди мужчин. Мы предполагаем наличие здесь возможной связи с культурными особенностями данных регионов, где важную роль играет католицизм. Влияние католической религии, на наш взгляд, не только способствует снижению потребления алкоголя, но и более развитой культуре предпринимательства, что значительно стимулирует экономическую активность в регионе, которая сама по себе ведет к более высокому уровню качества жизни, сказывающемуся на сокращении смертности.

Довольно логична связь между частым и относительно частым потреблением алкоголя и повышенным уровнем смертности среди мужчин. Результаты нашего анализа данной взаимосвязи совпадают с результатами предыдущих исследований [10–13].

Рамки проекта

Несмотря на существенные преимущества базы данных проекта *PrivMort*, при рассмотрении результатов данной статьи следует все-таки отметить, что сведения по России были собраны исключительно на территории европейской части России. Это, безусловно, не дает оснований обобщать результаты исследования на население азиатской части страны, которое часто имеет свою

Выявлена значительная положительная корреляция между семейным положением и смертностью. Как показывает исследование, стабильный семейный союз, в особенности для мужчин, оказывает положительный эффект в плане сохранения здоровья за счет психологической поддержки, более здорового уровня жизни и экономической стабильности [14–20]. Даже при наличии вредных привычек у мужчин, семья оказывает берегающий эффект, что снижает смертность среди представителей сильной половины человечества [20–22].

Фактор наличия высшего образования, влияющего на снижение смертности, интересен прежде всего тем, что, кроме более высокой экономической стабильности, он часто сопровождается более низким потреблением алкоголя, более здоровым образом жизни и большим обращением за профилактической и превентивной медицинской помощью. Образование, как было показано в более ранних научных работах, обратно пропорционально потреблению алкоголя и более низким уровнем образования обусловлена низкими доходами [26; 27].

Наше исследование указывает на прямую связь между безработицей в 1990-е гг. и повышенным уровнем смертности. Кроме непосредственного влияния безработицы на снижение доходов населения, следует отметить также негативный эффект, оказываемый на здоровье населения отсутствием доступа к медицинскому обслуживанию и социальным услугам.

культурную и социально-экономическую специфику. На европейской территории проживает более 80 % населения России. Таким образом, данное ограничение ни в коем случае не является решающим и при правильном рассмотрении результатов не представляет никаких существенных проблем. Выборка по Беларуси полностью репрезентативна.

Заключение

В данной статье, используя результаты мультиуровневого когортного исследования по проекту *PrivMort*, мы показали, что историческая политическая организация индустриальных городов в СССР, основанная на создании искусственных поселений вокруг градообразующих предприятий, является крайне проблематичной в сочетании с массовой шоковой приватизацией, которой были подвержены страны постсоветского пространства. Нам удалось идентифицировать эффект приватизации и показать, что массовая приватизация, особенно в моноиндустриальных городах, оказалась разрушительной для жизни и здоровья населения. Это объясняется главным образом тем, что в таких го-

родах после приватизации практически полностью отсутствовала система здравоохранения и предоставления социальных услуг.

Таким образом, последствия социально-экономических изменений, обусловивших беспрецедентный скачок в уровне смертности, вполне можно было предотвратить. Государствам, проводящим социально-экономические реформы, особое внимание следует уделять сохранению системы социальных услуг. Также необходимо предоставлять населению пособия по безработице и социальную помощь. Данные рекомендации применимы и для уже полностью приватизированных экономик в периоды любой существенной неста-

бильности, например во время мировых финансовых и экономических кризисов. Государственная политика должна обеспечивать плавность переходных экономических периодов, т. е. тогда, когда свободные рынки не в состоянии позаботиться о людях.

Библиографические ссылки

1. Zaridze D., Maximovitch D., Lazarev A., et al. Alcohol poisoning is a main determinant of recent mortality trends in Russia: evidence from a detailed analysis of mortality statistics and autopsies // *Int. J. Epidemiol.* 2009. Vol. 38, issue 1. P. 143–153.
2. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee M. Alcohol and Russian mortality: a continuing crisis // *Addiction.* 2009. Vol. 104, issue 10. P. 1630–1636.
3. Murphy M., Bobak M., Nicholson A., et al. The widening gap in mortality by educational level in the Russian Federation, 1980–2001 // *Am. J. Public Health.* 2006. Vol. 96, issue 7. P. 1293–1299.
4. Bobak M., Marmot M. East-West mortality divide and its potential explanations: proposed research agenda // *Eur. J. Gen. Pract.* 1996. Vol. 2, issue 8. P. 8.
5. Stuckler D., King L., McKee M. Mass privatisation and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis // *The Lancet.* 2009. Vol. 373, issue 9. P. 399–407.
6. Irdam D., King L., Gugushvili A., et al. Mortality in transition: study protocol of the PrivMort project, a multilevel convenience cohort study // *BMC Public Health.* 2016. Vol. 16, issue 1. P. 1–8.
7. Ирдам Д., Кинг Л. Продолжительность жизни на постсоветском пространстве: не прямое демографическое исследование // *Социология.* 2015. № 4. С. 105–113.
8. Parfitt T. Putin urged to address Russia's curse // *The Lancet.* 2006. Vol. 367, issue 9506. P. 197–198.
9. Chen L. C., Wittgenstein F., Mckeon E. The upsurge of mortality in Russia: causes and policy implications // *Popul. Dev. Rev.* 1996. Vol. 22, issue 3. P. 517–530.
10. Anderson B. A., Silver B. D. Issues of data quality in assessing mortality trends and levels in the new independent states // *Premature death in the new independent states* / ed. by J. L. Bodadilla, C. A. Costello, F. Mitchell. Washington, 1997.
11. Okolski M. East-West mortality differentials. European population. London, 1993.
12. Bobak M. Determinants of adult mortality in Russia: estimates from sibling data // *Epidemiology.* 2003. Vol. 14, issue 5. P. 603–611.
13. Dutton J. J. Changes in Soviet mortality patterns, 1959–1977 // *Popul. Dev. Rev.* 1979. Vol. 5, issue 2. P. 267–291.
14. Gove W. R., Tudor J. Adult Sex Roles and Mental Illness // *Am. J. Sociol.* 1973. Vol. 78. P. 812–835.
15. Kisker Eliason E., Goldman N. Perils of single life and benefits of marriage // *Biodemography Soc. Biol.* 1987. Vol. 34, issue 3–4. P. 135–152.
16. Klinger-Vartabedian L., Wispe L. Age differences in marriage and female longevity // *J. Marriage Fam.* 1989. Vol. 51, issue 1. P. 195–202.
17. Kobrin F. E., Hendershot G. E. Do family ties reduce mortality? Evidence from the United States, 1966–1968 // *J. Marriage Fam.* 1977. Vol. 39. P. 737–745.
18. Mergenhausen P. M., Lee B. A., Gove W. R. Till death do us part: recent changes in the relationship between marital status and mortality // *Sociol. Soc. Res.* 1985. Vol. 70. P. 53–56.
19. Trovato F., Lauris G. Marital status and mortality in Canada: 1951–1981 // *J. Marriage Fam.* 1989. Vol. 51, issue 4. P. 907–922.
20. Zick C. D., Smith K. R. Patterns of economic change surrounding the death of a spouse // *J. Gerontology: Soc. Sci.* 1991. Vol. 46, issue 6. P. 310–320.
21. Kotler P., Wingard D. L. The effect of occupational, marital and parental roles on mortality: the Alameda County Study // *Am. J. Public Health.* 1989. Vol. 79, issue 5. P. 607–612.
22. Rosengren A., Welin L., Tsipogianni A., et al. Impact of cardiovascular risk factors on coronary heart disease and mortality among middle aged diabetic men: a general population study // *B. M. J.* 1989. Vol. 299, issue 6708. P. 1127–1131.
23. Заузраев Г. Г. Особенности российской молодежи потребления некоммерческого алкоголя // *Социол. исслед.* 2002. № 12. С. 33–41.
24. Malyutina S., Bobak M., Kurilovitch S., et al. Trends in alcohol intake by education and marital status in an urban population in Russia between the mid 1980s and the mid 1990s // *Alcohol and Alcoholism.* 2004. Vol. 39, issue 1. P. 64–69.
25. Pomerleau J., McKee M., Rose R., et al. Hazardous alcohol drinking in the former Soviet Union: a cross-sectional study of eight countries // *J. Pomerleau, et al.* // *Alcohol and Alcoholism.* 2008. Vol. 43, issue 3. P. 351–359.
26. Luoto R. Unemployment, sociodemographic background and consumption of alcohol before and during the economic recession of the 1990s in Finland // *Int. J. Epidemiol.* 1998. Vol. 27, issue 4. P. 623–629.
27. Marmot M. The status syndrome: How social standing affects our health and longevity. New York, 2004.

References

1. Zaridze D., Maximovitch D., Lazarev A., et al. Alcohol poisoning is a main determinant of recent mortality trends in Russia: evidence from a detailed analysis of mortality statistics and autopsies. *Int. J. Epidemiol.* 2009. Vol. 38, issue 1. P. 143–153.
2. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee M. Alcohol and Russian mortality: a continuing crisis. *Addiction.* 2009. Vol. 104, issue 10. P. 1630–1636.
3. Murphy M., Bobak M., Nicholson A., et al. The widening gap in mortality by educational level in the Russian Federation, 1980–2001. *Am. J. Public Health.* 2006. Vol. 96, issue 7. P. 1293–1299.
4. Bobak M., Marmot M. East-West mortality divide and its potential explanations: proposed research agenda. *Eur. J. Gen. Pract.* 1996. Vol. 2, issue 8. P. 8.

5. Stuckler D., King L., McKee M. Mass privatisation and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis. *The Lancet.*, 2009. Vol. 373, issue 9. P. 399–407.
6. Irdam D., King L., Gugushvili A., et al. Mortality in transition: study protocol of the PrivMort project, a multilevel convenience cohort study. *BMC Public Health.* 2016. Vol. 16, issue 1. P. 1–8.
7. Irdam D., King L. Life expectancy in post communist states: indirect demographic survey. *Sotsiologiya.* 2015. No. 4. P. 105–113 (in Russ.).
8. Parfitt T. Putin urged to address Russia's curse. *The Lancet.* 2006. Vol. 367, issue 9506. P. 197–198.
9. Chen L. C., Wittgenstein F., Mckee E. The upsurge of mortality in Russia: causes and policy implications. *Popul. Dev. Rev.* 1996. Vol. 22, issue 3. P. 517–530.
10. Anderson B. A., Silver B. D. Issues of data quality in assessing mortality trends and levels in the new independent states. *Premature death in the new independent states.* Washington, 1997.
11. Okolski M. East-West mortality differentials. European population. London, 1993.
12. Bobak M. Determinants of adult mortality in Russia: estimates from sibling data. *Epidemiology.* 2003. Vol. 14, issue 5. P. 603–611.
13. Dutton J. J. Changes in Soviet mortality patterns, 1959–1977. *Popul. Dev. Rev.* 1979. Vol. 5, issue 2. P. 267–291.
14. Gove W. R., Tudor J. Adult Sex Roles and Mental Illness. *Am. J. Sociol.* 1973. Vol. 78. P. 812–835.
15. Kisker Eliason E., Goldman N. Perils of single life and benefits of marriage. *Biodemography Soc. Biol.* 1987. Vol. 34, issue 3–4. P. 135–152.
16. Klinger-Vartabedian L., Wispe L. Age differences in marriage and female longevity. *J. Marriage Fam.* 1989. Vol. 51, issue 1. P. 195–202.
17. Kobrin F. E., Hendershot G. E. Do family ties reduce mortality? Evidence from the United States, 1966–1968. *J. Marriage Fam.* 1977. Vol. 39. P. 737–745.
18. Mergenhausen P. M., Lee B. A., Gove W. R. Till death do us part: recent changes in the relationship between marital status and mortality. *Sociol. Soc. Res.* 1985. Vol. 70. P. 53–56.
19. Trovato F., Lauris G. Marital status and mortality in Canada: 1951–1981. *J. Marriage Fam.* 1989. Vol. 51, issue 4. P. 907–922.
20. Zick C.D., Smith K. R. Patterns of economic change surrounding the death of a spouse. *J. Gerontology: Soc. Sci.* 1991. Vol. 46, issue 6. P. 310–320.
21. Kotler P., Wingard D. L. The effect of occupational, marital and parental roles on mortality: the Alameda County Study. *Am. J. Public Health.* 1989. Vol. 79, issue 5. P. 607–612.
22. Rosengren A., Welin L., Tsipogianni A., et al. Impact of cardiovascular risk factors on coronary heart disease and mortality among middle aged diabetic men: a general population study. *B. M. J.* 1989. Vol. 299, issue 6708. P. 1127–1131.
23. Zaigrayev G. Osobennosti rossiyskoi modeli potrebleniya nekommercheskogo alkogolya [Specifics of Russian non-commercial alcohol consumption model]. *Sotsiologicheskie issled.* 2002. Vol. 12. P. 33–41 (in Russ.).
24. Malyutina S., Bobak M., Kurilovitch S., et al. Trends in alcohol intake by education and marital status in an urban population in Russia between the mid 1980s and the mid 1990s. *Alcohol and Alcoholism.* 2003. Vol. 34, issue 1. P. 64–69.
25. Pomerleau J., McKee M., Rose R., et al. Hazardous alcohol drinking in the former Soviet Union: a cross-sectional study of eight countries. *Alcohol and Alcoholism.* 2008. Vol. 43, issue 3. P. 351–359.
26. Luoto R. Unemployment, sociodemographic background and consumption of alcohol before and during the economic recession of the 1990s in Finland. *Int. J. Epidemiol.* 1998. Vol. 27, issue 4. P. 623–629.
27. Marmot M. The status syndrome: How social standing affects our health and longevity. New York, 2004.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2017.
Received by editorial board 20.02.2017.

УДК 316.77+343.97

ТРОЛЛИНГ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

С. В. МАСЛЕНЧЕНКО¹⁾

¹⁾Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуются предпосылки появления и объективации индивидуального и группового троллинга. Устанавливаются психические, этические, социокультурные и политические особенности активности троллей, причинно-следственные связи между групповым троллингом и современными политическими технологиями воздействия на общественное мнение. Представлена система социальных ролей в рамках группового политического троллинга: тролли-модераторы, тролли-писатели (включая троллей-комментаторов, троллей – создателей фотоматериалов, троллей – создателей видеоматериалов). Описаны типовые стратегии активности групп троллей, пути противодействия троллингу.

Ключевые слова: тролль; троллинг; интернет; пропаганда; социальные сети; сетевое общение; теги.

TROLLING AS A SOCIAL-POLITICAL PHENOMENON

S. V. MASLENCHENKO^a

^aAcademy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, Masherova avenue, 6, 220005, Minsk, Republic of Belarus

The article investigates the background of appearance and objectification of individual and group trolling; are established mental, ethical, socio-cultural and political characteristics of the activity of «trolls», the causal linkages between group trolling and modern technology impact on public opinion. The author proposes a system of social roles in the group political trolling: trolls-moderators, trolls-writers (including trolls-commentators, trolls-creators of photographs, trolls- creators of video); describes the typical strategy of the activity of groups of trolls, trolling ways to counter.

Key words: troll; trolling; internet; propaganda; social network; network communication; tags.

Каждая историческая эпоха порождает «героев своего времени». Не исключение – информационное общество с такими репрезентативными социальными ролями, как хакер, IT-специалист, программист, блогер и др. С удвоенной скоростью в этот список стремится тролль – субъект с мифологическим именем, но с весьма своеобразным поведением, воплощающимся в провокациях, оскорблениях и издевательствах в процессе сетевого общения.

Такие характеристики троллинга не в полной мере раскрывают его природу. Сегодня он из психологического или лингвистического феномена пре-

вращается в силу, изменяющую отчасти внутреннюю культуру интернет-сообщества, делающую приемлемым подобного рода манеру сетевого общения, что вызывает новый виток дискуссий вокруг ставшего классическим вопроса о необходимости хотя бы минимального этического регулирования взаимодействия пользователей на общественных интернет-площадках.

В начале своей объективации троллинг представлял интерес преимущественно для журналистов и психологов. Возможно, потому, что провокации в дискуссиях – явление, сопровождающее

Образец цитирования:

Масленченко С. В. Троллинг как социально-политический феномен // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 127–132.

For citation:

Maslenchenko S. V. Trolling as a social-political phenomenon. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 127–132 (in Russ.).

Автор:

Сергей Валерьевич Масленченко – кандидат культурологии, доцент; начальник кафедры философии и идеологической работы.

Author:

Serge Maslenchenko, PhD (cultural studies), docent; head of the department of philosophy and ideological work. sergwalery@yahoo.com

европейскую культуру на протяжении тысяч лет. Достаточно вспомнить полемику Сократа и учеников, Цицерона и Марка Антония, Ф. Энгельса и Е. Дюринга, предвыборные журналистские батальоны или такую ставшую распространенной форму травли сотрудника в коллективе, как моббинг (обычно в целях его последующего увольнения).

По мере увеличения масштабов распространения и степени влияния троллинг заслужил статус серьезного объекта исследования для философов, социологов, политологов, специалистов по связям с общественностью и медиавоздействию.

В 1996 г. Дж. Донат впервые употребила термин «троллинг» в работе «Идентичность и вымысел в виртуальном сообществе» [1]. Однако попытки междисциплинарного решения поставленных исследовательских проблем были предприняты только в 2000-е гг. И. В. Ксенофонтова предлагает рассматривать троллинг не только как психологический, но и как социально-философский и общественно-экономический феномен [2]. Д. И. Семенов и Г. А. Шушаринова обозначают троллинг как особый вид коммуникативной деятельности. С. В. Масленченко связывает ценностные установки троллей или лиц, осуществляющих аналогичную активность, с происходящими в сетевом пространстве процессами формирования новых социальных ролей пользователей и хакеров [3].

В 2014–2016 гг. в массмедиа появляется серия статей о возможностях использования троллинга в качестве средства ведения информационной войны (О. Антоненко, И. Блау, Р. Внебрачных, В. Зыков, А. Каспи, А. Сантана, П. Чернышев и др.), что придало этому явлению статус социально-политического феномена и поставило перед научным сообществом задачу его междисциплинарного исследования.

Наиболее фундаментальные исследования социокультурного влияния троллинга на современное информационное общество представлены в работах У. Филипс: «Не кормить троллей? Не так-то это просто»¹ (англ. *Don't feed the trolls? It's not that simple*) и «Вот почему у нас нет приятных вещей: составление карты связей интернет-троллинга и господствующей культуры» (англ. *This is why we can't have nice things: mapping the relationship between online trolling and mainstream culture*). По ее мнению, тролли появились примерно в середине 1990-х гг., а в 2000-х гг. вокруг них сложилась определенная субкультура, пропиаренная массмедиа и ставшая «фабрикой интернет-мемов» (мем как единица культурной информации (идея, слово, фраза, образ действия, фото, видео и пр.), передаваемая через каналы коммуникации (например, «анонимус», «фотожаба», «демотиватор», «олбанский язык», «медвед» и др.)) для всего интернет-пространства [4].

По мере распространения в сетевой культуре созданных троллями интернет-мемов возрастал интерес интернет-аудитории к данной группе, а ее субкультурные новации со временем становились частью всей интернет-культуры.

Вместе с тем трудно не согласиться с утверждением У. Филипс о том, что в современной литературе доминирует толкование троллей как группы пользователей, провоцирующих споры, оскорбления и конфликты на форумах, в то время как исследователи не замечают разнообразия течений внутри самой группы и креативную деятельность части ее членов [4].

Именно признаки тролля, описанные О. ле Деффом и часто тиражируемые, представляют классический, не филипповский, подход к данному феномену: «...ищет “пищу” сразу на нескольких сайтах, делает орфографические ошибки, всегда ставит кучу смайлов, стремится стать модератором на форуме, сыплет оскорблениями, пытается шутить (причем практически постоянно, даже если у него это плохо получается), вызывает и искусственно подпитывает споры (даже если обсуждение остановилось, тролль вновь дает ему толчок с помощью нескольких “вбросов”)» [5].

Пространство активности троллей – социальные сети, блогосфера, форумы и иные площадки сетевого общения. Троллинг, как форма провокации с целью вызвать спор ради спора, эскалацию оскорблений, конфликт между участниками, стал активно распространяться с ростом популярности социальных сетей.

Однако внутригрупповые изменения в социальной активности и структуре троллей последних лет говорят о более сложном и многогранном характере данного явления. Следовательно, разграничивать простых пользователей и троллей по одному признаку (провокация конфликтов и споров) в условиях, когда нормы и модели поведения троллеров становятся массовыми в интернет-сообществе, не совсем верно. Кроме того, мотивы троллей настолько разнообразны, что с трудом укладываются в диапазоне от личной неприязни и нарциссизма до политической пропаганды и контрпропаганды.

В условиях возрастающего с 2014 г. информационного противостояния между Западом и Россией особый интерес представляют организованные группы троллей, практикующие не только ставшее традиционным межличностное и межгрупповое конфликтное взаимодействие, но и технологии политической индоктринации и конфронтации. Подобного рода сетевое социальное образование получило название «фабрика троллей». Это группы троллей, занимающихся «производством» комментариев на интернет-форумах в целях распространения определенных идей среди массового поль-

¹Здесь и далее перевод наш. – С. М.

зователя, применяя при этом троллинг как одну из основных технологий воздействия.

Внутри «фабрики троллей» социальные роли распределяются, как правило, следующим образом:

- **троль-модератор** – лицо, осуществляющее контроль за идейным содержанием и направленностью комментариев, размещаемых троллями. Он формулирует троллям задание, которое включает в себя тему, ключевые слова, цель троллинга и пространство реализации (список форумов и т. п.), взаимодействует с заказчиком или спонсором (при их наличии);

- **тролли-исполнители**, делящиеся, в свою очередь, на следующие категории:

- **тролли-писатели** – лица, размещающие текстовые сообщения на площадках обсуждений. Среди них также может быть специализация по виду площадок обсуждений: «тролли отдела социальных сетей, форумов, отдела новостей» (при необходимости вводится специализация этой подгруппы по конкретным социальным сетям: а) тролли, действующие в «Твиттере», б) тролли, работающие в *Facebook* и т. д.). При реализации стратегий политической пропаганды и контрпропаганды, ориентированной на зарубежную аудиторию, к «троллям-писателям» могут предъявляться требования по знанию того или иного иностранного языка. Соответственно, для них меняется и интернет-область деятельности – это иноязычные веб-страницы;

- **тролли, изготавливающие и размещающие фотоматериалы** (картинки, слайды, презентации, демотиваторы и т. д.),

- **тролли, изготавливающие и размещающие видеопroduкцию.**

Типовая стратегия «фабрики троллей» включает в себя следующие шаги:

1. Определение группы манипулируемых блогеров или иных лиц, осуществляющих сетевое общение с целью вызвать у них внутреннее желание троллить либо целенаправленное создание «фабрики троллей» – группы лиц, осуществляющих троллинг за идею или вознаграждение:

- 1.1. при отборе соискатель получает испытательное задание и срок. Как правило, проверяются его творческие, публицистские и коммуникативные способности;

- 1.2. проведение идеологической экспертизы по установлению идейных ориентиров, особенностей мировоззрения и социально-политических взглядов соискателя.

2. Создание фальшивых аккаунтов в крупных социальных сетях. Выбор сети зависит от предполагаемой целевой аудитории.

3. Размещение постов, содержащих спектр идей: поддержка, высмеивание, фейм, эскалация конфликта, оскорбление, разжигание вражды и розни. Для троллей, работающих за вознаграждение, ор-

ганизуется работа по 12-часовым сменам (дневная и ночная), устанавливается «производственная норма» (например, размер минимального комментария в несколько сотен знаков или количества комментариев на форумах) и зависящая от «выработки» шкала оплаты.

4. Модерирование размещаемой троллями информации на предмет идейной направленности.

5. Дальнейшая тактика действий:

- 5.1. тролли-писатели, как правило, работают с разных аккаунтов, группами, в которых можно выделить «троль(и) – за» и «троль(и) – против», при этом последние должны действовать разнопланово для повышения степени аргументированности своих постов: размещать ссылки на свою «правоту», картинки, видео и т. д.;

- 5.2. текст сообщений в обязательном порядке должен содержать определяемые модератором теги – ключевые слова для поисковых систем. Формулировка тегов и их выбор согласуется с содержанием и рейтингами пользовательских запросов, которые генерируются поисковиками, такими как *Google*, *Yahoo*, Яндекс, Рамблер и др.

Пример реализуемого задания.

...Основная идея: формируем негативное отношение к Барак Обама; президент США систематически нарушает правила этикета во время официальных визитов.

Ключевые слова: США, новости США, политика США, Барак Обама, Россия, Индия.

Начинается история опять в ЖЖ, но аккаунт тролля иной:

На форуме в Астрахани является «злодей»: «А если он [Барак Обама] чихнет, вы тоже будете это обсуждать? Что за бред, ну жевал человек жвачку, забылся немного, с каждым же бывает, мне кажется, что, несмотря на это, президент США все равно добьется своего, не думаю, что какая-то проклятая жвачка поспособствует тому, чтобы Штаты не сблизались с Индией!»

«Троль с картинкой» (карикатура на Обаму) завершает дискуссию: «Ой, да кто только Обаму не критикует! Помню новости США про его визит во Францию. Тогда его раскритиковали французские пользователи социальных сетей. Люди были возмущены манерами лидера США, который смаковал жевательную резинку во время официальных мероприятий».

И снова на 35 форумах – от Бийска до Читы – тройка с улицы Савушкина обсуждает жвачку, споря между собой. Других комментариев нет, но тема подлетает в топ Яндекса [6].

6. Объект воздействия – обычные интернет-пользователи, которые посещают площадки сетевого обсуждения. При «вторжении» на новую площадку обсуждения, как правило, в полемику тролли вступают с наиболее активной частью пользователей, которые, в свою очередь, готовы высказать свои взгляды и разместить их на форуме. Парадокс

ситуации заключается в том, что переубедить «местных» активистов достаточно тяжело. Проведенный в 2012 г. опрос 1183 американцев установил, что троллинг обладает интересной спецификой: «оскорбительные комментарии способствуют убеждению пользователей в прежних взглядах» [7], что ведет к еще большей поляризации мнений на площадках обсуждений. Поэтому в отношении активных пользователей тролли используют, как правило, классические приемы: фейм, конфликт, вал оскорблений.

На «захватываемых территориях» троллинг выступает не как средство убеждения или форма провокации, а как ресурс привлечения сторонних пользователей («читателей») и, по возможности, создания информационного резонанса. Действуя «стаей», альтернативные комментарии активных пользователей путем лайков и голосований понижаются в рейтинге выдачи, а свои – повышаются. В результате участники обсуждения видят на своем экране только посты троллей. Со временем такая практика ведет к уходу части активных пользователей с форума и лишает его сторонников объективного взгляда на обсуждаемые темы.

Пропагандистский потенциал троллинга не остался незамеченным со стороны военных ведомств и политических активистов. В 2012 г. в США была предложена программа *Viral Peace* («Вирусный мир») по противодействию терроризму с помощью троллинга [8]. Ее цель – достижение информационного доминирования в тех сегментах интернета (социальные сети, блоги, форумы типа *Achan*, *Shumukh*, *Muslim.net* и пр.), в которых ведется активная пропаганда идей экстремизма, терроризма и фундаментализма.

Кроме того, в целях информационного противодействия пропаганде контрагентов в социальных сетях и в интернете в целом начали создаваться группы контрпропаганды из политических активистов. Это явление особенно распространилось в прибалтийских государствах. Представители одного из таких образований решили именоваться «эльфами» [9]. Вдохновителем этой группы стал литовский бизнес-консультант и блогер Р. Савукинас, призвавший соотечественников противостоять, как ему казалось, разжиганию ненависти и пророссийской пропаганде. Целью «эльфов» стало выслеживание пророссийских групп в *Facebook*, разоблачение поддельных аккаунтов, отправка запросов на удаление. В перспективе планируется подвергнуть «идейному патрулированию» новостные интернет-ресурсы и телевизионные каналы.

Примером реализации «контрпропагандистской цензуры» может служить крупнейший новостной агрегатор *Delfi*, в штате которого уже есть сотрудники, удаляющие крайне экстремистские, в их интерпретации, сообщения. Кроме того, Литва практикует трехмесячные запреты на вещание иностранных каналов, занимающихся, по мнению официальных

властей, «подстрекательством к войне, раздору и ненависти» [9].

Происходящие процессы демонстрируют неготовность – как психологическую, так и контрпропагандистскую – рядовых пользователей противостоять троллингу. Во-первых, тролли получают психическое удовлетворение от своей «работы», что подтверждается данными исследования Манитобского университета в 2014 г., установившего связь между частотой онлайн-комментариев и степенью получаемого от троллинга удовольствия [10].

Во-вторых, анализ комментариев 1215 чел., проведенный специалистами этого же учреждения, позволил установить причинно-следственные связи между троллингом, садизмом, психопатией и макиавеллизмом (склонность индивидуума обманывать других людей и манипулировать ими в личных целях) [10].

В-третьих, существенным обстоятельством, позволяющим троллям почувствовать безнаказанность, выступает анонимность в интернете. Согласно данным *Pew*, около 25 % пользователей комментируют анонимно, а в менее возрастных группах доля таких комментаторов существенно возрастает (например, в группе от 18 до 29 лет – до 40 %) [11]. Сравнительный анализ 900 случайно выбранных комментариев, проведенный профессором А. Сантана (Хьюстонский университет), показал, что троллинг в постах допускали 53 % анонимных пользователей и только 29 % зарегистрированных [11]. С одной стороны, анонимность обеспечивает свободу самовыражения, свободу слова в интернете, с другой – увеличивает риски нарушения прав и свобод пользователей, подвергает сомнению феномен легитимности вообще, не говоря уже о легитимности какого-то права и/или государства, эффективность светской и религиозной морали как этических регуляторов.

Можно предложить следующие пути нейтрализации троллинга.

1. «Не кормить» троллей – первое и самое известное правило противодействия троллингу. Если позволяют возможности форума, необходимо удалить комментарии тролля или обратиться к поставщику интернет-услуг (или владельцу интернет-ресурса) с просьбой о блокировке данного пользователя. Учитывая возросший резонанс о деструктивной деятельности троллей, ответственные лица охотно содействуют заявителю.

2. Использовать тактику молчания. По утверждению У. Филипс, тролль без аудитории погибает [12].

3. Расширить практику обнародования личностей, виновных в троллинге, тем самым частично решив проблему анонимности в сети.

4. Учитывать пользователей верифицировать информацию, подвергать все, получаемое из информационного пространства, критическому осмыслению. Помимо этических проблем, порождаемых

троллингом, появляется общая для всего интернета гносеологическая проблема истинности получаемой информации. Сегодня пользователь имеет доступ к альтернативным источникам информации, каждый из которых сам, только с ему присущими целями и контекстом, производит «продукт». Как правило, интернет-обыватель либо не имеет возможности, либо не удосуживается соотносить получаемую информацию с реальностью, в результате чего мозаично и через посредника – производителя информации воспринимает действительность. По сути, можно говорить о конструируемой производителем информации реальности интернет-пользователя теории (в рамках конструируемой информационной реальности). При этом конструирование подразумевает не только производство информации, но и ее распространение и внедрение в сознание аудитории. А сама ситуация применима как к классическим источникам информации (газеты, книги, радио, телевидение), так и к современным (интернет-СМИ, социальные сети, блоги и т. п.). Даже собственный жизненный опыт пользователя преломляется через индивидуальные психофизиологические особенности, полученные знания и впечатления, которые искажают объективность восприятия и интерпретации действительности. В прошлом было популярно формировать в индивидуальном виде политическую, правовую, финансовую и иные виды культуры. Наступает время, когда в современном человеке необходимо развивать информационную культуру.

5. Вовлекать репрезентативные фигуры, имеющие большую аудиторию интернет-поклонников, в антитроллинговые компании.

6. Разрабатывать и реализовывать скоординированные программы противодействия троллингу, т. е. осуществлять:

- антитроллинг (например, провоцировать тролля на продолжение полемики и вмешиваться лишь для того, чтобы сбить его с толку, привести в замешательство и подтолкнуть к скандальным заявлениям) [12];

- подготовку «антироллей» и руководителей «антитроллинг-операций» как средства нейтрализации троллинга;

- при наличии правовой и программно-технической возможности проводить (воплощаемые уже рядом государств) DOS-атаки на форумы в целях защиты прав и свобод граждан, национальных интересов страны.

7. Практиковать запрет на интернет-обсуждение или отсутствие форумов на определенных информационных ресурсах. В некоторых случаях это позволяет донести до массового пользователя неискаженную информацию. Так, еще в 2013 г. журнал *Popular Science* заблокировал возможность комментировать размещаемые на его сайте научные статьи по причине того, что высказывания (особенно анонимные) подрывают научную достоверность, объективируют агрессию и травлю, что делает невозможным полноценное научное обсуждение [11].

Таким образом, троллинг перестал быть сугубо филологическим, этическим и психологическим объектом исследования. Это явление давно вышло за границы внутренних структур сетевой реальности, проникнув не только в общую интернет-культуру, но и в *offline*-среду, предоставив традиционным структурным элементам общества новые технологии воздействия на массовое сознание, а ученым – новую область для изучения. В связи с этим перспективными направлениями исследования становятся вопросы:

1) границ применимости к рассматриваемому объекту методов сравнительного и структурно-функционального анализа, контент-анализа и социологического наблюдения, что на первоначальном этапе позволило определить систему и иерархию моделей социальных ролей в групповой троллинг-активности, установить имеющиеся закономерности в социальной объективации данного феномена, а на последующем этапе должно помочь в определении эффективных форм информационного противодействия троллингу;

2) определения субъектов, объектов и технологий использования троллинга как средства манипулирования массовым сознанием и формирования общественного мнения в условиях ведения информационных войн.

Библиографические ссылки

1. Judith S. Donath identity and deception in the virtual community // *Communities in cyberspace* / P. Kollock, M. Smith (eds). London, 1996. P. 1–20.
2. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М., 2009. С. 285–294.
3. Масленченко С. В. Социальная структура сетевого пространства. Минск, 2011.
4. Phillips W. A brief history of trolls [Electronic resource] // *The Daily Dot*. 20 May, 2013. URL: www.dailydot.com/opinion/phillips-brief-history-of-trolls/ (date of access: 24.05.2013).
5. Le Deuff O. La victoire des trolls: comment Internet a été abandonné aux tyrans et aux mauvais esprits [Electronic resource] // *Atlantico.fr*. URL: www.atlantico.fr/decryptage/victoire-trolls-comment-internet-ete-abandonne-aux-tyrans-et-aux-mauvais-esprits-olivier-deuff-862759.html (date of access: 07.10.2013).

6. Волчек Д. Безумие кремлевских троллей [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26913247.html> (дата обращения: 21.03.2015).
7. Mooney C. The Science of Why Comment Trolls Suck [Electronic resource] // Mother Jones. URL: <http://www.motherjones.com/environment/2013/01/you-idiot-course-trolls-comments-make-you-believe-science-less> (date of access: 10.01.2013).
8. Ackerman S. Newest U.S. Counterterrorism Strategy: Trolling [Electronic resource] // Wired. URL: <https://www.wired.com/2012/07/counterterrorism-trolls/all/> (date of access: 18.07.2012).
9. Dapkus L. Lithuanian «elves» combat Russian influence online [Electronic resource] // Washingtonpost. URL: <http://bigstory.ap.org/article/27ce7f001bde4ccb9415ce4a0de74af1/lithuanian-elves-combat-russian-influence-online> (date of access: 28.12.2016).
10. Blaszczak-Boxe A. Sadist Behind the Screen: The «Internet Troll» Personality [Electronic resource] // Live Science Contributor. URL: <http://www.livescience.com/48128-internet-trolls-sadistic-personalities.html> (date of access: 03.10.2014).
11. Konnikova M. The Psychology of Online Comments [Electronic resource] // The New Yorker. URL: <http://www.newyorker.com/online/blogs/elements/2013/10/the-psychology-of-online-comments.html> (date of access: 24.10.2013).
12. Phillips W. Don't feed the trolls? It's not that simple [Electronic resource] // The Daily Dot. URL: <http://www.dailydot.com/opinion/phillips-dont-feed-trolls-antisocial-web/> (date of access: 13.06.2013).

References

1. Judith S. Donath identity and deception in the virtual community. *Communities in cyberspace*. London, 1996. P. 1–20.
2. Ksenofontova I. V. Spetsifika kommunikatsii v usloviyakh anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling. *Internet i fol'klor* : sb. st. Moscow, 2009. P. 285–294 (in Russ.).
3. Maslachenko S. V. Sotsial'naya struktura setevogo prostranstva. Minsk, 2011 (in Russ.).
4. Phillips W. A brief history of trolls. *The Daily Dot*. 20 May, 2013. URL: www.dailydot.com/opinion/phillips-brief-history-of-trolls/ (date of access: 24.05.2013).
5. Le Deuff O. La victoire des trolls: comment Internet a été abandonné aux tyrans et aux mauvais esprits. *Atlantico.fr*. URL: www.atlantico.fr/decryptage/victoire-trolls-comment-internet-ete-abandonne-aux-tyrans-et-aux-mauvais-esprits-olivier-deuff-862759.html (date of access: 07.10.2013).
6. Volchek D. A former employee of «Ministry of Truth» tells about the work of paid commentators on the Internet. URL: www.svoboda.org/content/article/26913247.html (date of access: 21.03.2015) (in Russ.).
7. Mooney C. The Science of Why Comment Trolls Suck. *Mother Jones*. URL: <http://www.motherjones.com/environment/2013/01/you-idiot-course-trolls-comments-make-you-believe-science-less> (date of access: 10.01.2013).
8. Ackerman S. Newest U.S. Counterterrorism Strategy: Trolling. *Wired*. URL: <https://www.wired.com/2012/07/counterterrorism-trolls/all/> (date of access: 18.07.2012).
9. Dapkus L. Lithuanian «elves» combat Russian influence online. *Washingtonpost*. URL: <http://bigstory.ap.org/article/27ce7f001bde4ccb9415ce4a0de74af1/lithuanian-elves-combat-russian-influence-online> (date of access: 28.12.2016).
10. Blaszczak-Boxe A. Sadist Behind the Screen: The «Internet Troll» Personality. *Live Science Contributor*. URL: <http://www.livescience.com/48128-internet-trolls-sadistic-personalities.html> (date of access: 03.10.2014).
11. Konnikova M. The Psychology of Online Comments. *The New Yorker*. URL: <http://www.newyorker.com/online/blogs/elements/2013/10/the-psychology-of-online-comments.html> (date of access: 24.10.2013).
12. Phillips W. Don't feed the trolls? It's not that simple. *The Daily Dot*. URL: <http://www.dailydot.com/opinion/phillips-dont-feed-trolls-antisocial-web/> (date of access: 13.06.2013).

Статья поступила в редколлегию 12.01.2017.
Received by editorial board 12.01.2017.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ЖИЗНЕННЫЙ МИР РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНИНА. ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ
(рецензия на коллективную монографию под редакцией Ж. Т. Тощенко
«Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)»)

THE LIFE-WORLD OF THE RUSSIAN PEASANT. A VIEW FROM BELARUS
(review of the collective monograph edited by Zh. T. Toshchenko «Meanings
of rural life (experience of sociological analysis)»)

Изучение крестьянства как социальной группы имеет давнюю и богатую историю. Сегодня эта тема вызывает особый интерес социологов, поскольку поставлена под вопрос судьба деревни в классическом ее представлении. Агрессивные процессы урбанизации, технологизации сельскохозяйственного производства и вестернизации образа жизни селян, обитающих на про-

сторках постсоветского пространства, привели к разительным переменам в жизни и трудовой деятельности современного крестьянства. Жизнь и труд в сельской местности, особенно в системе агропромышленного комплекса (АПК), стали приобретать все более индустриальный характер, а крестьяне – превращаться в рабочих сельского хозяйства. Более того, остро встали вопросы: а сохранился ли на селе крестьянин в классическом понимании этого слова и как проводить социально-экономическую политику в стране, чтобы крестьянство продолжало развиваться и выполнять свои социальные функции в целостной системе общественного устройства?

В последнее десятилетие внимание социологов привлекали проблемы человеческого потенциала современного села. Последствия социально-экономической ситуации 1990-х гг., развал Советского

Союза, переход к рынку, торжество капиталистических отношений, безработица, бедность, потеря точек опоры для социальной самоидентификации и понижение социального статуса основной массы населения, живущего трудом и заботами о хлебе насущном, – все это привело к резкому снижению человеческого потенциала в странах постсоветского пространства и сельских поселениях в частности. Повысился уровень смертности, снизилась рождаемость, ухудшилось здоровье и социальное самочувствие селян, упал уровень образования в учебных заведениях, что поставило сельских жителей на край нормального существования.

Ученые, социологи и некоторые политики стали бить тревогу по этому поводу, но власти каждой из стран бывшего Советского Союза решали данную проблему по-разному: где-то срочно стали проводить реформы, пусть и не всегда заканчивающиеся успехом, где-то оставили ситуацию на милость стихии рынка, где-то ответственные решения отложили до лучших времен. Но как бы то ни было, все эти суверенные государства в своих социально-экономических и политических решениях оглядываются на Россию, согласовывают перспективы своего развития с великой страной. И в этом смысле важно сравнить, как живут селяне и что для них делается в каждой из этих стран, какой опыт можно приобрести и что необходимо незамедлительно исправить. А так как в целом ситуация в агросфере стран постсоветского пространства в последние два-три года стала меняться в позитивном направлении (в России – в связи с санкционными процессами, в Беларуси – ввиду усиленного контроля

и государственного протекционизма), внимание социологов привлекли вопросы уже не только выживаемости деревни, но и судьбы крестьянства как социальной группы, вопросы мотивов, ценностей и мировоззрения селянина (будь то рабочий или крестьянин), жизненного мира людей, связавших свою жизнь с природой, тяжелым трудом и незатейливым представлением о счастье.

Поэтому сегодня так востребованы научные работы в сфере социологии села, а каждая новая книга на данную тему становится значимым событием, открывающим читателям возможность понять далекий от нас и в то же время близкий и родной мир деревенской жизни, состояние и специфику жизни селян как социальной общности, их поведение в условиях близости к природной среде, характер и содержание трудовой деятельности, организацию быта. Несмотря на обилие социологической информации о жизни и поведении сельского жителя, он до сих пор во многом остается «таинственным незнакомцем», поражающим воображение своим трудолюбием, непритязательностью, терпением, выносливостью и тем, что называется выживаемостью в любых условиях социальных катаклизмов и переустройств. Ведь, несмотря на некоторые успехи в сельском хозяйстве, помощь и поддержку государства, селяне остаются наиболее уязвимой и зависимой социальной группой, обладающей самыми низкими доходами, довольствующейся более чем скромными потребностями и условиями жизни. И тем не менее сельские жители жизнелюбивы и оптимистичны, доверяют властям и в основном поддерживают государственную политику, занимают позицию, направленную на сохранение порядка и стабильности в стране.

В этом контексте особую значимость представляет изучение мотивации жизни и труда на селе, выявление тех смысловых установок, которые определяют жизненные стратегии и мировосприятие сельских жителей. В этих целях есть смысл проанализировать данные о жизни и труде сельских жителей России и Беларуси на основе сравнения результатов социологических исследований, опубликованных в коллективных монографиях белорусских и российских коллег [1; 2].

Недавно вышедшая коллективная монография под редакцией Ж. Т. Тощенко «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)» (М., 2016) – первая книга на постсоветском пространстве, в которой авторы за внешними поведенческими стратегиями сельских жителей попытались увидеть и показать читателям внутренние смыслы и мотивы жизни и труда человека на земле, проникнуть в святая святых индивида – его жизненный мир. Особенность этой книги заключается в том, что в ней на богатейшем многолетнем эмпирическом материале представлена не только широкая панорама жизни и деятельности сельского сообще-

ства и личности, включая оценки, ценности и мировоззрение конкретного человека, его жизненные стратегии и реальное поведение, но и оригинальная концептуальная схема, позволяющая за, казалось бы, случайными проявлениями человеческой деятельности и мышления увидеть жизненные смыслы, мотивирующие индивида на принятие важнейших решений и сознательное переустройство собственной биографии.

Теоретико-методологической основой монографического исследования выступила концепция социологии жизни, основным понятием которой является жизненный мир людей. Структурными компонентами последнего выступают общественное (групповое) сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (макро-, мезо- и микромир). Концептуальная схема данного подхода, разработанная видным российским социологом Ж. Т. Тощенко, позволила раскрыть в книге все разнообразие смыслов жизненного мира селян, как общественной, так и личной их жизни, начиная от экономики и заканчивая культурой и бытом. Ж. Т. Тощенко подчеркивает, что при всем своем многообразии жизненный мир имеет объединяющую структуру, в основе которой лежат смыслы жизни, выражающие специфическое видение этого мира, главные (основные, определяющие) его ценности. Под смыслами жизни автор понимает «совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стержень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни. В известной мере это основная цель, которая может выступать как общественная стратегическая установка всей жизни, так и ведущая установка в основных видах деятельности» [1, с. 19]. При этом выделение главных институциональных позиций человека – как гражданина (уровень общества), как жителя (уровень территориальной общности), как работника (уровень вовлеченности в производственный, трудовой процесс) и как индивида (уровень социального микроокружения) – позволило операционализировать понятие жизненного мира и его смыслового наполнения. В качестве таких показателей жизненных смыслов выступили, согласно авторской концепции, цели-принципы, которыми руководствуются люди; осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов; процесс созидания, направляемый смысловыми кодами, и превращение их во внутреннюю активность, жизненную потребность в самореализации.

Последующая логика монографии посвящена обоснованию данной концепции, что позволило коллективу авторов не только представить читателю широкомасштабное полотно сельской жизни, но и показать социодинамику жизненного мира российских селян как социальной группы за

продолжительный исторический период. В монографии отмечаются существенные и во многом негативные изменения, которые претерпела российская деревня в процессе перехода от советской системы хозяйствования к современной. Во-первых, отмечается в книге, в структуре ценностей селянина исчезло общественно значимое начало жизнедеятельности. Во-вторых, деформировались ценности создания материального и социального благополучия, а также разные формы безвозмездной или льготной помощи, осуществляемой ранее колхозами и совхозами в отношении всех сельских жителей [1, с. 20]. В-третьих, усилилась роль собственного опыта и полученной в СМИ информации в принятии решений. Вместе с тем появилось чувство обреченности и отсутствия перспектив на лучшее будущее. Кроме того, за прошедшую четверть века произошла диверсификация трудовых практик в сельской местности и труд на земле уже перестал быть единственным источником заработной платы для сельчан, что, по мнению одного из авторов монографии, разрушает монолитный образ деревни, в ней «проявляется мотив разобщенности, замкнутости, отдельности собственного существования» [1, с. 44]. Делается вывод о том, что в крестьянских мирах наблюдается тоска не только по социалистическому, но и по общинному устройству российской деревни, в которой приобщенность к общему делу наполняла благородным смыслом трудовую деятельность [1, с. 47].

Все эти мыслительно-поведенческие трансформации обусловили обострение чувства социальной справедливости, ставшего, по мнению Ж. Т. Тощенко, основным базовым смыслом, определяющим жизненный мир сельского жителя, всю совокупность основных видов его деятельности [1, с. 22]. Диссонанс между представлениями о социальной справедливости и реальным ее воплощением в повседневной жизни Ж. Т. Тощенко иллюстрирует данными социологических опросов: в 2014 г. 68,4 % сельских жителей России, связывая социальную справедливость с соблюдением государством справедливого отношения к ним, равных прав для всех и гарантий социального благополучия, на деле столкнулись с абсолютно несоответствующим их ожиданиям уровнем заработной платы, обеспеченностью работой, социальными условиями и др. Соглашаясь в целом с авторской трактовкой стремления к социальной справедливости как основного жизненного смысла российского крестьянства, необходимо отметить, что в современном сельском сообществе, как и в обществе в целом, представление о социальной справедливости потеряло свою однозначность. В современной деревне совершенно определенно проявились различия в смысловых кодах данного понятия, обусловленные социальной дифференциацией населения. Как показали данные республиканских социологических опросов сельского на-

селения Беларуси, проведенных в 2015 г., понятие «социальная справедливость» имеет разные коннотации среди богатых селян, фермеров и предпринимателей и бедных, малообеспеченных, слабых хозяев.

Авторы считают, что сегодня в российской деревне происходит интенсивный процесс раскрестьянивания, аргументируя это тем, что 27,7 % сельских жителей не имеют личного хозяйства, а 61 % не хотят увеличивать свой земельный надел. По мнению авторов, неконтролируемый рост латифундий и агрохолдингов стал своеобразным заслоном на пути развития фермерства, сельскохозяйственной кооперации и формирования рациональной социальной структуры сельского населения. Отметим, что в Беларуси, в отличие от российской деревни, сохранились крупные хозяйства типа колхозов или совхозов – так называемые сельскохозяйственные предприятия или организации. В сфере материального сельхозпроизводства на данных предприятиях работают в основном рабочие сельскохозяйственного производства. По способам деятельности в сфере труда и распределения и, по отношению к приобретению земельных угодий, ведению собственного приусадебного хозяйства, соблюдению технологических и организационно-управленческих требований, дисциплины труда, по способам самоидентификации рабочие сельского хозяйства действительно отличаются от крестьян. Согласно данным социологических исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси, не только фермеры, но и крестьянские хозяйства, агроусадыбы, крупные подсобные хозяйства, производящие продукцию на продажу, представляют современный социальный тип хозяйственной деятельности в сельской местности – крестьянство [2, с. 233–245]. И это выражается не в случайных подработках, а в способе жизни, деятельности и мировосприятия двух разных социальных групп – сельскохозяйственных рабочих и крестьян, имеющих свои ценности, нормы и смыслы. В то же время в Беларуси создание и деятельность агрохолдингов контролируется государством, и хотя определенные трудности с организацией фермерских хозяйств есть, говорить о том, что именно агрохолдинги перекрывают пути развития фермерства, не приходится. Одновременно на этом фоне расширяется сеть крестьянских хозяйств, производящих товарную продукцию силами семьи или с помощью нескольких наемных работников. В связи с более-менее четким разделением двух социальных групп (сельскохозяйственные рабочие и крестьяне) по типам социальных взаимодействий в сфере труда, а также способам самоидентификации мы не склонны трактовать факт малочисленности такой социальной группы, как крестьянство, в качестве показателя процесса раскрестьянивания в традиционном понимании

этого слова. Думается, что возврат к традиционному семейному, хуторскому или единоличному хозяйству дореволюционного типа сегодня невозможен в принципе. Проблема в другом: как помочь возрождающемуся крестьянству в организации современной технологически развитой системы хозяйствования? Как обеспечить сельских жителей работой в общественном или крупном частном сельскохозяйственном производстве, т. е. тех, кто не желает серьезно заниматься собственным хозяйством? Причем работой, способной удовлетворить их потребность в самореализации.

Конечно, жизнь и работа по образцам рабочего человека в сельском хозяйстве, отсутствие связи с собственной землей и домашним хозяйством ослабляют связь с деревенской жизнью, формируют подвижность миграционных намерений, меняют демографическое, экономическое и социальное поведение селян. Отсюда – повышенная готовность к перемене мест, миграция в другие населенные пункты и города. А сравнение преимуществ городской жизни с тяжелой трудовой в сельской местности часто побуждает селян покидать насиженные места, а родителям – желать своим детям городского будущего, профессии и места жительства. Так, в Беларуси 58,4 % родителей считают, что их детям и внукам желательно уезжать в город, и только 14,2 % – что следует остаться жить и работать в деревне [2, с. 383] (в российской деревне в 2015 г. также лишь 14,1 % селян хотели, чтобы их дети остались жить в сельской местности) [1, с. 79].

В монографии российских социологов внимание читателей обращено на процессы архаизации сельскохозяйственного производства России, обусловленные полным упадком сельскохозяйственного производства, ликвидацией многих ранее успешных производственных единиц, разграблением основных фондов, скупкой или передачей в аренду земельных паев [1, с. 25]. К счастью, такая проблема в сфере общественного сельхозпроизводства перед Беларусью не стоит, но остается устойчивой в крестьянских, крупных подсобных и частично в фермерских хозяйствах. Дороговизна современной техники, удобрений, кормов, сложность с покупкой семян и элитных сортов стимулируют процессы архаизации производства и, соответственно, вынуждают к самоэксплуатации крестьян, пытающихся ею компенсировать отсутствие современных методов и технологий хозяйствования. В этом плане между российскими и белорусскими крестьянами много общего.

Негативное отношение российских селян к реформам обусловлено интерпретацией ими современных событий с точки зрения сохраняющейся памяти о лучших страницах сельской жизни, особенно связанных с советским периодом. В отличие от российских белорусские селяне в меньшей

степени оглядываются назад, так как проводимые в АПК реформы осуществляются без судорожных рывков, постепенно, радикально не нарушая основные устои сельской жизни. Может быть, дело не только в этапах и специфике реформ в двух близких странах, но и в политике белорусского государства, поставившего под жесткий контроль этот процесс в различных отраслях и сферах, в отсутствии агрессивного влияния капиталистических отношений на экономику Беларуси, как это наблюдается в российском АПК. Хотя белорусская экономика и работает по законам рынка, контроль государства за этим процессом не позволяет дать все на откуп олигархам, латифундистам и другим крупным собственникам. В связи с этим социологические опросы белорусских социологов из года в год фиксируют довольно устойчивую тенденцию повышения благоприятного социального самочувствия и оптимизма: по данным 2014 г., 29 % селян утверждают, что по сравнению с прошлым годом они стали жить лучше; еще 44,2 % – что ничего не изменилось [2, с. 408]. Эта мысль подтверждается и такими показателями, как чувство социальной защищенности, личная безопасность и т. п. В Беларуси проблема личной безопасности вообще не стоит, в то время как в России ею обеспокоены 47,9 % сельских жителей. Однако у нас в стране проблема социальной защищенности от потери работы, бедности, самоуправства чиновников, руководства предприятий, органов правопорядка волнует более 50 % сельских жителей [2, с. 409]. Между тем есть опасение, что будущее не будет таким прозрачным и недвусмысленным, как хотелось бы. Предпринимаемые в стране шаги по приватизации крупных сельхозпредприятий и связанные с ними социальные процессы делают будущее белорусского села весьма неопределенным.

Российские коллеги в монографии обращают внимание на усиление роли семьи и акцентирование личной жизни селян, но трактуют это как следствие безысходности и бесперспективности сельского бытия. На наш взгляд, это слишком прямолинейная интерпретация, а сравнение с иерархией ценностей в советское время не совсем корректно. В настоящее время тенденция индивидуализации жизни наблюдается во всех странах, а в развитых и богатых – даже в большей степени. По данным международных исследований, семья, здоровье и дети сегодня выступают базовыми ценностями почти у всех народов мира. Поэтому неудивительно, что, по сведениям и российских, и белорусских социологов, ценность работы занимает только четвертое место.

Необходимо отметить, что каждый раздел монографии российских ученых представляет собой целостную научную работу, насыщенную не просто социологической информацией, но и глубоким,

и эмоционально окрашенным сочувствием судьбе российского крестьянства. В разделе «Социально-экономическая трансформация смысла жизненного мира российских крестьян» представляют интерес размышления на тему устройства сельского хозяйства в советский период и в современной России, соотношения экономической и социальной эффективности хозяйствования на селе, экстенсивного и интенсивного пути его развития [1, с. 38]. На основании статистического и социологического анализа делается вывод о том, что ориентация исключительно на повышение экономической эффективности породила социальную нестабильность в сельских населенных пунктах. Как следствие – возникновение нового социального класса – прекариата (Ж. Т. Тощенко), основным признаком которого является нестабильное положение работника на рынке труда. В то же время изучение социальной структуры сельского сообщества в Беларуси, проведенное в 2014–2015 гг. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, показало, что подобный класс в белорусской деревне пока отсутствует, так как проблема с занятостью сельского населения не стоит так остро, как в России. По мнению российских коллег, частная собственность и деньги разрушают моральную экономику сельских сообществ, социальные связи утончаются и начинают строиться на договорных, а не дружеских отношениях. В этом и заключаются социальные последствия раскрестьянивания, которые отражаются на смысле жизни на земле [1, с. 48]. Тоска по прошлому сквозит в словах Р. И. Анисимова о том, что села, по существу, превратились в поселки городского типа с канализацией, центральным отоплением, многоэтажным строительством, супермаркетами, т. е. перестают быть селами в классическом понимании этого слова [1, с. 54–55]. Думается, авторы слишком абсолютизировали особенность крестьянина как социального типа. На наш взгляд, ничего плохого нет в том, что крестьянин после работы хочет помыться в благоустроенной ванной комнате, жить в доме с горячей водой и паровым отоплением, иметь все блага городской жизни. Конечно, крестьянин – «таинственный незнакомец», но не до такой степени, чтобы ему отказывать в элементарных удобствах современной жизни. Пессимизм Р. И. Анисимова звучит также в неутешительных эскизах о будущем российской деревни, где часть деревень превратится в своеобразные дома престарелых или дачные поселки для горожан, часть будет включена в капиталистическое производство сельхозпродукции, организованное по принципу «собственник – батрак», социальные функции будут переложены на плечи самих селян, протестное поведение приведет к росту преступности и насилия в российском селе, дальнейшей маргинализации работников-батраков и межэтническим конфликтам. Правда, дан-

ный вывод заканчивается неожиданно оптимистическим прогнозом: «...несмотря на это, мы верим, что русская деревня, существующая уже более тысячи лет, не исчезнет». При этом автор высказывает надежду на то, что именно «на основе компромисса между экономической выгодой и социальной стабильностью возможна выработка новых точек сборки коллективности, что не даст пасть в лету уникальному мировому феномену – русской деревне» [1, с. 57].

Реальная картина материальной обеспеченности российских селян в главе «Материальное благополучие как смысл сельской жизни» рассматривается не только с точки зрения сложившейся ситуации последних лет, но и с позиции выяснения причин разделения сельского сообщества на разные социальные группы: низкодоходную, среднедоходную и высокодоходную. В частности, Т. Г. Евдокимова задается вопросом: какую роль играют в уровне доходов заработная плата селян и занятость в личном подсобном хозяйстве? То есть являются ли высокие доходы следствием занятости в личном хозяйстве или личное хозяйство является привилегией более обеспеченных слоев населения? В данной главе показано, что у сельских жителей с высокими доходами больше возможностей в ведении личного хозяйства (техника, земля, скот, теплицы и др.), благодаря чему они имеют возможность быть товарным хозяйством [1, с. 68]. Тем не менее утверждается в монографии, основным препятствием на пути благополучия является разбалансированность трудовой сферы, в частности высокий уровень безработицы (в 2015 г. – до 16 %). Именно отсутствие перспектив повышения материального благополучия ставит под вопрос один из главных смыслов сельской жизни.

Квалифицируя политическое сознание и активность российских крестьян преимущественно как пассивные формы политического участия в главе «Качество и смыслы политических практик жителей российского села», И. В. Воробьева обращает внимание на парадоксальность, амбивалентность их массового сознания и поведения, так как, несмотря на высокий уровень отчуждения от политической жизни страны и действий государства, наблюдается довольно высокий уровень лояльности к власти, политическому режиму в стране. Это явление автор объясняет тем, что население России, в принципе, привыкло жить в состоянии непрекращающегося кризиса и любая напряженная ситуация для него вполне терпима. Тем не менее сложные социально-экономические условия способствуют распространению ряда негативных процессов в сельской среде, особенно среди молодежи, препятствуя формированию социальной, гражданской активности, чувства патриотизма и ответственности за свою страну [1, с. 93]. Так, почти половина населения

села не считает участие в выборах своим гражданским долгом, тем самым отстраняясь от процесса избрания власти [1, с. 94]. К этому выводу пришли и белорусские социологи, однако, анализируя политическое сознание сельских жителей, они использовали социально-классовый подход, что позволило более точно описать особенности поведения двух сельских социальных групп – рабочих и крестьян. В частности, в опросе 2014 г. было выявлено, что в отличие от крестьян, которым характерен индивидуализм, сельскохозяйственным рабочим свойственны в большей степени открытость вовне, коллективизм, общительность. Однако среди крестьян наблюдается бóльшая, нежели среди рабочих, степень территориальной идентичности, что выражается, в частности, участием в жизни местного сообщества, обустройстве их населенного пункта. Больше крестьян (25 %), нежели сельскохозяйственных рабочих (12,5 %), посещают собрания, общественные обсуждения по вопросам планирования их населенного пункта, следят за происходящими в их селе, городе событиями в СМИ (56 и 40,6 % соответственно), участвуют в общественных инициативах по благоустройству и уборке территории и даже выступают с такими инициативами (42,4 и 25,7 % соответственно). Однако сельскохозяйственные рабочие, не характеризующиеся высокой степенью территориальной идентичности, в отличие от крестьян в большей степени озабочены общенациональными проблемами, связывают судьбу страны со странами Таможенного союза и в меньшей степени ориентированы на Запад, на вхождение Беларуси в Евросоюз. Можно согласиться с белорусскими социологами в том, что представление о жизненных смыслах крестьянства как единой монолитной социальной группы в условиях рыночной экономики и разгула капиталистических отношений в сельской местности нуждается в дополнительном анализе с точки зрения новой социальной структуры сельского сообщества.

Интересен сюжет о смыслах духовной жизни сельских жителей (гл. 5), представленный П. П. Великим. Приводится анализ особенностей духовной жизни селян, на данных эмпирических исследований демонстрируется распространение культурной эксклюзии, при этом подчеркивается, что, несмотря на рост информационной компетентности современных селян, она носит индивидуализированный характер, и только сравнительно небольшая доля (в основном специалисты) переводит ее в практическую созидательную плоскость [1, с. 119]. Автор призывает государство к более ответственной культурной политике и стратегии развития культуры села.

Отмечено, что духовно-культурная идентичность сельских жителей формируется в сфере социального общения, которое открывает возможность использования различных ресурсов участников интеракции в решении проблем, осуществляемых

не ради максимальной выгоды, а ради поддержания социальных взаимоотношений, которые являются одним из главных социальных смыслов межличностных отношений. В соответствии с концептуальной схемой монографии особенности межличностных отношений в сельской местности рассматриваются на уровне местного сообщества, трудовых коллективов и круга близких людей. Так как отношения между сельчанами построены на взаимобмене, взаимопомощи и наличии хорошей репутации, то четко прослеживается, по мнению А. В. Кученковой, связь между ориентацией на помощь односельчан, личным экономическим положением и благополучием человека [1, с. 128]. То есть особенности форм общения связываются с социальной дифференциацией в деревне. Утверждая, что обладание дополнительными ресурсами/преимуществами перед остальными повышает уверенность во взаимопомощи со стороны односельчан, автор подчеркивает социально-политическую подоплеку их поведения: так, положительные оценки ситуации в стране способствуют укреплению отношений между сельчанами, а оценка эффективности взаимопомощи связана с желанием продолжить жить в деревне либо переехать в город. Делается вывод: несмотря на факторы обособления и индивидуализации, солидарность, доверие и соседская взаимопомощь в бытовых нуждах в сельских поселениях не исчезли. Однако, несмотря на очевидные преимущества и выгоды межличностной взаимопомощи, неформальная кооперация и сотрудничество ограничиваются целями самообеспечения и не преобразуются в значимые гражданские инициативы [1, с. 133].

Поэтому, утверждается в книге, роль различных институций в сельской местности пока незначительна. Россияне обращаются за помощью чаще к близким и родным (родственникам и друзьям), реже – к коллегам и руководству, и крайне малая доля лиц рассчитывает на помощь со стороны местных органов власти, священника; практически никто не ожидает поддержки от профсоюзных организаций, политических партий. Подавляющее большинство сельчан (91,5 %) признались, что в первую очередь обратятся за помощью к членам семьи; более половины (55 %) – к друзьям. Лишь 14 % сельчан рассчитывают на помощь коллег, 5,7 % – руководителей, что говорит о низком уровне доверия к ним. Данные социологического опроса россиян в 2015 г., по существу, не отличаются от результатов опроса белорусских селян (исследование 2014 г.), где совокупность тесных контактов не только на уровне родственно-дружеских связей, но и трудовых коллективов, местного сообщества выступает гарантийно-страховой системой, цель которой – физическое и социальное выживание [1, с. 140].

Анализ институциональных и социально-структурных систем жизнеустройства позволяет авторам

монографии показать комплекс условий и предпосылок сельского бытия, порождающих, сохраняющих или деформирующих специфику жизненных смыслов сельского населения. В этом отношении скрупулезный и научно обоснованный анализ социально-демографических, семейных, здоровьесберегающих и образовательных аспектов жизнеобеспечения селян является в монографии тем фундаментом, который дает ясное и недвусмысленное представление об уровне человеческого потенциала современной российской деревни. Здесь совершенно уместно обращается внимание на роль сельской интеллигенции и молодежи, их жизненные смыслы, мировоззрение и политические ориентации как залог более обнадеживающего будущего [1, с. 231–273].

Одним из неоспоримых достоинств книги, представляющих интерес и для российских, и для белорусских социологов, является внимательное отношение к историко-социологическому наследию трудов ученых, предшественников современных исследований самобытности деревенской жизни. В частности, в книге размещены размышления авторов о монографии А. М. Большакова «Деревня»: 1917–1927 (М., 1928), а также сравнительный анализ изменений села Копанка, образа и смыслов жизни его жителей на базе двух социологических исследований в 1930-е гг., когда село находилось под властью Румынии, и в первую половину 1960-х гг., когда село входило в состав Советского Союза. Сравнение показало, что именно повышение уровня материального благосостояния копанских жителей вследствие экономического подъема села отразилось на смысловых установках населения. Только при относительной стабилизации материального благосостояния в жизни копанских крестьян появились новые смыслы, такие как забота о будущем, семья, здоровье, общественная деятельность и участие в культурной и духовной жизни. Следовательно, делают вывод авторы монографии, образ жизни и смысловые жизненные ориентиры сельского населения формируются под воздействием

макро- и мезосоциально-экономических и социально-политических условий, которые накладывают большой отпечаток на сознание и поведение крестьян.

Данное умозаключение доказывается авторами не только логически и эмпирически, но и исторически, что делает предложенную в начале монографии концепцию смыслов жизненного мира крестьян научно обоснованной и эмпирически достоверной. С ней можно не только согласиться, но и развивать далее, так как она раскрывает возможные перспективы социальной политики государства в отношении села и понимания жизненных ориентиров современных селян всем обществом.

Не менее значимым являются методологические аспекты исследований белорусских и российских социологов. Сравнительный анализ способов описания и объяснения особенностей жизненных миров селян и их смыслового наполнения, ценностей и моделей осознания ими собственного предназначения, представленных в двух монографиях, свидетельствуют о плодотворности даже заочного диалога ученых, посвятивших себя благородной задаче изучения эволюции современной деревни. Данный диалог показывает, что дальнейшее изучение жизненного мира сельских жителей социологическими методами возможно посредством различных методологических подходов и теорий, эвристический потенциал которых в данных монографиях воплотился в полной мере, в частности в использовании россиянами концепции социологии жизни и применении белорусскими социологами социально-классового подхода.

Именно применение российскими социологами этой концепции к крестьянству как целостному сельскому сообществу и отдельной личности, а также белорусскими – на основе учета социально-классовых различий сельского сообщества – делает раскрытие жизненного мира жителей села и его смыслового содержания в полной мере научно обоснованным, а также социально востребованным и актуальным.

Библиографические ссылки

1. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.
2. Смирнова Р. А., Кузьменко Т. В., Смирнов В. Э. и др. Судьба белорусской провинции. Социологический анализ / под общ. ред. Р. А. Смирновой. Минск, 2015.

References

1. Toshchenko Zh. T. (ed.) Smysly sel'skoi zhizni (opyt sotsiologicheskogo analiza). Moscow, 2016.
2. Smirnova R. A., Kuz'menko T. V., Smirnov V. E. et al. Sud'ba belorusskoi provintsii. Sotsiologicheskii analiz. Minsk, 2015.

Р. А. Смирнова,
доктор философских наук, доцент

Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск : БГУ, 2015. 359 с.
To know to foresee... Sociological studies / A. N. Danilov [et al.]; under the general editorship of A. N. Danilov. Minsk : BSU, 2015. 359 p.

В коллективной монографии, названной изящно и интригующе, читателю представлен широкий круг проблем, волнующих сегодня не только белорусских ученых, но и мировое сообщество в целом. Как развивается общество в условиях глобализации, информатизации и одновременно кризиса, охватившего экономику и другие сферы жизнедеятельности социума (в том чис-

ле институт образования)? Каковы перспективы выживания для социологии и философии как академического знания? Что необходимо предпринять для стабильности и в то же время динамики окружающего мира? Какие вызовы ставит перед человечеством угроза экологической катастрофы? Эти и другие вопросы подняты в рецензируемом труде.

Уже на первых страницах под заголовком «Вместо предисловия. Проблемное поле белорусской социологии: история и современность» (с. 3–16) А. Н. Данилов интересно и основательно излагает свои взгляды на место социологии в современном обществе, которому «необходимы новые социальные идеи, теории, концепции» (с. 4), делает обстоятельный исторический экскурс в период становления социологии как науки в Беларуси в советское время и развития в годы суверенного существования Республики Беларусь (с. 14). Автор, определяя направления науки, говорит об ученых, сыгравших особую роль на каждом этапе формирования социологии в Беларуси, причем многие имена известны не только в республике, что свидетельствует о большом вкладе белорусских исследователей в мировую науку.

В первом разделе «К новому миропорядку XXI века: теория и практика современности» читателю предложено поразмышлять вместе с авторами над глобальными проблемами современности и их отражением в социологических исследованиях.

В главе 1.1 «Роль государственного суверенитета и национальной культуры в созидании мирового устройства» (с. 19–30) Е. М. Бабосов рассматривает проявления «новейшей планетарной тенденции во взаимодействиях мировых геополитических центров» (с. 21) и предлагает принципиально но-

вую разработку «теоретической модели глобальной интеграции – синергетической (полицентрической)» (с. 26), что является весьма перспективным, на наш взгляд, для понимания процессов развития социума в планетарном масштабе. Е. М. Бабосовым представлен блистательный глубокий анализ актуальных тенденций «в глобализационных информационно-культурных потоках» (с. 28), а также даны рекомендации для интеграции общества в «народ» как «объединение личностей на основе общего менталитета, национальной культуры и традиций» (с. 29).

В главе 1.2 «Глобальный кризис и перестройка системы геополитического равновесия» (с. 31–45) И. И. Антонович пишет, что «настало время более внимательно рассмотреть эволюцию геополитической структуры мира, систему взаимоотношений государств, региональное и национальное сотрудничество» (с. 33). Автор провел всесторонний анализ экономики Китая, в связи с чем делает перспективный вывод о невозможности США сохранить позицию мирового господства в современных условиях. И. И. Антонович видит новую «историческую миссию» России в реализации ее роли «лидера евразийских государств» (с. 39).

В главе 1.3 «Смена вех в глобальном мире: от мира “по-американски” к созданию новой системы международного порядка» (с. 46–65) А. А. Плащинский обозначил вектор развития социума как результат «столкновения двух фундаментальных исторических и геополитических тенденций», первая из которых характеризуется «установлением нового мирового порядка как глобальной модели управления человеческой цивилизацией», а вторая – «продвижением альтернативной модели мироустройства в рамках процесса евразийской интеграции» (с. 46). Автор рассмотрел следующие вопросы: установление нового мирового порядка США как угроза мирному развитию человечества; противодействие США процессу евразийской интеграции; создание системы нового международного порядка как альтернативы «миру по-американски», роль евразийской интеграции в создании нового международного порядка, основные принципы новой системы мироустройства. Анализ данных проблем вызывает большой интерес, так как А. А. Плащинский строит свои умозаключения на обширном историческом материале, а также приводит неоспоримые доказательства современных тенденций мирового развития.

В главе 1.4 «Вторая мировая война и новый мировой порядок» обращено внимание на то, «какие характерные черты Второй мировой войны делают ее столь важной вехой в политической истории» (с. 66). Анализ Е. Вятра сосредоточен на трех проблемах: 1) характере этой войны; 2) изменениях, вызванных этой войной в структуре международных отношений, среди которых можно выделить как те, которые ушли в небытие спустя 50 лет после

начала войны, так и те, которые до сих пор актуальны в мировой политике и будут иметь силу еще много десятилетий; 3) влиянии Второй мировой войны на политическую и правовую мысль. Также автор размышляет о влиянии этой войны на ситуацию в Польше (с. 66).

В главе 1.5 «Достижение безопасного будущего на пути преодоления вызовов и рисков в жизни общества» П. А. Водопьянов делится с читателями своей тревогой о «глобальном антропогенном экологическом кризисе, который представляет собой не завтрашний день <...> а сегодняшний» (с. 81). Автор обращает наше внимание на два вида рисков: «неравенство между бедными и богатыми слоями населения и неэффективность глобального управления процессами экономического развития» (с. 83). П. А. Водопьянов демонстрирует свое видение характерных черт нового экологического мышления, «основанного на осознании взаимосвязи и взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере» (с. 87), выделяет два основных подхода в преодолении экологических затруднений – техногенный и биосферный.

В главе 1.6 «Ноосферный “дрейф” общества, цивилизационный конформизм и мегацикл развития жизни» П. М. Бурак проанализировал «ноосферные размышления выдающегося создателя концепции биосферы В. И. Вернадского» (с. 98), руководствуясь «необходимостью обозначить и выявить возможные решения ряда актуальных проблем ноосферогенеза, еще не разработанных», по мнению автора, «в должной степени, а также следуя убежденности в существовании и стихийном развитии ноосферы, теоретико-практической потребности в продуктивной альтернативе идеалам и ценностям общества потребления» (с. 98).

В главе 1.7 «Демографический мир и его проблемы» А. А. Раков рассмотрел причины «демографического бума и его остановки» (с. 122), а также обозначил вызовы, стоящие перед человечеством в XXI в. в области демографии.

Во втором разделе монографии «Социология незавершенных перемен: социальные технологии и реальные перспективы» в девяти главах рассматриваются актуальные проблемы современной Республики Беларусь.

В главе 2.1 «Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития» (с. 129–144) В. Н. Шимов дает краткую макроэкономическую характеристику современному состоянию экономики Беларуси, определяет основные причины стагнирования национальной экономики, освещает ключевые проблемы развития экономики страны, определяет общий контур перспективной модернизационной модели развития экономики Беларуси, что очень актуально.

В главе 2.2 «Генезис и законодательное обеспечение социальной политики в Республике Бела-

русь» А. П. Морова рассматривает ключевые вопросы социальной политики страны, которые реализуются, с точки зрения автора, через цели, механизмы и устойчивое финансовое обеспечение социальной политики, что определяется «выбранной моделью социальной политики» (с. 146). Эта тема основательно исследуется в данной главе. Автором также подробно проанализирован «переход от патерналистской к более эффективной модели социальной политики, когда ответственность за ее реализацию распределяется между государством и гражданами». Такую модель А. П. Морова называет «субсидиарной» (с. 148).

В главе 2.3 «Атлант на коленях: кризис неоконсервативного социального проекта и монетаристской политики» А. П. Лимаренко проводит «социологический анализ исторических последствий неоконсервативной революции» (с. 170), что вызывает несомненный интерес.

В главе 2.4 «Национальное самоопределение – политические и правовые дилеммы» (с. 181–189) Е. Вятр проанализировал эволюцию принципа самоопределения, соотношение принципа самоопределения и интересов великих держав, а также политические и правовые дилеммы соблюдения обозначенного принципа.

В главе 2.5 «Философско-социологический анализ феномена воображения» (с. 190–214) С. А. Шавель сделал креативный обзор вопросов гносеолого-креативной функции воображения, проанализировал способности воображения по антропологии И. Канта, рассмотрел идеальный тип как плод воображения (по М. Веберу), произвел социологическую интерпретацию воображения.

В главе 2.6 «Концепция креативной индустрии в современной социальной теории» (с. 215–234) И. Я. Марцевич-Духан провела тщательный и познавательный обзор концепции креативной индустрии, которая только-только становится объектом специального изучения социально-гуманитарных дисциплин. Автором рассмотрен междисциплинарный контекст формирования концепции креативной индустрии. Опираясь на понимание этого термина западной наукой, И. Я. Марцевич-Духан расширила и преобразовала его смысл «с учетом отечественной традиции понимания смысла творчества как духовной силы преобразования общества» (с. 222), обозначила структурно-содержательные особенности концепции креативной индустрии.

В главе 2.7 «За горизонтами постмодерна, или Судьба великих повествований» (с. 235–246) В. Э. Смирнов анализирует глубинные процессы, знаменующие конец капиталистической экономики, высказывая оригинальные взгляды на тенденции преобразования социума.

В главе 2.8 «Стигматизация как способ выделения объектов в структурах коммуникативного

действия» (с. 247–254) А. Н. Елсуков затронул вопросы языка, который, с точки зрения автора, «на информационно-коммуникационном уровне формирует из людей отдельные социальные структуры и общество в целом» (с. 247). Поэтому, как пишет ученый, «информация <...> выступает одной из важнейших составляющих частей социальной структуры. Она закрепляется в языке в форме знания и программ поведения, существуя как некое самостоятельное образование, определяя деятельность людей, которая, в свою очередь, расширяет объем информации» (с. 247).

В главе 2.9 «Социальное клонирование: еще один нежелательный “спутник” человеческой истории» Л. А. Гуцаленко проследил каналы образования «клоноподобных индивидов, их характерные черты, особенности и результаты функционирования в реальности современного мира» (с. 257). Автор также показал процесс поиска «альтернативы этому далеко не безвредному, но пока что неизбежному спутнику человеческой истории» (с. 257). Л. А. Гуцаленко рассмотрел ситуации, в которых социализация превращается в «питомник социального клонирования личности», раскрыл проблему «тупиковой преемственности». Социолог остро реагирует на ограничения образовательного стандарта, которые препятствуют учету в учебных программах учреждений высшего образования «предложений <...> предполагаемых партнеров в лице крупных современных компаний, фирм по подготовке для них конкурентоспособных специалистов в соответствии с новыми требованиями, профилем» (с. 261).

В третьем разделе «Общество будущего: модернизация системы образования и науки» в шести главах рассмотрены насущные проблемы реформирования образовательной системы.

В главе 3.1 «Научная рациональность: специфика, исторические типы, проблема преемственности» В. С. Стёпин поставил задачу выявить то инвариантное ядро, которое характеризует «научное познание во всем многообразии научных дисциплин и их исторических состояний», и блестяще решил ее, выделив систему признаков, «характеризующих особенности научного познания, его инвариантное ядро» (с. 269).

В главе 3.2 «Методология выявления социально-экономических и научно-технологических мегатрендов» В. К. Щербин рассмотрел «архитектуру мировой социологической науки» (с. 290), определил вектор поиска новейших знаний благодаря такой научной дисциплине, как социальная прогнозика (социальное прогнозирование), дал определение новым для данной области исследований понятиям, назвал основные методы выявления социально-экономических и научно-технологических мегатрендов. Нам представляются очень востребованными те положения об образовании в об-

ласти социологической науки, которые освещены автором в данной главе.

В главе 3.3 «Диалектика гуманитарного познания: методологическая рефлексия» Л. В. Хведченя проследила «эволюцию методологических оснований научного познания в максимально обозримый период» (с. 310), подвергла научному осмыслению «методологические проблемы с ориентацией на устойчивое развитие общества, что обусловлено актуализацией на рубеже веков факторов экологического характера, принимающих глобальный цивилизационный характер» (с. 316).

В главе 3.4 «Философия и стратегия научного поиска» (с. 322–333) С. П. Винокурова ищет ответы на многие актуальные вопросы. Способна ли национальная наука, в том числе и философия, обеспечить научную поддержку принимаемым решениям во всех областях, включая образование, культуру, науку? Насколько вписывается национальная модель развития науки в общецивилизационные процессы и при этом позволяет ли избранный путь сохранять национальные особенности развития? В какой мере готова отечественная наука ответить на актуальные вопросы или в крайнем случае грамотно сформулировать проблемы, в первую очередь требующие решения? Автор убеждает читателя, что недооценка творческой природы науки и ее нравственно-формирующей роли в жизни личности и общества превращает науку «в ремесло для интеллекта» (с. 326).

В главе 3.5 «Современные проблемы качества образования в Беларуси» Л. Г. Титаренко проанализировала «важнейшие проблемы системы высшего образования в современных условиях», уточнив то, «как рассматривается сам феномен образования и его основные цели» (с. 334).

В главе 3.6 «Проблемы этики в современном социуме. Размышления над новой книгой академика А. А. Гусейнова» (с. 349–355) А. Н. Данилов представил новое издание знаменитого ученого, высказав интересные соображения по проблемам, представленным в труде «Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью» (СПб., 2012). Размышления над данным сборником позволили А. Н. Данилову передать не только впечатления от прочитанного, но и поделиться собственными мыслями по данным проблемам.

Издание «Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды» является перспективным и востребованным на современном этапе развития научной мысли не только в отдельно взятой стране, но и во всем мировом сообществе. Коллективная монография актуальна и инновационна по содержанию.

С. А. Шилина,
доктор социологических наук
(Брянск, Россия)

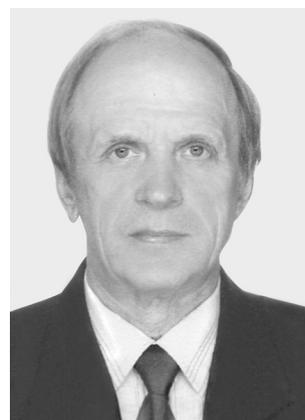
ЮБИЛЕИ

JUBILEE

— — — — —
**Вячеслав Григорьевич
РУДЬ**

**Vyacheslav Grigor'evich
Rud'**

— — — — —

Исполнилось 75 лет заведующему редакцией издания «Журнал Белорусского государственного университета. Социология» Вячеславу Григорьевичу Рудю. Он с нами с первых номеров – уже почти два десятилетия.

Мало кто знает, что за плечами Вячеслава Григорьевича большая и интересная жизнь. Родился он 13 февраля 1942 г. в Монголии в семье военного. Пришлось сменить не один гарнизон (Германия, Украина, Забайкалье), прежде чем в 1951 г. семья переехала в Беларусь. Здесь В. Г. Рудь окончил среднюю школу, работал токарем на Минском заводе автоматических линий. Затем – учеба в вузе, срочная служба, аспирантура в Институте физики твердого тела и полупроводников Академии наук БССР, преподавание теоретической физики в Минском государственном педагогическом институте им. М. Горького. В. Г. Рудь – автор более

30 научных публикаций, 5 авторских свидетельств на изобретение и более 60 публицистических материалов.

В Белорусском государственном университете Вячеслав Григорьевич работает с апреля 1978 г. Вначале трудился в должности заместителя главного редактора, а с 1985 г. 27 лет бессменно возглавлял ведущий научный журнал широкого профиля «Вестник БГУ». В это время получил второе высшее образование во Львовском полиграфическом институте им. И. Фёдорова по специальности «Литературное редактирование». После реформирования издания в 2012 г. В. Г. Рудь – ответственный секретарь, затем редактор отдела научных периодических изданий БГУ управления редакционно-издательской работы Белорусского государственного университета. Его общий трудовой стаж приближается к 60 годам.

В БГУ Вячеслав Григорьевич как дома: он знает всех, и все знают его. В. Г. Рудь пользуется неподдельным авторитетом и широкой известностью среди научной, университетской общественности, издателей. Прекрасный специалист, настоящий профессионал своего дела. Без работы – ни минуты... Кстати, не только на работе, но и дома, на даче Вячеслав Григорьевич занят по хозяйству, всегда готов посидеть с внуками... Ему всегда по-хорошему мало – такой уж он человек. Отзывчивый, трудолюбивый, ответственный, в меру строгий, а главное – «университетский» на все сто процентов. Может быть, как раз в трудолюбии, высочайшей степени ответственности, уникальной обязательности этого человека и кроется секрет его молодости.

В день юбилея прозвучало много добрых слов в адрес именинника, говорили о его вкладе в издательский комплекс университета, человеческих качествах, отношении к профессиональной деятельности. Заслуженный работник БГУ, заслуженный работник печати Республики Беларусь Вячеслав Григорьевич Рудь и сегодня в строю – помогает словом и делом развивать наше издание, делать его еще более современным и востребованным...

Дорогой Вячеслав Григорьевич, искренне поздравляем Вас с юбилеем! Мы счастливы работать с Вами! Верим, что еще не один номер мы подготовим вместе.

Редколлегия

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPER DEPOSITED AT BSU

УДК 364-786(075.8)+316.624(075.8)

Азарова Л. А. Реабилитация лиц с девиантным поведением [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)», направление специальности 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)» / Л. А. Азарова, В. А. Сятковский ; ГИУСТ БГУ, каф. социальной работы и реабилитологии. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 111 с. : ил. Библиогр.: с. 110–111, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/163177>. Загл. с экрана. № 009616122016. Деп. в БГУ 16.12.2016.

Пособие содержит краткий конспект лекций. Вместе с программой дисциплины, контрольными вопросами и индивидуальными заданиями для подготовки презентаций студентами реабилитационных программ образует учебно-методический комплекс. Адресуется студентам специальности «Социальная работа» по направлению «социально-реабилитационная деятельность» Государственного института управления и социальных технологий БГУ.

УДК 316.334.3(075.8)+364(075.8)

Социальная политика [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс по учебной дисциплине «Социальная политика» для специальности 1-25 01 01 «Экономическая теория» / БГУ, экономический факультет, каф. теоретической и институциональной экономики ; сост. О. Н. Ерофеева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 331 с. : ил. Библиогр.: с. 321–327, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/165669>. Загл. с экрана. № 000818012017. Деп. в БГУ 18.01.2017.

Пособие содержит учебный материал по курсу «Социальная политика». Вместе с программой дисциплины, контрольными вопросами и заданиями образует учебно-методический комплекс. Представленный материал направлен на изучение основ социальной политики, ее функций и особенностей формирования в различных типах хозяйственных систем, механизмов реализации этих функций. Особое внимание уделяется пониманию специфики моделей социальной политики в различных странах и факторам, обуславливающим эти различия. Значительное место занимает рассмотрение вопросов формирования социальной политики в Республике Беларусь, необходимых направлений и способов ее совершенствования. Адресуется студентам специальности «Экономическая теория». Может быть использовано студентами первой и второй ступеней высшего образования других специальностей при изучении вопросов социальной политики.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Бабосов Е. М.</i> Возрастающая роль креативной личности в развитии сетевого общества	4
<i>Плацинский А. А.</i> Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие	11
<i>Щербин В. К.</i> Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества	19

БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ

<i>Данилов А. Н.</i> Многие его оценки, выводы и прогнозы сегодня звучат пророчески... (к 80-летию со дня рождения Ивана Ивановича Антоновича)	36
<i>Антонович И. И.</i> Столетие русских революций 1917 г. (статья первая)	38
От редколлегии	48
К сожалению, причастны и виновны все... ..	49

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Шавель С. А.</i> Расширенный порядок как манифест рыночного фундаментализма	52
<i>Сутьжицкий И. С.</i> К обоснованию дюркгеймианской программы в современных <i>memory studies</i> : коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти	64
<i>Мартиневич В. А.</i> Стигматизация новых религиозных движений	73

ДИСКУССИЯ

<i>Шамякина Т. И.</i> Прогресс как социальная парадигма и здравый смысл	82
<i>Злотников А. Г.</i> Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное?	91

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Любовь как феномен европейской культуры: от экстаза к аскезе	98
---	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В.</i> Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры	109
<i>Ирдам Д., Азарова А., Шейринг Г., Кинг Л.</i> Массовая приватизация и смертность в малых и средних индустриальных городах России и Беларуси	119
<i>Масленченко С. В.</i> Троллинг как социально-политический феномен	127

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Жизненный мир российского крестьянина. Взгляд из Беларуси (рецензия на коллективную монографию под редакцией Ж. Т. Тощенко «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)»)	133
<i>Шилина С. А.</i> Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды	140

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Григорьевич Рудь	143
Аннотации депонированных в БГУ работ	145

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Babosov E. M.</i> Increasing role of creative personality in development of network society.....	4
<i>Plashchinsky A. A.</i> The new world order paradigm within the U.S. foreign policy strategy: formation and development	11
<i>Shcherbin V. K.</i> Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society.....	19

BIOGRAPHIES OF SCIENTISTS

<i>Danilov A. N.</i> His many estimates, conclusions and forecasts sound today prophetically (to the 80 th anniversary of Ivan Ivanovich Antonovich).....	36
<i>Antonovich I. I.</i> One hundredth anniversary of the Russian revolutions of 1917 (first article)	38
Editorial	48
Unfortunately, everybody is participating and guilty.....	49

ARTICLES AND REPORTS

<i>Shavel S. A.</i> Extended order as manifesto of market fundamentalism	52
<i>Sulzhitski I. S.</i> On the justification of Durkheimian program in contemporary <i>memory studies</i> : commemorative ritual and the ambiguity of the memory.....	64
<i>Martinovich V. A.</i> Stigmatization of new religious movements	73

DISCUSSION

<i>Shamyakina T. I.</i> Progress as a paradigm of social and common sense	82
<i>Zlotnikov A. G.</i> Balance of migration in Belarus: positive or negative?.....	91

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> Love as a phenomenon of European culture: from ecstasy to ascesis	98
--	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Danilov A. N., Grishchenko Z. M., Scholkova T. V.</i> Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture	109
<i>Irdam D., Azarova A., Scheiring G., King L.</i> Mass privatization and mortality in small and medium sized industrial towns in Russia and Belarus.....	119
<i>Maslenchenko S. V.</i> Trolling as a social-political phenomenon.....	127

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

The life-world of the Russian peasant. A view from Belarus (review of the collective monograph edited by Zh. T. Toshchenko «Meanings of rural life (experience of sociological analysis)»).....	133
<i>Shilina S. A.</i> To know to foresee... Sociological studies.....	140

JUBILEE

Vyacheslav Grigor'evich Rud'	143
Indicative abstracts of the paper deposited at BSU	145

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, Минск.

Тел. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru

vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *М. А. Подголина*

Подписано в печать 03.04.2017.

Тираж 175 экз. Заказ 276.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk.

Correspondence address: Kal'variiskaya str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru

vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *M. A. Podgolina*

Signed print 03.04.2017.

Edition 175 copies. Order number 276.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Krasnoarmeiskaya str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017